

Джек Уильямсон

Золотая кровь



Перевод: Катерина Фенлар

Джек Уильямсон — патриарх и живой классик американской научной фантастики, один из основоположников жанра «космической оперы». Именно он придумал термины «генная инженерия» и «терраформирование», вошедшие в лексикон всех современных фантастов и ученых. Его перу принадлежат знаменитые циклы «Легион пространства», «Звездное дитя» (совместно с Фредериком Полом), множество романов, повестей и рассказов.

Глава первая

ТАЙНЫЙ ЛЕГИОН

Полуденное аравийское солнце странно напоминает луну. Его ослепительное сияние, как и лунный свет, стирает краски, высвечивая мир в черно-белых, контрастных тенях. Человеческие чувства пасуют перед этим огненным великолепием, и на выручку им приходит сиеста — капитуляция утомленного тела перед солнечным жаром.

Прайс Дюран развалился под выцветшим навесом на обожженной солнцем палубе шхуны. Он пребывал в полудреме, в которой можно видеть сон и одновременно знать, что ты видишь сон, наблюдая за собой как бы со стороны. Прайс — точнее, та часть его сознания, которая сейчас не спала, — не мог не поражаться своему сновидению.

Прайсу Дюрану снился затерянный в дебрях времен Энз, прятавшийся где-то в глубине непроходимых пустынь. Могучие стены окружали гордые башни, а вокруг простирались зеленые пальмы огромного оазиса. Прайс видел, как величественно распахнулись городские ворота. Разошлись тяжелые бронзовые створки, и на громадном белом верблюде выехал воин в сверкающей золотой кольчуге и с тяжелым золотым топором в руках. Воин ехал мимо высоких пальм к ржавым барханам пустыни. Похоже, он что-то искал, и руки его крепко

сжимали рукоять огромного топора.

Назойливая муха, жужжа, закрутилась над головой Прайса, и, зевнув, он окончательно проснулся. Чертовски странный сон! Чудно увидеть загадочный город совершенно ясно, словно наяву. Выходит, даже во сне Энз занимает его мысли. Вот только в легенде не было ни слова о войне в золотой кольчуге.

Впрочем, в такую жару думать о мифах и легендах не хотелось. Думать не хотелось вообще ни о чем... Прайс вытер текущий по лицу пот и, прищурившись от нестерпимого солнечного блеска, посмотрел вокруг.

Залитое слепящими лучами Аравийское море сверкало, точно расплавленное стекло. Опаленное жаром небо отливало медью. На севере тянулась череда бурых дюн — там безжизненные барханы пустыни Руб-эль-Хали встречались с переливающимся на солнце морем. Шхуна «Иньес», темная, как и ее смуглокожий владелец, застыла в полумиле от берега посреди зеркально-гладких, словно застывших вод. Ее обвислые грязно-серые паруса отбрасывали узкие тени на давно немытую палубу.

Прайс Дюран, развалившийся под обтрепанным навесом, был сыт по горло и недвижимым морем, и прокаленным на солнце песком. Он физически ощущал враждебность лежащей за бортом пустыни — коварной, загадочной и молчаливой. С тех пор как шхуна покинула Красное море, два противоречивых и очень сильных чувства упорно боролись за власть над его душой.

Прайс Дюран, уставший от мира солдат удачи, боялся этой пустыни, самой жестокой и непознанной на свете. Боялся, но, разумеется, не настолько, чтобы отказаться от участия в экспедиции. Не в его привычках было отступать из-за слепого страха. Собрав волю в кулак, он боролся против ее мрачных чар и не собирался ей покоряться.

И в то же время другая часть его существа радостно приветствовала мрачный дух пустыни. Пустота и безжизненность манили Дюрана, и в самой ее зловещности крылось какое-то непонятное очарование.

— Вижу Фархада, — донесся с носа спокойный голос Якоба Гарта. — Прибыл точно в срок. К понедельнику отправимся в путь.

Прайс посмотрел на Якоба. Под кажущейся мягкостью рыжебородого великана скрывались железная воля и стальные мускулы. Из всех пассажиров и команды «Иньес» только у него кожа почему-то осталась белой, не покрывшись ни красными пятнами ожогов, ни ровным слоем густо-коричневого загара.

Его слова мигом пробудили шхуну от полуденной сиесты.

Жоао де Кастро, косоглазый азиат, отребье из отребьев из далекого Макао и капитан «Иньес», выскочив из каюты, обрушил на Гарта целый град вопросов на португальском и ломаном английском. Маленький и щуплый, он держал в подчинении разномастную команду шхуны одной только дьявольской жестокостью. Прайс не больно-то жаловал своих спутников, но Жоао он просто-напросто ненавидел. Это была инстинктивная ненависть, ненависть с первого взгляда. И Прайс знал, что азиат платит ему той же монетой.

— Там! — Одним словом Якоб Гарт оборвал суетливые вопросы маленького капитана. Передав тому бинокль, он указал на линию барханов на горизонте.

Прайс словно заново разглядывал Гарта. Спустя три месяца, проведенные в его обществе, Дюран знал своего спутника и компаньона ничуть не лучше, чем в самый первый день знакомства. Якоб Гарт оставался загадкой, головоломкой, которую никак не удавалось разгадать. Его широкое бледное лицо вечно носило маску невозмутимости. Прайсу еще ни разу не довелось увидеть, чтобы Гарт вышел из себя. Даже тени эмоции не появлялось в его глазах.

Гарт, вероятно, был англичанином. По-английски он, во всяком случае, говорил без малейшего акцента, а богатый словарный запас выдавал в нем образованного человека. Прайс полагал, что Гарт — аристократ, разоренный войной и теперь пытающийся поправить свои дела за счет мифического арабского золота. Пока что это предположение оставалось недоказанным.

Слова Гарта, словно лесной пожар, разлетелись по шхуне. Странно и даже немного смешно было глядеть на него, спокойного и невозмутимого, как Будда, посреди возбужденных искателей приключений.

Люди повыскакивали из укромных местечек, где они прятались от солнца, крича и толкаясь, столпились у борта. Все взгляды были устремлены на далекий берег.

Крепкими ребятами были эти два десятка выдавших виды парней, называвших себя «Тайный легион»! Впрочем, для подобной экспедиции такие и требовались. Здесь не было места изнеженным молокососам.

Каждый боец Тайного легиона в свое время участвовал в мировой войне — иначе и быть не могло, учитывая истинный характер груза «Иньес», обозначенного в манифесте как «сельскохозяйственные машины». Никого моложе тридцати и почти никого старше сорока. Не считая Прайса, один американец — Сэм Сорроуз, долговязый канзасец, бывший фермер; девять человек, отобранных Гартом, вели свой род из Англии. Остальные представляли полдюжины разных европейских стран. Все они прекрасно умели пользоваться лежащим в трюме шхуны грузом и были готовы без колебаний за него взяться в борьбе за сказочное сокровище, обещанное Якобом Гартом.

Прайс неохотно встал и подошел к борту. Невооруженным глазом на берегу ничего не было видно. Приняв из дрожащих рук капитана бинокль, Гарт передал его Прайсу.

— Посмотрите за второй грядой дюн, мистер Дюран.

В окулярахплыли ржавые пески... а потом Прайс увидел верблюдов — черные точки, медленно ползущие в сторону моря по желтому склону далекого бархана.

— Ты уверен, что это наши арабы?

— Ну конечно! — прогреготал Гарт. — Тут, знаете ли, не больно-то оживленное место. Я уже имел дело с Фархадом. За двести пятьдесят фунтов в день он предоставит в наше распоряжение сорок воинов и двести верблюдов. В этом на него можно положиться.

Прайсу уже доводилось слышать о Фархаде аль-Ахмеде, предводителе банды бедуинов-харами, или попросту разбойников. Он знал, что на старого шейха можно положиться только в одном: тот без зазрения совести перережет глотку лучшему другу, если это принесет лишнюю пару золотых.

Обжигающее солнце вскоре опять загнало людей в тень. Вновь воцарилась гнетущая тишина, и пустыня Руб-эль-Хали, что означает в переводе «Пустое место», снова опутала шхуну атмосферой зловещей и неясной угрозы.

К закату следующего дня последние ящики и контейнеры покинули трюм шхуны и переехали на песчаный берег. Люди Фархада перетащили их к дюнам, куда не доставали даже самые высокие волны. Теперь аккуратно сложенные, укрытые брезентом штабеля громоздились посреди лагеря, в окружении шатров и лежащих на песке верблюдов.

Прайс, с пистолетом в руках охранявший груз, не мог не улыбнуться при мысли о том, какой шок вызвало бы в определенных дипломатических кругах известие, что «сельскохозяйственный инвентарь» из этих ящиков попал в частные руки.

Мысленно он еще раз проверил опись.

Пятьдесят новых карабинов марки «лебел», пятизарядные, с прицелами от четырехсот метров до двух километров, и пятьдесят тысяч патронов к ним.

Четыре французских пулемета «хотчисс» с воздушным охлаждением, что немаловажно в условиях пустыни, на треногах, и шестьдесят тысяч патронов, в обоймах по тридцать штук.

Две крупновские пушки двадцатилетней давности, изрядно повоевавшие на Балканах, с пятью сотнями снарядов.

Два миномета в комплекте с четырьмястами минами.

Четыре дюжины пистолетов сорок пятого калибра с боеприпасами.

Десять ящиков ручных гранат. Пятьсот фунтов динамита с взрывателями и шнурами.

А рядом, возле штабеля бочек с бензином и канистр с маслом, самое внушительное

оружие — легкий трехтонный танк с двумя пулеметами на борту и со специальными широкими гусеницами для передвижения по пескам.

Прайс хотел прихватить еще и самолет, но Якоб Гарт был против. Честно говоря, Прайс так и не понял почему. Он не мог всерьез принять возражение, что самолету, дескать, трудно будет взлетать и садиться в пустыне.

Впрочем, не подозревавший подвоха Прайс для разнообразия решил не спорить.

Много недель упорного, опасного труда и много тысяч долларов из кармана Прайса ушли на то, чтобы обеспечить воинов Тайного легиона всем этим снаряжением.

Стоя возле укрытых брезентом ящиков, Прайс следил за лодкой, возвращающейся со шхуны. Интересно, что Гарт вез с собой на берег всю, без исключения, команду «Иньес», включая и ее капитана Жоао де Кастро. Когда шлюпка подплыла поближе, Прайс услышал, что Гарт и Жоао о чем-то спорят. Точнее, спорил маленький азиат, во весь голос выражая свое возмущение. Англичанин же словно его и не замечал.

Прайс только успел поразиться, почему Гарт не оставил на борту даже часовых, когда шхуна внезапно вздрогнула. Над морем прокатилось глухое эхо взрыва. Желтый дым пополз из иллюминаторов и люков.

Медленно, но решительно «Иньес» наклонилась на борт, задрала в воздух черный нос и кормой вперед ушла под воду.

— В пустыне этот корабль нам не понадобится, — прогремел голос Гарта. — Мне бы не хотелось, чтобы кто-то вздумал с полпути вернуться. Не печалься, де Кастро. Когда мы найдем золото, ты, если захочешь, купишь себе океанский лайнер!

Глава вторая ЖЕЛТЫЙ КЛИНОК

Якоб Гарт вышел на Прайса Дюрана три месяца назад в одном из баров Порт-Саида. Прайс тогда увидел перед собой высокого мужчину, толстого, с обрюзгшим бледным лицом, покрытым щетинистой рыжей бородой. Некогда белый костюм незнакомца был грязен и мокр от пота, а солнцезащитный шлем на голове потрепан и обшарпан.

Но как ни странно, под жиром скрывались крепкие мускулы, а глаза были жесткими и холодными — глаза человека, привыкшего командовать. Рукопожатие Гарта оказалось исключительно крепким.

— Дюран, не так ли? — гулко приветствовал он Прайса, испытующим взглядом окидывая рослого рыжеволосого американца.

Прайс молча кивнул.

— Насколько я понимаю, вас можно назвать солдатом удачи?

— Пожалуй, — признал Прайс — Я действительно отличаюсь некоторой склонностью к приключениям.

— У меня есть нечто, что могло бы вас заинтересовать.

— В самом деле?

— Вы, наверно, слышали легенду об Энзе? Я не имею в виду деревню Энз в Северной Аравии; я говорю об Энзе — древнем городе, лежащем в забытом оазисе за хребтом Джабаль-Херб.

— Я знаком с преданиями арабских народов. Слышал и об Энзе, и о Мэгаинме, и о других затерянных в пустынях мифических городах. Современные сказки «Тысячи и одной ночи»!

— Не совсем так, мистер Дюран. — Гарт понизил голос. — В рассказах бедуинов об Энзе, как бы дико они ни звучали, есть доля истины. Обычно так с мифами и бывает. Даже у сказок «Тысячи и одной ночи», о которых вы упомянули, и то корни лежат в реальных исторических фактах. Но у меня есть нечто получше слухов. Если бы вы согласились пройти ко мне на шхуну, я бы мог изложить вам все подробнее. «Иньес» стоит во внешней бухте, возле волнореза.

— А почему не здесь? — спросил Прайс, указывая на столик в углу.

— Я кое-что вам покажу. Нечто, подтверждающее мои слова. Ну... и мне не хотелось бы, чтобы тому были свидетели.

Прайс не впервые слышал и об «Иньес», и о ее капитане-азиатке. Пока еще никто ничего хорошего о них не говорил. С другой стороны, сейчас Прайса одолевала тоска. Ему все надоело, и маленькое приключение выглядело довольно заманчиво.

Поэтому он кивнул.

Изобразив на изъеденном оспой лице кривую и предупредительную улыбку, Жоао де Кастро приветствовал гостя на борту шхуны. Раскосые черные глаза на миг обратились к Якобу Гарту, словно за указаниями. Но тот, небрежно оттолкнув капитана в сторону, уже вел американца в расположенную посреди судна каюту.

Заперев за собой дверь, он повернулся к Прайсу:

— Надеюсь, вы обещаете никому не рассказывать о том, что сегодня узнаете. Это если вы не примете моего предложения.

— Хорошо.

Гарт испытующе поглядел на Прайса и кивнул:

— Я вам верю.

Усадив гостя за стол, Гарт достал бутылку виски и пару стаканов. Но Прайс от выпивки отказался. Тогда Гарт сразу перешел к делу:

— Давайте для начала вы расскажете мне все, что вам известно об Энзе.

— Ну, вообще-то ничего особенного. Только то, что знают все. Когда-то давно на месте пустыни будто бы лежали плодородные земли и располагался город Энз, подчинивший себе весь район Руб-эль-Хали.. Потом, около тысячи лет назад, пески якобы наглухо отрезали Энз от мира.

Вполне в духе местных преданий. Особенно учитывая горячее воображение арабов и тот факт, что Южная Аравия, наверно, самое неизученное место на нашей планете, — конечно, если не считать полярных областей.

Якоб Гарт кивнул.

— Эта легенда, — медленно начал он, — как вы ее изложили, недалеко от истины. Энз действительно существует. И он все еще населен... во всяком случае, населен спрятанный посреди пустыни оазис. Энз действительно самый богатый город на земле. Добычи в нем хватит на целую армию.

— Мне уже доводилось слышать заявления подобного рода, — улыбнулся Прайс. — Вы что, знаете это наверняка?

— Судите сами. Вот уже двадцать лет, с момента окончания войны, я исследую окраины Руб-эль-Хали. Я жил с бедуинами, собрал тысячи легенд... Почти все они представляют собой искаженные версии истории Энза. И, Дюран, мне удалось добраться до самого Джабаль-Херба.

Это утверждение заставило Прайса взглянуть на своего собеседника с невольным уважением. Горы Джабаль-Херб считались столь же мифическими, как и сам Энз. Если Якоб Гарт видел их собственными глазами, значит, не такой уж он жирный, неповоротливый толстячок, каким казался с первого взгляда.

— Со мной шли еще пятеро, — между тем продолжал Гарт. — И у всех нас были ружья. Но мы не смогли пройти Джабаль-Херб. Дело в том, что эти горы охраняются! Мне кажется, жителям Энза известно о нашем мире куда больше, чем нам о них. И они не больно-то рвутся устанавливать с нами контакт.

Да, у нас были ружья. Но их вооружение, как ни парадоксально, оказалось не хуже. Пять отважных парней вечным сном уснули в Джабаль-Хербе, только мне одному удалось унести оттуда ноги. Однако ушел я не с пустыми руками... То самое подтверждение, о котором я говорил.

Двигаясь с грацией, неожиданной для его массивного тела, Гарт подошел к сундуку и

вынул оттуда свиток — длинный, узкий рулон выделанной кожи, сухой и потрескавшейся.

— Немного выцвело, но прочесть еще можно, — сказал Гарт, указывая на покрывающие свиток письма. — Вы читаете по-испански?

— Немного.

— Это чистое кастильское наречие.

Прайс осторожно развернул свиток.

Рукопись представляла из себя автобиографию некоего Фернандо Хесуса де Куадра-и-Варгас. Родившийся в Севилье в 1480 году, Фернандо в возрасте двадцати двух лет был вынужден — по необъясненной причине — бежать в Португалию. Завербованный в военно-морской флот короля Мануэля, он участвовал в португальской экспедиции Альфонса де Альбукерка — той самой, что в 1508 году захватила побережье Аравии. Здесь у автора манускрипта вновь возникли какие-то проблемы, о причинах которых не говорилось. В общем, дезертировав из португальского флота, он незамедлительно попал в плен к арабам.

Через несколько лет, сбежав от своих хозяев и не рискуя сунуться в португальские поселения, Варгас решил на украденном верблюде пересечь Аравию, рассчитывая в конце концов добраться до родной Испании.

«Великие тяготы выпали на мою долю, — писал он, — ибо не хватало мне воды в этой земле язычников, не знающих ни Истинного Господа нашего, ни даже пророка неверных. Много недель я не пил ничего, кроме молока моей верблюдицы, питавшейся колючками жестокой пустыни. А потом я попал в край горячего песка, и верблюдица моя испустила дух за недостатком корма. Я отправился дальше пешком и милостью Пречистой Девы Марии добрался до Золотой Земли.

Я нашел убежище в городе, окруженном пальмовыми кущами. Люди тут называли себя «Бени-Энз», и пребывали они в самом отвратительном идолопоклонничестве. Бени-Энз поклонялись богам из живого золота, обитавшим на горе возле их города в золотом доме.

Эти золотые существа рабом взяли меня к себе на гору, и там мне довелось лицезреть самих идолов, являвших собой золотого тигра и громадного змея. Совершенно живых, хотя и из желтого металла. Золотой мужчина, жрец змея, допросил меня, а потом вырвал мне язык.

Три года провел я в рабстве внутри горы, а затем милостью Божьей бежал, убив стражника его же собственным золотым мечом. Меч этот и сейчас со мной. На посланном Пресвятой Девой верблюде я пустился в сторону моря, по тропе, обозначенной человеческими черепами.

И вновь жажда преследовала меня по пятам. Жажда и жестокая сила золотых богов. Мой верблюд мертв, сам я калека и уже никогда не покину этих гор, где мне посчастливилось найти источник. Мне суждено умереть в этой пещере, и я молю Господа, чтобы карающий меч поскорее обрушился на те Золотые Земли, дабы навсегда очистить их от мерзкого идолопоклонничества и зла».

Прайс сидел и глядел на сухой, потрескавшийся пергамент. Он пытался воображением дорисовать то отчаянное путешествие, о котором рассказывал манускрипт. Варгас, похоже, был крутым парнем. Пережить такое, потом выделать верблюжью кожу, приготовить чернила и записать воспоминания — и все это сознавая неминуемость своей смерти!..

— Ну и что вы думаете? — нарушил тишину голос Гарта.

— Любопытно. Весьма. Но, возможно, это подделка. Старый пергамент не такая уж и редкость.

— Я нашел его возле человеческого скелета. В пещере в Джабаль-Хербе.

— От этого мои сомнения не становятся меньше.

— Тогда, может, вот что поможет, — усмехнулся Гарт, снова запуская руку в сундук. — Это подделать было бы не так-то просто.

Он вынул изогнутый желтый клинок, чудесно переливающийся в полутемной каюте. Золотой ятаган!

— Посмотрите! — прогрохотал Гарт, и голос его зачаровывал и ослеплял. — Золото!

Чистое золото! И закаленное, как лучшая сталь!

Он взмахнул клинком, со свистом разрезав воздух, и передал ятаган Прайсу.

Странное это было оружие, с тяжелым обоюдоострым клинком, острым как бритва. Прайс потрогал его пальцем. Такого острия золото иметь не могло. И известные Прайсу золотые сплавы тоже. Рукоятка представляла собой цельную змею из мягкого золота, держащую в зубастой пасти кроваво-красный рубин.

Наклонившийся над столом Якоб Гарт выглядел не менее удивительно, чем показанное им оружие. Крупный, с широченными плечами, с мягкой и белой, как у ребенка, кожей, с холодными глазами, жестко и нетерпеливо горящими на покрытом рыжей бородой лице.

— Да, это золото, — согласился Прайс. Спорить тут не приходилось, хотя это золото было куда тверже, чем ему полагалось бы быть. — И рубин настоящий.

— Вы удовлетворены? — спросил Гарт.

— Я знаю только, что в вашем распоряжении есть нечто не вполне обычное. Кое-где рассказ испанца звучит просто невероятно. Но что конкретно вы мне предлагаете?

— Я организовываю новую экспедицию. Хочу набрать отряд, который смог бы пробиться через охраняемый перевал и сломить сопротивление жителей Энза. Потребуется, если вам угодно, маленькая армия.

— Никому еще не удавалось покорить Центральную Аравию, — покачал головой Прайс. — А кто только не пытался это сделать за последние пятнадцать веков!

— Это будет не просто, — согласился Гарт. — Но награда!.. Она просто невообразима! Подумайте о золотом доме, о котором пишет испанец! Я знаю пустыню. И вы тоже. Мы не какие-то там зеленые молокососы.

— И что вы предлагаете?

— Для снаряжения экспедиции необходимо порядка ста сорока тысяч долларов. Насколько мне известно, вы могли бы предоставить такую сумму.

— Возможно. И что я получу взамен?

— Вы будете моим заместителем. Я, разумеется, возглавлю экспедицию. Вы станете вторым. Де Кастро — третьим. Половину добычи придется разделить между людьми. Вторую половину мы поделим на двенадцать долей. Пять — мне, четыре — вам и три — де Кастро.

Для Прайса золото само по себе ничего не значило. Его состояние, для преумножения которого сам он не делал ровным счетом ничего, приближалось к четырем миллионам долларов. Ему был тридцать один год, и он не мог сидеть на одном месте, его одолевала хандра и скука, хотелось чего-то непонятного и неизведанного. Вот уже десять лет он без цели скитался по Востоку в поисках... он и сам не знал чего именно.

Странно заманчивым казалось Прайсу решить мрачную загадку окруженной горами, прокаленной солнцем пустыни Руб-эль-Хали. Пустыни, которой боялись даже бедуины.

Сам Прайс свободно говорил по-арабски и кое-что знал о жизни в пустыне. Сокровища — ерунда; приключение само по себе значило куда больше. Приключение. Борьба с природой в самом смертоносном ее проявлении. Сражение, если Гарт не врал, с загадочными силами, царствовавшими в глубине песков.

Предложение Якоба Гарта весьма импонировало Прайсу. Смелое и трудное начинание. Нечто такое, чего еще никто никогда не делал. И золото. Прекрасный трофей в конце пути.

Прайсу внезапно захотелось принять участие в этой экспедиции. Такого прилива энтузиазма он не испытывал уже много-много месяцев. Но что-то в нем восставало против того, чтобы соглашаться на второстепенную роль. Он не мог позволить кому-то собой командовать.

— Возглавить экспедицию должен я, — решительно сказал Прайс — И добычу мы должны делить поровну. По четыре с половиной доли каждому.

Гарт нахмурился.

— Вы слышали мое предложение, — прогремел он, и в голосе его почти что зазвучал гнев. — Вам нечего опасаться обмана. Если хотите, можете сами расплачиваться за покупки.

Не сомневайтесь, я бы не сунулся в Руб-эль-Хали, если бы не верил в успех.

— Я приму участие в походе, — тихо сказал Прайс, — только если стану его руководителем.

И Гарт в конце концов сдался.

— Хорошо, — кивнул он. — Командуете вы. И добычу делим поровну.

Два месяца «Иньес» крадучись пробиралась из одного порта Восточной Европы в другой, постепенно собирая груз, обозначенный в манифесте как «сельскохозяйственные машины», и бывших солдат, называвших себя «Тайный легион».

И вот все позади, груз и люди на борту, и шхуна, проскользнув через канал в Красное море, направилась на восток вдоль Аравийского побережья. Она плыла туда, где Гарт назначил встречу со своими сомнительными арабскими союзниками.

Глава третья ТРОПА ЧЕРЕПОВ

Шейх Фархад был неприятно удивлен, узнав, что ему предстоит сопровождать экспедицию в самое сердце Руб-эль-Хали. Как оказалось, Якоб Гарт заручился его услугами, обещав двести пятьдесят фунтов в день плюс богатую добычу в случае успеха. Где именно планируется эту добычу завоевать, Гарт не уточнял.

— Салам алейкум! — воскликнул шейх, когда Прайс Дюран и Якоб Гарт вошли в его черный шатер.

— Алейкум салам, — ответил Прайс на древнее приветствие народов пустынь.

Он прекрасно понимал, что все эти пожелания не будут стоять и ломаного гроша, если бедуины сочтут выгодным напасть на союзников.

Прайс и Гарт устроились на потертых коврах, расстеленных на песке. Перед ними, в окружении дюжины своих людей, восседал Фархад. Один из арабов подал густой, тягучий несладкий кофе. Налив немного из медного чайника в единственную чашку, хозяин пустил ее по кругу.

Прайс пригубил напиток, не торопясь начинать переговоры. Гарт оставался совершенно невозмутимым.

— Скоро выступаем? — наконец не выдержал шейх.

— Да, — кивнул Прайс — Скоро.

— Мы на кого-нибудь нападём? Может, на Эль Мурра? У них много верблюдов отличной уманийской породы! — Глаза араба заблестели.

Рука Якоба Гарта опустилась на кожаные ножны у него на поясе. Обнажив золотой ятаган, он медленно поднял клинок перед собой.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он на арабском, столь же безукоризненном, как и у Прайса.

Вскочив на ноги, шейх склонился над оружием.

— Золото? — Но заметив змею на рукояти ятагана и рубин в ее зубастой пасти, Фархад поспешно отскочил назад. — Бисмилла! — внезапно побледнев, прошептал он.

— Да, золото, — спокойно кивнул Гарт.

— Это проклятая вещь! — воскликнул Фархад. — Она из запретных земель.

— А может, ты знаешь еще и о тропе черепов? — приподняв бровь, спросил Гарт. — Может, слышал о сокровищах, к которым она ведет? О золоте там, за Джабаль-Хербом?

— Аллах свидетель, ничего я не знаю! — воскликнул Фархад с таким жаром, что Прайсу сразу стало ясно: старый бедуин лжет.

— Тогда я покажу тебе тропу, — кивнул Гарт. — Мы ведь собираемся кое-чем поживиться в стране, в которую она ведет.

— Спаси нас Аллах!

Шейх нервно крутил пальцем в своей редкой бородачке. Страх яснее ясного светился в

его глазах.

— Каждый верблюд будет нагружен золотом, — пообещал Гарт.

— Правоверным не дозволено идти за Джабаль-Херб! — напуская на себя набожный вид, воскликнул Фархад. — За этими горами лежит край зла, где неведомы ни Аллах, ни пророк его.

— Так разве не должно идти туда священной войной? Объявить джихад? — язвительно поинтересовался Прайс.

Сидящие в шатре арабы нервно зашептались. Прайс уловил упоминания о джиннах и ифритах.

— Чего нам бояться там, за горами?

— Это мне неведомо, — отозвался Фархад, — но о пустыне рассказывают всякое.

— Что же, например?

— Я, конечно, в это не верю, — громко и очень неубедительно заявил шейх, — однако рассказывают, будто за Джабаль-Хербом лежит большой город. Город этот был древним уже в ту пору, когда пророк еще не принес нам весть об Аллахе. Живут там хотя и арабы, но неправоверные мусульмане. Жители города поклоняются золотому змею, а правят ими не люди, а злобные золотые джинны в людском обличье.

Говорят, будто один желтый джинн ездит на громадном тигре и убивает всех, кто дерзнет перейти через горы. Черепами своих жертв он отмечает караванную тропу к морю. А еще рассказывают, что джинны эти живут в замке из чистого золота на черной горе, называемой Хаджар-Джеханнум — Скала Ада.

Так говорят в пустыне. Но, конечно, я не верю в эти сказки!

— Теперь я понимаю, где черпал вдохновение наш испанский друг, — шепнул Прайс Гарту.

— В Джабаль-Хербе я действительно видел много странного, — вполголоса ответил тот. — Фархад ближе к истине, чем он подозревает. Разумеется, ничего сверхъестественного. Современная наука, между прочим, зародилась где-то здесь. И Европа тогда еще была во мраке средневековья. Мне кажется, нам предстоит столкнуться с изолированной общиной, сохранившей кое-какие традиции и знания древней арабской цивилизации.

Прайс повернулся к Фархаду, снова усевшемуся на место и не сводившему глаз с золотого ятагана.

— Мы говорили о зле Руб-эль-Хали, — по-арабски объяснил он. — Нашим союзникам нечего опасаться, ведь у нас с собой мощное оружие. Даже если за проклятыми горами и есть все то, о чем ты нам рассказал, мы сумеем справиться с любым противником.

— Завтра мы покажем вам мощь нашего оружия, — вкрадчиво пообещал Гарт.

Они с Прайсом поднялись с ковра и вернулись в свои шатры. А старый шейх остался сидеть, раздираемый паническим страхом перед неведомыми опасностями Золотой Земли и обещаниями сказочных сокровищ.

На закате следующего дня, когда стало сравнительно прохладно, Прайс Дюран верхом на верблюде вместе с Фархадом и группой воинов-бедуинов поднялся на вершину нависшего над лагерем бархана. Якоб Гарт остался в лагере направлять представление.

— У вас есть ружья, — сказал Прайс, показывая на заряжаемые с дула мушкеты арабов. — Но видели ли вы когда-нибудь ружья, подобные этим?

Он махнул рукой, и четыре установленных на треногах пулемета дружно открыли огонь. Бешеное стакато выстрелов эхом прогремело в дюнах, и пули фонтанчиками взрыли песок вдоль берега моря.

— Ваши ружья стреляют быстро, — кивнул Фархад, — но что джиннам до ружей?

— У нас есть ружья и посильнее.

Прайс снова махнул рукой.

Два миномета и две старые пушки выстрелили одновременно. Грохот разрывов, свист осколков и глубокие воронки в песке на миг ошеломили даже самого Прайса.

Некоторые из бедуинов предпочли спрятаться за барханом.

— А вот наша колесница смерти! — воскликнул Прайс, снова подавая условный знак.

Танк, который арабы еще никогда не видели в движении, с ревом ожил и, загребая гусеницами песок, пополз вверх по бархану. Он выл, словно некое доисторическое чудище, и пулеметы его трещали без умолку.

На мгновение потрясенные арабы застыли, как вкопанные, а потом, круто развернув верблюдов, бросились наутек.

— Мне очень жаль, что вы не остались посмотреть остальное наше оружие, — приветствовал их Якоб Гарт, когда пристыженные бедуины вернулись в лагерь.

— Верблюды испугались, — ответил Фархад. — Мы не могли их удержать.

— Так же, как испугаются и те, кто охраняет перевал, — сказал Прайс — Итак, завтра мы пойдем тропой черепов.

Старый шейх заколебался.

— Вы заплатите обещанное золото, даже если мы не найдем сокровищ? — спросил он.

— Да, — заверил его Гарт.

Прайс был готов к этому вопросу. По его знаку четверо европейцев, шатаясь под тяжестью, притащили из лагеря большой деревянный сундук и молча поставили его у ног Прайса. Вытащив из-за пояса ключ, Дюран отомкнул замок и, подняв крышку, открыл перед шейхом великолепие золотых соверенов.

В этом сундуке находилось пять тысяч фунтов стерлингов золотом — еще один аванс из кармана Дюрана. Придерживая крышку, он дал арабам время насладиться видом новеньких блестящих монет.

— Каждый день мы будем платить вам эту огромную сумму, — сказал Прайс, отсчитывая в трясущиеся руки шейха двести пятьдесят соверенов. — Сундук поедет с нами, в колеснице смерти, и деньги вы получите, когда мы вернемся к морю.

Шейх запротестовал, настаивая, чтобы белые давали деньги за каждый прошедший день. Но Прайс не уступал, и под конец Фархад сдался:

— Ладно, эфенди. Завтра мы выступаем, и да хранит нас Аллах.

На следующее утро, еще до рассвета, от моря в глубь пустыни двинулся весьма странный караван. Во главе на великолепном белом скаковом верблюде ехал шейх Фархад аль-Ахмед. За ним длинной чередой тянулись выючные верблюды; на боках ящиков все еще значилось «*культиваторы* », «*лопаты* », «*садовый инвентарь* ».

Вокруг каравана ехали верховые арабы — высокие и поджарые, словно иссушенные солнцем, со смуглыми суровыми лицами, тонкими поджатыми губами и пронзительными глазами. Как и их предводитель, они носили развевающиеся головные накидки и черные абы — своего рода робы из грубой верблюжьей шерсти.

Белые держались преимущественно в хвосте каравана. Им всем, за исключением Прайса и Гарта, никогда не приходилось ездить на верблюдах, и путешествие на раскачивающихся из стороны в сторону животных давалось довольно непросто.

Замыкал процессию ревуший мотором и воняющий горячим маслом танк. Верблюды боялись его, да и арабы почитали за весьма сомнительное добавление к каравану. Однако, по мнению Прайса, присутствие машины должно было укрепить дух бедуинов. Тем более что именно в танке ехало их золото.

Поднялись задолго до рассвета и наскоро позавтракали: арабы — финиками и лепешками из полусырого теста, белые — беконом, кофе и галетами.

Прайс решил ехать впереди, в самом начале длинной колонны выючных верблюдов. И экспедиция двинулась в путь, прочь от моря, в неизведанное сердце страшной пустыни, в глубь Пустого места, навстречу невероятным приключениям.

Вот это жизнь! Бодрящий, прохладный утренний бриз, величие алого рассвета,

наполняющего пустыню волшебными пурпурными тенями, гордая энергичная поступь отдохнувших верблюдов, шум идущего каравана...

Смутные розовые видения плыли перед взором Прайса. Он видел Золотую Землю, о которой писал испанец, видел затерянный город Энз за запретными горами. От скуки и тоски не осталось и следа. Прайс вновь чувствовал себя молодым, свободным и полным сил. Он знал, что живет не напрасно, что впереди его ждут великие и славные дела.

Но солнце все выше поднималось над горизонтом, и время эйфории закончилось. Бесконечные ряды ржаво-красных и желтых барханов плыли и колебались в жарком мареве. Поднятая копытами пыль проникала повсюду. Воздух обжигал и душил. Дышать было практически невозможно.

По телу Прайса катился пот. Американец чувствовал себя грязным и несчастным. Глаза слезились от пыли, болели от немилосердного солнечного сияния, низвергающегося с ослепительных небес и отражающегося от сверкающих песков.

Сухой воздух жег горло, но Прайс не мог позволить себе лишнего глотка воды — Гарт сказал, что до ближайшего источника три дня пути. Седло терло. Губа, там, где ее разъело солнце и жгучая пыль, треснула.

И тем не менее странная радость жизни не проходила. Каждый раз, поднимаясь на вершину очередного бархана, Прайс ощущал свирепую радость победы.

Море как раз исчезло из виду, когда старый Фархад тревожно указал на небольшой, блестящий посреди песчаного океана предмет. Бедуин неохотно повернул верблюда в его сторону.

Когда они подъехали ближе, Прайс увидел, что это выбеленный солнцем человеческий череп. Череп, насаженный на длинный, вкопанный в песок шест. Примерно в миле впереди виднелся еще один шест с черепом.

— Кто его здесь поставил? — полюбопытствовал Прайс.

— А я почему знаю? — нервно ответил шейх. — Люди говорят, что джинн проклятой земли оставляет в пустыне головы тех, кого он заманил к себе. Быть может, он проложил тропу к Иблису.

Прайс подъехал к шесту. Его верблюд испуганно шарахнулся в сторону, и американцу пришлось спешиться.

Сам шест, примерно дюйма три в диаметре, был сделан из какого-то красновато-коричневого и, похоже, очень крепкого дерева. На белом, отполированном ветром и песком оскаленном черепе еще виднелись остатки волос.

Стоя у шеста, Прайс подождал Якоба Гарта.

— Что тебе известно об этих черепах?

— Они тянутся отсюда до самого перевала в Джабаль-Хербе, — ответил Гарт. — А возможно, и до самого Энза... Мне не удалось перейти через горы и посмотреть. Четыре сотни лет назад они уже здесь стояли. Иначе бы наш испанец о них не упоминал.

— Но этот череп явно не четырехсотлетней давности! — возразил Прайс — Он довольно свежий, разве ты не видишь?

— Значит, кто-то время от времени меняет черепа.

— Но кто?

— По моему мнению, люди, живущие за горами, хорошо знакомы с внешним миром. Наверно, они не хотят потерять дорогу к морю.

— Но зачем отмечать ее черепами?

— Черепа крепкие, их хорошо видно, и, вероятно, они достаточно... дешевы.

Несколько раз в тот самый первый день похода Прайс ездил вдоль каравана, разговаривая с людьми. Мало кто из европейцев сталкивался раньше с верблюдами. Они не доверяли своим «скакунам», и неудобные, непривычные седла делали путешествие еще более тяжелым.

В полдень, когда жара стала совершенно невыносимой, караван остановился на привал. Ближе к вечеру отряд вновь двинулся в путь и шел до тех пор, пока не стало совсем темно.

Следующий день был точь-в-точь, как первый. И следующий тоже.

Утром четвертого дня путешественники вышли к узкой полоске гравия, темной раной протянувшейся через ржаво-красные барханы. Тут они нашли колодец — квадратную, ничем не прикрытую яму, из которой кожаными ведрами удалось набрать воды для людей и животных. Грязной, горькой и солоноватой, но все-таки пригодной для питья воды.

Лишь к заходу солнца караван был готов двинуться дальше. Напился последний верблюд, люди наполнили водой бурдюки и флаги. И вновь длинная цепочка вьючных животных, за которой по пятам следовал гремющий железом танк, потянулась через пески.

Еще две ночи прошли среди барханов, а на шестой день с начала пути караван подошел к каменистой пустоши. Впереди начинались предгорья Джабаль-Херба, сплошной стеной стояли мрачные изрезанные скалы горного хребта.

— Джабаль-Херб, — вздохнул Гарт. — В прошлый раз меня как раз здесь и остановили. Так просто перебраться на ту сторону нам не удастся.

Воздух был чист и прозрачен, и казалось — до гор уже рукой подать.

Черные гранитные стены, прорезанные извилистыми ущельями и переходящие в верхней части в мрачные скальные башни, зловеще увенчанные кроваво-красным известняком и белым песчаником, голые, иссеченные ветром стены без единого зеленого пятнышка, мертвые, как выбеленные временем кости... Смертоносный барьер вокруг проклятой земли.

Пустыня обманчива. Утро сменилось вечером, а караван все еще пробирался извилистой тропой, протянувшейся по каменистым пустошам предгорий. Даже карликовые акации и тамариски, обычные растения этих мест, и то здесь не росли.

Фархад заметно нервничал. Оставив свое привычное место во главе каравана, он подъехал к Прайсу и Якобу Гарту. Видя неуверенность своего главаря, бедуины остановились. Все они с откровенным страхом поглядывали на неприступные скалы Джабаль-Херба.

— Сахибы, — начал шейх, — Аллах не позволяет нам ехать дальше. Впереди горы проклятой земли. Там, за ними, волею Аллаха сила находится в руках злых джиннов. Стоит нам туда только сунуться, и ифриты тут же насадят наши головы на колья.

— Ерунда, — отмахнулся Прайс. — Разве мы не показали вам мощь оружия белых?

Но Фархад лишь покачал головой, что-то бормоча себе в бородавку. Потом он потребовал заплатить ему и его людям за восемь дней пути.

— Золото, — хитро блестя глазами, заверил бедуин, — придаст воинам смелости.

— Оно только подстрекнет их дезертировать, — мрачно ответил Прайс. — Пока мы не вернемся к морю, вы не получите ни единой монеты.

— В горах есть вода, — прогрохотал Гарт. — Ты же знаешь, вода нам ох как нужна!

— Истинно, истинно, — закивал Фархад. — Бурдюки пусты, и верблюды хотят пить. Но все равно...

— Хватит болтать, — оборвал его Прайс. — Поехали.

Старый бедуин, недовольно хмурясь, был вынужден повести караван дальше. К закату они прошли, наверно, полпути до открывшегося высоко в горах перевала.

Именно на закате они увидели первые странности, возвещавшие грядущие столкновения с непостижимой силой Золотой Земли.

Глава четвертая ТИГР В НЕБЕ

Пришпорив пятками усталого верблюда, Прайс снова проехал в голову каравана. Он решил двигаться рядом с Фархадом. Может, это придаст старому шейху немного смелости.

Вьючные верблюды, как обычно, шли цепочкой, растянувшись по тропе на добрую милю. Замыкал процессию, как и раньше, скрежещущий гусеницами по камням танк.

Впереди в сплошной скальной стене открывался проход. Справа и слева от него высоко в небо вздымались громадные выветренные башни черного гранита, мрачно стерегущие подъем на перевал.

— Спаси, Аллах! — внезапно с ужасом воскликнул шейх и указал дрожащей рукой в небо над горным хребтом.

Подняв глаза, Прайс увидел странную картину. Там, за зияющим провалом перевала, озаренного багряными отблесками кроваво-красного заката, узкие, словно нарисованные лучи света широким веером разлетелись по небу. Тонкие бледные лучи, розовые и желтые. Выглядели они так, как будто исходили все из одной точки, спрятанной где-то за черным перевалом.

Прайс удивленно заморгал. Это световое шоу почему-то казалось ему делом рук человеческих. Покосившись на дрожащего, бледного как смерть Фархада, американец понял, что признаваться в этом нельзя никак.

— Ну и что? — спокойно спросил он.

— Там, за горами, нас ждет злой джинн проклятой земли!

— Чушь собачья! Просто солнечные лучи пробиваются сквозь облака. Вполне заурядное явление природы, ничего сверхъестественного...

Прайс оглядел небо в надежде увидеть облако и тем самым подтвердить свое предположение. Увы. Густо-голубой свод был, как всегда, чист.

— А может, это мираж, — поколебавшись, продолжал Прайс. — По утрам и вечерам мы часто видим миражи. Порой они бывают на удивление причудливы. Однажды в пустыне Синд в сотне миль от моря я увидел пароход — с трубами и дымом, все честь по чести. Я разглядел даже спасательные шлюпки вдоль борта. Обычное преломление и отражение света в атмосфере...

Но шейх его не слушал. Он мог только тихо стонать от страха.

А над горами, над веером цветных лучей постепенно проявлялась огромная картина, необычно реальная, почти стереоскопическая.

То, что Прайс увидел, было чистой воды безумием. Он знал, что перед ним мираж, иллюзия, не более того. Или галлюцинация, проецирующая страхи бедуинов в окрашенное закатом небо. Прайс не сомневался в этом и одновременно знал, что видит нечто вполне реальное, нечто, отражающее то, что существует на самом деле.

— Тигр проклятой земли! — визжал Фархад. — Желтая женщина миража, чья смертоносная красота заманивает людей в пустыню на погибель! И золотой бог, король злых джиннов!

С криком шейх повернул верблюда. Бедуин явно намеревался искать спасения в бегстве.

С трудом отведя взор от неба, Прайс выхватил пистолет.

— Стой! — по-арабски приказал он. — Тебе некуда бежать. Только двинься с места, и я прикончу тебя вернее, чем все ифриты Аравии!

Ругаясь на чем свет стоит, Фархад остановил верблюда. Его черные, полные беспросветного ужаса глаза вновь устремились на возникшую над горами картину.

Над цветным веером лучей сформировался тигр. Громадный, словно облако, он был до невозможности четок и реален. Могучее, увеличенное во много раз изображение полосатого хищника величественно парило над острыми пиками Джабаль-Херба. Шкура зверя отливала золотом. Тугие бугры мышц вздувались на мощных лапах. Прищуренные, страшные глаза зловеще глядели с неба на незваных гостей.

На спине тигра находилось странное деревянное седло, чем-то напоминающее башенку, какие надевают на спины слонам в Индии. В этом седле сидели двое.

Впереди — золотокожий, золотобородый мужчина с властным и жестоким лицом, одетый во все красное, с красной же шапочкой на голове. На коленях он держал большую палицу из желтого металла.

За ним, небрежно откинувшись, расположилась женщина в зеленой тунике. Ее кожа

тоже была совершенно желтой, а длинные развевающиеся волосы — рыжевато-золотыми. В красоте незнакомки чувствовалось что-то зловещее. Чуть раскосые глаза под темными подкрашенными веками были зелеными и странно напоминали тигриные. Губы были ало-красными, золотые скулы чуть тронуты румянами, а кончики изящных пальцев подкрашены хной.

Прайс скорее почувствовал, чем увидел, как старый шейх украдкой пытается подать назад своего верблюда. Оглядевшись, американец увидел, что караван встал. Даже танк и тот замер, заглушив мотор.

Страх, словно волна, захлестнул потрясенных людей. И страх этот в любую секунду мог привести к панике.

— Не двигайся, — предостерегающе прошептал Прайс дрожащему Фархаду. — Или я прикончу тебя на месте.

Прайс был уверен, что сейчас опасность им не грозит. Ну а бедуины, в этом он почти не сомневался, не бросят своего предводителя.

Его взор вернулся к висящей высоко в небе странной, ужасающих размеров картине. Золотой мужчина оценивающе глядел на караван, а женщина загадочно улыбалась. Улыбалась, понял Прайс, не кому-то, а именно ему.

Это была не слишком добрая улыбка. Загадочная, таинственная, насмешливая. В ней чувствовался вызов, непонятно почему рассердивший американца. И в то же время экзотическая красота женщины будила в нем смутное томление.

Зеленые глаза намекали и манили. Они обещали горячую страсть, и жгучее желание, и не менее жгучую ненависть, страсти, покорные прихотям, не знающим узды ни страха, ни закона. В этих глазах читалась мудрость веков, хотя и не обязательно благая, в них чувствовалась безграничная сила. Они смотрели на Прайса с откровенной насмешкой...

Желтобородый наездник медленно поднял огромную палицу и двумя руками закружил ее над головой. На его лице явственно читалась угроза.

Женщина снова улыбнулась Прайсу, насмешливо и с вызовом, и провела рукой по своим золотым волосам.

— Вот видишь, — прошипел Фархад, — нам грозят смертью. Мы должны повернуть назад!

Прайс ничего не ответил. Он все еще глядел в небо, на золотую женщину. Он принимал вызов.

Внезапно, к неописуемому удивлению старого араба, Прайс расхохотался. И в смехе его звучала откровенная издевка.

— Современная Лилит?.. Ну давай, показывай свои чары. Ничего, мы еще поиграем!

А потом изображение над горами постепенно померкло, растворившись в темнеющем аметистовом небе. Вместе с ним угас и веер цветных лучей за перевалом. В предзакатном сумраке зловеще чернели впереди бастионы Джабаль-Херба.

Прайс сидел на своем верблюде, по-прежнему целя пистолетом в грудь Фархада. Он не знал, что и подумать. Значит, таинственные обитатели страны за горами — не миф и не сказка. Значит, где-то там, за перевалом, действительно живут люди. Люди с кожей золотого цвета... Золотого, а не желто-коричневого, как, например, у монголов. Люди, приручившие тигра. Люди, знакомые со странной силой неведомой науки.

То, чему он только что стал свидетелем, наверняка было миражом. Прайс припомнил картину, которую как-то наблюдал в проливе Мессины, припомнил рассказы о невероятных видениях в горах Германии, называемых «Призрак Брокена», где причудливые громадные тени бродят по облакам... Неужели древние арабы постигли тайны миража? Неужели они повелевают иллюзиями?

И если так, то какие еще сюрпризы могут ждать караван за перевалом?

Глава пятая ЗНАК ЗМЕЯ

— Подумайте еще и об этом, — сказал Прайс. — Если кто-то решит повернуть назад, мы погонимся за беглецом на нашей колеснице смерти, и череп несчастного станет гнездом для скорпионов.

Что-то упрямо бормоча себе под нос, Фархад аль-Ахмед задумчиво теребил свою бороду. Прошлой ночью арабы наотрез отказались идти дальше. Они даже не хотели вставать здесь лагерем. А теперь старый шейх упорно настаивал на возвращении.

— Эфенди, вы же понимаете, это было предупреждение. Мы еще можем спастись от золотых джиннов...

— Если пойдем дальше и победим их!

— У перевала есть вода, — кивнул Гарт. — Чистый источник, полный сладкой, прозрачной воды. Другой ближайший источник — в трех днях пути по пустыне. Если мы повернем назад, мало кому доведется из него испить.

Фархад явно заколебался.

— Вспомни о нашей колеснице смерти, — подбодрил шейха Прайс. — И о золоте, которое уже принадлежит тебе... Но только если ты не откажешься от договора.

— Аллах с нами! — наконец воскликнул Фархад. И с фальшивым энтузиазмом добавил: — Мы пойдем на перевал!

На востоке еще только-только разгоралась утренняя заря, а караван уже брел вверх по склону через розовеющие в лучах восходящего солнца предгорья. Длинная череда верблюдов понемногу втягивалась в узкий проход между гигантскими гранитными стенами ущелья, оставляя позади розово-желтую в этот час пустыню.

Прайс ехал впереди вместе с Фархадом. Гарт, как и раньше, держался сзади, рядом со своими людьми.

Каменные стены ущелья будто смыкались над головой. Понемногу солнце все выше всходило над горизонтом, и верхушки скал озарились его светом, однако засыпанная камнями тропа так и оставалась в густой тени.

Внезапно Прайс заметил, как впереди, у основания одной из колонн желтоватого песчаника, что-то блеснуло. До того места идти было еще около мили, но Прайс инстинктивно повернул верблюда за каменную глыбу.

— Перевал охраняется, — сказал он Фархаду. — Вон под той скалой я заметил блеск сабли. Пожалуй, твоим людям стоит спрятаться.

Старый араб застонал.

Прайс увидел, что шейх, побелев от ужаса, глядит на своего воина, ехавшего впереди.

Этим воином был молодой Мустафа на черной верблюдице, широким шагом и выносливостью которой он гордился сверх всякой меры. Выглянув из укрытия, Прайс увидел, что Мустафа застыл на месте.

Молодой араб и его верблюд стояли совершенно неподвижно, словно статуя. Верблюд окаменел буквально на полушаге, подняв одну ногу. На лице полуобернувшегося воина лежала печать удивления. Одной рукой он прикрывал глаза, как будто пытаясь что-то получше разглядеть. Его развевающиеся одежды казались выкованными из металла.

— Мустафа! — в ужасе завыл Фархад.

В мгновение ока белая пелена окутала застывшего на месте воина. За какие-то несколько секунд и он сам, и его верблюд с ног до головы покрылись густым слоем серебристого инея. Всадник превратился в настоящую ледяную статую.

До ушей не верившего своим глазам Прайса долетел тихий треск. Холодное дуновение коснулось его вспотевшего лица.

И тут он все понял. Конечно, не то, как это было сделано, нет. Прайс без тени сомнения знал теперь, что Мустафа замерз. Каким-то загадочным образом температура его тела была мгновенно понижена гораздо ниже нуля.

На секунду невероятность этого открытия ошеломила Прайса. Потом его разум и тело,

привыкшие действием встречать любую неожиданность, сами собой оправились от внезапного шока.

— Быстро! — крикнул американец. — Всем спрятаться за скалу!

Свидетелями гибели Мустафы стали дюжина бедуинов и несколько ехавших впереди белых. Словно очнувшись ото сна, они дружно повернули верблюдов и помчались назад по ущелью. Тщетно Прайс кричал им вслед. Его никто не слушал.

Спешившись, американец подкрался к выступу прикрывавшей его скалы и осторожно выглянул наружу. Впереди ничто не шевелилось. Над хмурыми скалами нависла зловещая тишина. Прайс внимательно осмотрел то место, где пять минут назад заметил блеск металла. На глазок оценил расстояние. Затем торопливо поехал вслед за своими удравшими спутниками.

Весь караван, как выяснилось, собрался у танка. Здесь Якобу Гарту удалось остановить насмерть перепуганных бедуинов. При виде Прайса разговоры смолкли.

— Охлаждение в энной степени, — объяснил Прайс Гарту. — Беднягу просто-напросто заморозили, практически мгновенно. Белое на нем — это иней. И я, похоже, заметил, где стоит замораживающее устройство, — чуть дальше по каньону, у подножия скалы.

На бледном одутловатом лице Якоба Гарта не отразилось ни удивления, ни страха.

— Они видели нас прошлой ночью, — прогремел он. — Видели с помощью того... миража. Они готовы... Как и в прошлый раз.

— Ничего, мы им так просто не дадимся, — объявил Прайс. — Миллер, — повернулся он к столпившимся вокруг европейцам, — собери свои расчеты и подготовьте орудия к бою. Цельтесь в основание вон той скалы. — Прайс показал нужное место. — Дальность — около четырех тысяч ярдов.

— Так точно, сэр!

Низкорослый тевтонец, когда-то служивший капитаном в австрийской армии, четко отдал честь и побежал к верблюдам, навьюченным орудиями.

Затем Прайс приказал установить пулеметы так, чтобы они перекрывали все ущелье, велел раздать ружья и боеприпасы. По его команде снайперы заняли позиции. Пусть теперь враг только сунется!

Когда оружие достали, Прайс отослал верблюдов в тыл. Их следовало сберечь во что бы то ни стало. Без верблюдов экспедиция была бы обречена.

Якоб Гарт молча наблюдал за действиями американца, оставаясь совершенно бесстрастным.

— Следи за Фархадом, — вполголоса сказал ему Прайс. — Если он нас бросит и удерет с верблюдами, нам крышка. Я поеду вперед на танке и, если потребуется, скорректирую огонь.

Орудия сделали первый залп, и Прайс, вскочив на броню танка, спустился в люк на место пулеметчика. Сэм Сорроуз, водитель, тут же дал газ, и танк с ревом пополз вперед.

Лязгая гусеницами, они проехали мимо перепуганных арабов, мимо плюющихся огнем пушек, мимо пулеметов и охраняющих их снайперов.

Под скалой, возле которой застыла ледяная статуя Мустафы, Прайс велел Сэму остановиться и, выбравшись из танка, прополз вперед.

Врага видно не было. Желтые столбы дыма и пыль от разрывающихся снарядов поднимались у основания скалы. Прайс решил перенести огонь чуть в сторону, передал скорректированный прицел Сэму, который просемафорил его артиллеристам.

Над головой Прайса просвистело еще несколько снарядов. Враг не подавал признаков жизни.

— Пусть прекратят огонь, — сказал Прайс Сэму, возвращаясь к танку. — Боюсь, что мы зря тратим снаряды. И давай проедем немного вперед. Посмотрим, что к чему. Не возражаешь?

— Ты командир, тебе решать, — усмехнулся Сэм.

— Это дело рискованное, — честно предупредил Прайс. — Я не знаю, что нас там

ждет. Может, нам удалось отогнать их, а может, они просто выжидают... Эта штуковина, которая прикончила Мустафу...

Но Сэм уже снова заводил мотор.

— Я вообще рискованный парень, — сказал он. — Иначе сидел бы сейчас у себя в Канзасе. Поехали!

Улыбаясь, Прайс вслед за Сэмом нырнул в люк. Канзасец ему определенно нравился. Сам Прайс никогда не бегал от опасности. Он верил в удачу Дюранов. Надо играть, а карты пусть сдает судьба. Прайс всегда так думал, и теперь ему приятно было встретить человека такого же склада.

Лязгая гусеницами по камням, танк с ревом полз между гранитных стен в ту сторону, где засел враг. Холодок страха пробежал по спине Прайса — снаряды не долетели до цели!

В доброй сотне футов за дымящимися черными воронками между камнями на солнце блестело странное сооружение из бронзы и сверкающих кристаллов. Над ним возвышалось большое эллипсоидное зеркало, отливающее серебром.

За этим удивительным устройством — похоже, тем самым, что убило беднягу Мустафу, — склонился человек в синем.

Защитит ли танковая броня от смертоносных замораживающих лучей? Спасет ли от холода, в единый миг превратившего бедуина в ледяную статую? Прайс боялся, что нет.

Ужас, какого Прайсу еще никогда не приходилось испытывать, объел его сердце. Пот холодными каплями покрыл лоб. С мрачной решимостью американец взялся за ручки пулемета.

Прайс нажал на гашетку, и треск выстрелов врезался в слитное гудение мотора. Танк бросало из стороны в сторону, и целиться было трудно. Пули шелкали по камням вокруг замораживающего устройства, но человек в синем казался заговоренным.

Внезапно серебряное зеркало озарилось голубым светом. И сразу же в танке заметно похолодало. Прайс даже вскрикнул от неожиданности.

Негнушимися, мгновенно замерзшими руками он упорно сжимал гашетку, отчаянно пытаясь попасть в цель. И вот наконец пулеметная очередь перечеркнула загадочную машину. Полыхнула алая вспышка, что-то загрохотало, и от причудливого устройства осталась только груда покореженного металла и разбитых кристаллов. Человека в синем взрывом отбросило в сторону.

Когда Прайс и Сэм подошли к нему, он был еще жив. Обгорелый, весь в крови от множества пулевых ран, незнакомец глядел на белых людей с фанатичной ненавистью.

Высокого роста. Лицо такого же типа, как и у всех арабов, с орлиным носом и тонкими губами. Красивое лицо. Красивое и жестокое. При других обстоятельствах он вполне сошел бы за умирающего бедуина-кочевника. Прайс склонился над ним, глядя прямо в горящие ненавистью глаза.

— Я умираю, — прошептал человек в синем на каком-то незнакомом Прайсу диалекте арабского. — Я умираю, но на тебе, пришелец, лежит проклятие золотых богов. Клянусь Викирой, клянусь тигром, и змеем, и Маликаром, их господином, ты скоро последуешь за мной!

Араб закашлялся, из горла у него хлынула кровь, и он умер со злобещей ухмылкой на искаженном лице.

Только потом, когда стихли предсмертные судороги, Прайс заметил на лбу араба, под накидкой бурнуса, татуировку в виде золотой змеи. Точнее, даже не татуировку, а скорее клеймо, раз и навсегда выжженное на смуглой коже.

Что оно означало? Принадлежность к таинственной секте, поклоняющейся золотой змее? Можно было только гадать...

— Давай переберемся на ту сторону, — внезапно предложил Сэм Сорроуз.

— Хорошая мысль, — согласился Прайс — Не исключено, что нас ждет еще кто-нибудь.

Они снова забрались в покрытый серебристым инеем танк.

Проход расширился. Переехав через небольшое плато, машина оказалась у спуска.

В глубине души Прайс рассчитывал увидеть плодородный цветущий оазис. Но впереди расстилалась только безжизненная пустыня.

Длинные барханы, словно застывшее море смерти. Темные участки каменистых пустошей. Потeki желтой глины. Солончаки, белеющие пятнами проказы. Низкие, стертые веками холмы серого известняка и черного гранита — мрачные, обглоданные временем скелеты позабытых горных хребтов.

Поистине проклятый край!

И нигде никаких признаков жизни. Ничто не двигалось, не шевелилось. Только жаркое марево волнами призрачного моря плясало над раскаленными камнями и песком.

Но через весь этот зловещего запустения вела дорога белых черепов. В бинокль Прайс видел, что она тянется на много миль, до самого горизонта, в глубь мертвой, запретной земли.

Что ждет их на том конце тропы, — конечно, если они доберутся до конца живыми? Древняя наука... Столкновение на перевале наглядно показало Прайсу реальность угрозы. Опасность со стороны того золотого человека, который грозил им палицей в мираже. А еще опасность, которую Прайс прочитал в зеленых глазах золотой женщины.

У выхода из ущелья поджидал Гарт. Холодок неприятного предчувствия пробежал у Прайса по спине. Глаза Якоба Гарта глядели все так же холодно, лицо по-прежнему оставалось непроницаемым и невозмутимым.

— Дюран, — сказал он, — Фархад смылся.

— А верблюды? — хрипло спросил Прайс.

— Их больше нет. Мы в западне. Как когда-то испанец.

Отчаяние Прайса выплеснулось вспышкой бесполезной ярости:

— Я же просил тебя следить за ним! Как ему удалось...

— Мы смотрели на танк. Когда он побелел, покрывшись инеем, а потом остановился, арабы, все, как один, повернули верблюдов и пустились наутек. Мы ничего не успели сделать. И выючных верблюдов они прихватили с собой.

Прайс мог бы много чего сказать по этому поводу, но сдержался. Какой смысл? Теперь уже что ни делай, все без толку. Оставался последний бой, отчаянный и безнадежный. Бой не с людьми, а с не знающей жалости пустыней.

Глава шестая БЕЛЫЙ ВЕРБЛЮД

Черные стены Джабаль-Херба остались в шести днях пути позади, а караван все шел и шел. Впереди снова ехал старый шейх Фархад аль-Ахмед. За ним длинной цепочкой тянулись усталые выючные верблюды, верховые бедуины и белые наемники Тайного легиона. Замыкал процессию, как и раньше, лязгающий и ревущий мотором танк.

Два дня они отдыхали у источника в горах. Первую ночь белые провели в одиночестве — без своих арабских союзников, без верблюдов, беспомощные, в западне... Но с рассветом бедуины вернулись. Они вернулись посмотреть, чем закончилась битва. Что еще им оставалось делать? Положение у них было совершенно безвыходное. И люди, и верблюды страдали от жажды, вода кончилась, и ни малейшего шанса добраться до лежащего в трех днях пути по пустыне колодца. Обнаружив, к своему неопишуемому изумлению, что белые все-таки победили злых джиннов проклятой земли, Фархад и его люди с радостью вновь присоединились к экспедиции.

Дважды за последние шесть дней тропа черепов приводила путешественников к скудным источникам, едва сочившимся горькой водой. И за все это время караван не встретил ни одного живого существа.

Позади остались и быстроногие газели, и гиены, и хищные шакалы, временами

забретающие на окраины пустыни. Здесь, в самом сердце безжизненных песков, не росли ни тамариск, ни акация, ни верблюжья колючка. Даже пауки, муравьи, скорпионы и прочие пустынные жители и те куда-то все исчезли. Пропали и чернокрылые грифы, сопровождавшие путников первые пару дней за Джабаль-Хербом.

Уже вечерело, и караван разворачивался, готовясь расположиться на ночлег. Вот тут-то Прайс и увидел белого верблюда.

Прекрасное белоснежное животное стояло на вершине бархана в паре миль от каравана. Его стройный, одетый во все белое всадник, похоже, наблюдал за караваном.

Прайс поспешно потянулся за биноклем, но едва успел поднести его к глазам, как всадник исчез за гребнем бархана.

В это время Прайс и Фархад как раз пытались найти взаимоприемлемое решение очередного мелкого конфликта, которые то и дело возникали в экспедиции. Воровские наклонности арабов и издерганные нервы белых не способствовали тихой и спокойной жизни. На этот раз Мэсон, маленький лондонец-пулеметчик, набросился с кулаками на Хамида. Он обвинял араба в том, что тот на привале вытащил у него из кармана золотые часы и еще кое-какие мелочи. Хамид, у которого и в самом деле обнаружили названные предметы, утверждал, будто нашел их на песке, когда караван уже покинул лагерь. Он даже представил несколько явно небеспристрастных свидетелей, якобы видевших, как все было.

Рядовой конфликт, но для разрешения его требовалось проявить и такт, и дипломатичность. Бедуины уже успели установить шатры, когда наконец мир был восстановлен. Мэсон получил назад свои вещи, а Хамида отпустили, предложив впредь ничего подобного не находить.

Только тут Прайс узнал, что Якоб Гарт выслал за одиноким всадником погоню.

— Мне не хотелось, чтобы он поднял тревогу, — сказал Гарт. — Кстати, я обещал людям, что добычу они смогут поделить между собой.

А три бедуина уже возвращались в лагерь. Они вели и пойманного верблюда, и его наездника, точнее, наездницу — всадником оказалась молодая женщина.

— Она недурна собой, — заметил Гарт. — Де Кастро она явно приглянулась, и тут я его прекрасно понимаю.

— Что они с ней сделают? — спросил Прайс.

— Те трое, кого я отправил в погоню, разделили между собой добычу по жребию. Кенья выиграл девушку. Он чувствовал себя обделенным, потому что верблюд (а это поистине бесценное животное) достался Нуру. Что касается Али, то он забрал себе седло, всю одежду девушки и ее длинный золотой нож.

— В общем, Кенья был недоволен своей долей добычи, но де Кастро заметил девушку, и она ему понравилась. В итоге он отдал за нее бинокль. Похоже, она пришлась ему по вкусу, ты же знаешь, как Жоао дорожит своим биноклем.

— И где она сейчас?

— Валяется связанная в шатре де Кастро.

— Послушай, Якоб, — возмутился Прайс. — Мне все это здорово не нравится!

Прайс всегда симпатизировал несчастным, обездоленным и угнетенным. Ему казалось несправедливым, что люди должны страдать лишь потому, что кто-то другой оказался сильнее. Рассказ Гарта рассердил Прайса, и, будучи человеком действия, он не стал скрывать своего недовольства.

— Мы тут довольно далеко от цивилизации, — спокойно ответил Гарт. — И здесь не действуют законы белых людей.

— Но мы все же белые! — горячо возразил Прайс. Видя, что подобными доводами Гарта не проймешь, он начал искать более веские аргументы. — Даже не беря в расчет порядочность и честь, мне кажется неразумным так обращаться с первым жителем чужой страны, попавшим к нам в руки.

— Вряд ли она какая-нибудь важная птица, — не согласился Гарт. — Иначе не болталась бы по пустыне в одиночку, полумертвая от жажды.

— Как бы там ни было, если мы будем обращаться с ней по-человечески, она сможет многое рассказать.

— Не беспокойся, она и так расскажет нам все, что знает, — невозмутимо заметил Якоб Гарт. — Сейчас она отказывается говорить, но де Кастро — настоящий мастер по части развязывания языков.

— Не хочешь же ты сказать, что он будет ее пытаться?!

— Ты не знаешь де Кастро.

— Я должен ее увидеть, — решительно объявил Прайс.

— Лучше не вмешивайся, — посоветовал Гарт. — Жоао не понравится, если ты помешаешь его развлечению. Нам не нужны лишние неприятности.

Не отвечая, Прайс, кипя от ярости, пошел к шатру де Кастро.

Перед шатром он увидел небольшую группу людей, белых и арабов. Возле шатра стоял привязанный белый верблюд. Али гордо демонстрировал собравшимся свою долю добычи — абу из мягкой белой шерсти, камис из переливчатого шелка и тонкий золотой кинжал, по остроте не уступающий лучшей стали. Так, во всяком случае, хвастал Али. Рядом Нур в лицах описывал погоню и отчаянное сопротивление девушки. Он даже демонстрировал желающим свой бок, на котором алела длинная царапина, оставленная ее ножом.

Стоявший чуть в стороне Кенья любовно поглаживал бинокль. Он улыбался как ребенок и поминутно подносил свою новую игрушку к глазам, глядя в бинокль то с одного конца, то с другого.

Прайс прошел прямо к шатру, у входа в который расхаживал раскрасневшийся от страсти де Кастро. Рядом с ним высился его подручный, Пашич, черногорец по национальности, служивший у Жоао на «Иньес» первым помощником. Смуглый, волосатый, сильный, как бык, он по праву носил прозвище Черная Обезьяна.

— Де Кастро, — начал Прайс, — я хотел бы поглядеть на пленницу.

— Эта сучка моя, — пробормотал азиат. Мгновение он стоял неподвижно, загораживая Прайсу вход; потом, не выдержав твердого взгляда синих глаз американца, отступил в сторону.

Девушка лежала прямо на голой земле. Она была почти голая, что неудивительно — ведь большая часть ее одежды досталась Али. Руки и ноги были связаны толстой веревкой из верблюжьего волоса. Прайс знал, что пленница хороша собой — иначе азиат не расстался бы ради нее со своим драгоценным биноклем. Но Прайс никак не ожидал увидеть такую красавицу.

Она была молода, лет девятнадцать, не больше. Нежная гладкая кожа оказалась блее, чем у Прайса; даже ее лицо и то выглядело не слишком загорелым. Наверно, решил американец, она носила вуаль. Или чадру.

Связанная девушка не могла встать. Но когда Прайс заглянул в шатер, она, хотя и с трудом, села и бросила на него взгляд, полный жгучей ненависти. Окутанное растрепанными каштановыми волосами, ее лицо выглядело нежным, и одновременно в нем чувствовалась скрытая сила. В ее темно-синих глазах не было страха.

Без долгих раздумий, которые вообще были не в его натуре, Прайс осознал, что не может оставить эту девушку де Кастро. И в тот же миг он понял, что азиат наверняка не захочет расставаться с нею.

Не колеблясь, Прайс шагнул в шатер и наклонился над девушкой, собираясь развязать веревки, но она бросилась на него и впилась белыми зубами в руку.

В ту же секунду де Кастро вытащил американца из своего шатра. В его глазах горела злобная ревность.

— Она моя! — прошипел он. — Черт побери, держись от нее подальше!

— Де Кастро, — сказал Прайс, — я хочу, чтобы ты ее отпустил.

— Отпустил?! — вскричал азиат. — Отпустил, когда я за нее свой бинокль отдал?! Еще чего!

— Не надо так волноваться. Я заплачу за твой бинокль. Или, хочешь, возьми мой.

— Я хочу ее, а не какой-то там бинокль!

— Послушай, де Кастро, — твердо начал Прайс — он понял, что уговоры были ошибкой, — здесь начальник я. И я приказываю тебе отпустить девушку.

— Ну да, как же! — взвыл азиат.

— Тогда я сделаю это сам.

Прайс снова двинулся к шатру. Краем глаза он заметил, как рука де Кастро метнулась под рубашку. Блеснул нож.

Прайс знал, что такие, как Жоао, частенько предпочитают решать споры с помощью ножа. И потому был настороже. Увернувшись от выпада, он с силой ударил азиата кулаком в рябое лицо и с удовольствием услышал, как затрещали, ломаясь, зубы.

И тут черногорец с ревом кинулся на помощь своему покровителю. Прыгнув на Прайса, он обхватил его длинными, как у настоящей обезьяны, руками, коленом упорно пытаясь заехать противнику в пах.

Яростно выкручиваясь, американец бил Черную Обезьяну головой в лицо. Но вырваться не мог.

Расправив плечи, Пашич оторвал задыхающегося в стальном объятии Прайса от земли. Черногорец ловко перехватил хватку, и Дюран понял, что сейчас последует бросок через голову, после которого подняться он уже, наверно, не сможет.

Прайс попытался зацепиться ногами, однако это у него не вышло. Чувствуя близость конца, он судорожно рванулся и сумел-таки высвободить левую руку. Короткий сильный удар в солнечное сплетение заставил врага разжать объятия. Вырвавшись, Прайс отскочил в сторону.

Размахивая руками, Пашич, обладавший недюжинной силой, но не больно-то умевший драться, бросился в атаку. Быстрая двойка в корпус остановила его на месте. Еще один удар, на сей раз в челюсть, точно рассчитанный, в который Прайс вложил все сто восемьдесят фунтов своего веса, бросил черногорца на колени и повалил на землю рядом со стонущим азиатом.

Прайс вошел в шатер.

Глава седьмая

АЙСА ИЗ ЗОЛОТОЙ ЗЕМЛИ

Связанная девушка с ненавистью глядела на Прайса. Она не уворачивалась от его рук и ничем не выказывала страха, а снова попыталась кусаться. Не обращая на это внимания, Прайс начал развязывать тугие узлы.

И тут девушка затихла. Злоба в ее взоре сменилась удивлением.

Вот путы ослабли, и Прайс легонько растер запястья и лодыжки девушки, чтобы восстановить кровообращение. Затем, взяв за плечи, поднял ее на ноги.

Она стояла молча, и в ее синих глазах светился немой вопрос.

— Эй, Али! — крикнул американец, подходя к выходу из шатра. — Дай мне одежду этой женщины.

Араб было запротестовал, но Прайс сурово повторил приказ, и Али неохотно повиновался. Золотой кинжал он оставил у себя за поясом.

— Можешь идти, — сказал Прайс и, повернувшись к девушке, передал ей одежду.

Девушка приняла вещи, и удивление ее, если это возможно, стало еще больше. Тихо вскрикнув, она начала быстро одеваться.

Прайс следил за ней и одновременно прислушивался к стонам де Кастро и Пашича, доносившимся из-за полога. Собравшаяся снаружи толпа возбужденно гудела.

Понимая, что ему не избежать нового столкновения с азиатом, Прайс хотел побыстрее убраться отсюда.

Как только пленница закончила одеваться, он взял ее за руку и повел к выходу. Вопросительно взглянув на американца, она, не сопротивляясь, последовала за ним. Однако

снаружи, когда девушка увидела своих недавних преследователей, ее глаза снова загорелись ненавистью. Вырвавшись из рук Прайса, она подскочила к Али и вырвала у него из-за пояса свой золотой кинжал. Потом не колеблясь бросилась на де Кастро, только-только пришедшего в себя и как раз пытавшегося подняться с земли.

— Бисмилла! — взревел Али, кидаясь за девушкой. Ему очень не хотелось расставаться с самой ценной частью своей добычи.

Схватив девушку за запястье, он вывернул из ее руки занесенный над азиатом кинжал.

Девушка вскрикнула, и лицо ее побелело от боли. В тот же миг кулак Прайса обрушился на челюсть Али. Бедуин отлетел в сторону.

Прикусив губу, девушка левой рукой потянулась за своим ножом. Ее правая рука висела как плеть.

Но де Кастро оказался быстрее. Его желтые пальцы уже сомкнулись на золотой рукояти.

Наступив ногой Жоао на запястье, Прайс выдернул кинжал из руки азиата. Подхватив девушку за плечи, он повел ее через толпу к своему шатру.

Несколько человек хотели было последовать за ним, но Прайс резко приказал им оставаться на месте.

Дюран понимал, что, хотя девушка и свободна, он еще не одержал окончательной победы. Все еще могло измениться, и судьба пленницы висела на волоске.

Танк, как обычно, стоял совсем рядом с шатром Прайса, и Сэм Сорроуз сидел неподалеку.

— В лагере проблемы, — коротко сказал Прайс.

— Из-за женщины?

Прайс кивнул.

— Так я и думал. Чертовски странное это место для женщины. Но, наверно, неприятности от них бывают везде.

— Она не виновата.

— Как и всегда.

— Сэм, я бы попросил тебя вернуться к машине и немного подежурить у пулемета. Боюсь, могут начаться беспорядки.

— О'кей, мистер Дюран.

Канзасец весело усмехнулся, словно ему не терпелось с кем-нибудь подраться, и полез в танк.

Подведя девушку к своему шатру, Прайс жестом предложил ей войти. Секунду она изучающе глядела ему в лицо, потом улыбнулась и проскользнула внутрь.

Какое-то время Прайс стоял у входа, наблюдая за царящей вокруг суматохой. Его шатер находился в самом центре лагеря, разбитого на небольшой ровной площадке среди красных барханов. Шатры, кучи вьюков, седла, отдыхающие верблюды...

Толпа вокруг де Кастро росла с каждой минутой. С холодком в груди Прайс понял, что конфликта все-таки не избежать. И увы, из семидесяти человек в караване доверять он мог одному только Сэму.

Взяв канистру с водой, американец вошел в шатер. Девушка ждала его сразу у входа. Отвернув крышку, Прайс поболтал канистрой из стороны в сторону, показывая, что она полная. Потом протянул канистру девушке. Та быстро поднесла ее к губам, начала пить так жадно, что Прайс даже испугался, как бы ей не стало плохо. Дав девушке утолить жажду, он улыбнулся и забрал канистру.

И тут это случилось. Нервы у девушки не выдержали, и она расплакалась. Понимая, что это естественная реакция, и не зная, что делать, Прайс неуверенно потрепал девушку по плечу.

Содрогаясь от рыданий, она доверчиво припала к его груди. Ее легкие, душистые волосы коснулись его лица.

Несколько минут спустя рыдания стихли так же внезапно, как и начались.

Отстранившись от Прайса, девушка вытерла глаза уголком абы. Она казалась донельзя усталой, и американец, расстелив на полу одеяло, жестом предложил девушке присесть. Благодарно кивнув, она села.

— Ты понимаешь по-арабски? — спросил Прайс.

Чуть поколебавшись, она кивнула:

— Да! Это язык моего народа, хотя ты и говоришь на нем несколько странно.

Ее арабский был вполне понятен, несмотря на непривычный акцент. Язык, на котором говорила девушка, был куда ближе к классическому арабскому, чем к тому его современному диалекту, который знал Прайс. Впрочем, формы этого языка были, похоже, даже древнее классического арабского. Девушка говорила так, как говорили арабы много веков назад.

— Мне очень жаль, — искренне произнес Прайс, — что с тобой так обошлись.

— Спасибо, — сказала девушка, стараясь говорить яснее и теперь Прайс понимал ее уже без малейшего труда. — Я благодарна тебе за спасение.

Прайса так и подмывало сказать, что до спасения еще ох как далеко. Но он решил, что было бы нехорошо зря ее волновать. Все равно она ничем не сможет ему помочь. Поэтому, улыбнувшись, он спросил:

— До твоего народа далеко?

— Вон там лежит Эль-Ярим, — ответила девушка, показывая на север. — Три дня пути на быстром верблюде.

— Можешь не волноваться, — успокоил ее Прайс. — Я помогу тебе вернуться домой.

Глаза девушки расширились от страха.

— Но мне нельзя возвращаться! — воскликнула она. — Меня отдадут золотым людям!

— У тебя были проблемы и без нас?

Девушка кивнула.

— Расскажи мне, в чем дело, — попросил Прайс.

— Вы чужеземцы. Что вы знаете о золотых людях?

— Почти ничего. Мы пришли издалека.

— Ну так вот, золотые люди — это существа из золота, и живут они в горе возле Эль-Ярима. Там есть Маликар, золотой мужчина, или бог, и Викира, его... ну, жена. А еще золотой тигр, на котором они ездят на охоту. И золотой змей, самый древний и самый сильный бог из них всех.

— Понятно, — кивнул Прайс.

— Каждый год, — продолжала девушка, — в сезон сбора урожая Маликар спускается в Эль-Ярим, чтобы взять зерно, и молодых верблюдов, и рабов, которых пожертвуют богу-змею.

Маликар прибыл в Эль-Ярим пять дней тому назад. Ярмуд, наш повелитель, собрал всех жителей города, и Маликар на своем тигре ехал мимо нас, выбирая рабов. Он увидел меня и приказал прислать меня к нему на следующий день вместе с зерном и верблюдами.

Той ночью мой дом сторожили воины. Хотя жрецы и говорят, что это большая честь — стать рабом змея, мало кто хотел бы оказаться на месте жертвы. Обманув стражу, я выбралась из дома. — Девушка устало улыбнулась. — В полях я нашла верблюда, принадлежавшего моему отцу, и на нем усакала в пустыню.

Я ехала четыре дня. Мне пришлось отправиться в путь почти без еды и лишь с небольшим запасом воды.

Сидя на корточках, Прайс закурил сигарету, чем откровенно удивил девушку. Похоже, она никогда раньше не видела ничего подобного. Прайс пытался осмыслить услышанную им историю. Ему о многом хотелось спросить девушку, но, видя, как смертельно она устала, он решил отложить расспросы до лучших времен. Но одно Прайс хотел знать прямо сейчас.

— Этот тигр и золотые люди... они действительно золотые? Живой металл, что ли?

— Мне это неизвестно. Странно, чтобы металл мог ожить. Но они цвета настоящего золота. Они сильнее, чем обычные люди. Они не умирают... они живут еще с той поры,

когда Энз был великим городом.

— Энз? — переспросил Прайс.

Неужели Энз действительно не миф, а вполне весомая реальность?

— Энз, — пояснила девушка, — был когда-то великим городом, где жил наш народ. Мы все еще называем себя Бени-Энз. Давным-давно дожди приходили каждый год, и весь этот край был покрыт зеленью. Но тысячу лет назад пустыня победила Энз, и пески похоронили его стены, а наш народ ушел жить в оазис Эль-Ярим... Я как раз и искала Энз, — помолчав, добавила девушка.

— Зачем, если там никого нет?

Девушка заколебалась, с сомнением глядя на Прайса.

— Ладно, не важно... — начал Прайс, но она не дала ему договорить.

— Ты, наверно, решишь, что я очень глупа, однако есть древнее пророчество. Последним королем Энза был Иру. Он был отважным воином и справедливым владыкой. — Девушка испытующе посмотрела на Прайса. — Как и у тебя, у него были синие глаза и рыжие волосы. Легенды особо это подчеркивают, ведь у большинства из нас волосы темные.

— И что же гласит пророчество? — спросил Прайс.

— Возможно, это глупая сказка, — замялась девушка и, собравшись с духом, выпалила: — Если верить легендам, Иру не мертв. Он спит в зале своего дворца во всеми покинутом городе. Он ждет, когда его разбудят. Тогда он снова возьмет свой громадный топор, уничтожит золотых людей и освободит Бени-Энз.

— Ты веришь в эту легенду? — улыбнулся Прайс.

— Нет, — покачала головой девушка. — Однако, может быть, пророчество и правдиво. Видишь ли, разбудить Иру должен не кто-нибудь, а женщина, и звать ее должны так же, как и меня. Когда я бежала из Эль-Ярима, — помолчав, добавила она, — мне было некуда ехать. Вот я и отправилась в Энз.

Глаза девушки буквально слипались от усталости.

— Последний вопрос — и ты можешь спать, — сказал Прайс. — Как тебя зовут?

— Айса, — прошептала девушка. — А тебя?

— Прайс Дюран... Спи, Айса. Айса из Золотой Земли.

Она улыбнулась, закрыла глаза и тут же уснула. Прайс уложил ее поудобнее и накрыл одеялом. Девушка не проснулась от его прикосновения, только на губах ее снова появилась едва заметная улыбка.

— Послушай, Дюран, надо с этим кончать прежде, чем дело пойдет слишком далеко, — приветствовал Прайса Якоб Гарт.

За его спиной маячили разбитые физиономии Жоао де Кастро и Пашича. За ними толпой стояли бедуины Фархада вперемежку с европейцами. И почти все они глядели на Прайса с откровенной враждебностью.

Прайс шагнул им навстречу, стараясь казаться спокойным и уверенным.

— Ну конечно, — согласился он. — Нам не нужны лишние проблемы.

— Ты должен вернуть Жоао его женщину, — заявил Гарт, и голос его, как всегда, звучал ровно и бесстрастно. Широкое одутловатое лицо европейца оставалось все таким же белым, будто и не знакомым со жгучим аравийским солнцем. Маленькие глазки холодно глядели на Прайса.

— Девушка не является его собственностью, — возразил Прайс.

— Да будь я проклят! — взвыл де Кастро. — Я что, заплатил за суку, чтобы меня ограбили?!

— Все в порядке, Жоао, — отмахнулся Гарт. — Мы решим этот вопрос... Дюран, девушка приобретена в честной сделке. Ты не можешь вот так просто взять да и забрать ее себе. Люди этого не потерпят.

— Я не хочу, чтобы ей причиняли вред, — покачал головой Прайс.

Гарт тяжело шагнул вперед:

— Послушай, Дюран. Впереди нас ждет целое состояние. Невероятное богатство! Богатство, о котором люди и мечтать не смели! И мы должны держаться вместе. Мы не можем позволить себе глупые ссоры!

— Я готов принять любое разумное решение. Я заплачу де Кастро любую сумму. Сколько ты скажешь.

— Дело не в сумме. О каких деньгах может идти речь, когда до золота уже рукой подать? Не хочешь же ты сорвать экспедицию? И из-за чего? Из-за бабы! Что стоит какая-то местная шлюха, когда впереди нас ждет богатство всей Золотой Земли?

— Не говори о ней так! — резко потребовал Прайс. — В конце концов, команду здесь я. И когда я говорю — руки прочь, значит, руки прочь! Де Кастро не получит девушку, и точка!

Увидев, как помрачнели лица собравшихся перед шатром людей, Прайс тут же пожалел о своей несдержанности. Пытаясь исправить положение, он повернулся к кучке европейцев:

— Послушайте, парни, я хочу, чтобы всем было хорошо. Я не хочу обижать де Кастро. Я готов отдать ему свой бинокль взамен того, которым он заплатил за девушку. Я вовсе не пытаюсь заграбастать ее себе лично...

Грубый, насмешливый смех встретил его слова. Пряча гнев под улыбкой, Прайс продолжал:

— Вы же не допустите насилия над незащищенной женщиной...

— Хватит болтать, — прервал его Гарт. — Пора бы тебе понять, что перед тобой мужчины, а не ученики воскресной школы.

— Мужчины, надеюсь, но не животные!

Призыв Прайса не встретил ни малейшего сочувствия. Его спутники повидали всякое — другие и не клюнули бы на безумную экспедицию в глубь смертоносной пустыни в поисках мифического золота. Многие из них наверняка были не в ладах с законом. Тяжелая жизнь, страх и жадность давным-давно убили в этих людях последние остатки чести.

Легкое подобие язвительной ухмылки скользнуло по бородатому лицу Якоба Гарта.

— А тебе не приходило в голову, Дюран, — небрежно сказал он, — что мы теперь вполне могли бы обойтись и без твоего руководства? Знаешь, дальше мы, наверное, справимся и сами... тем более что чеков больше подписывать не надо.

— Значит, ведешь двойную игру, Гарт? — презрительно хмыкнул Прайс. — Выходит, так у нас получается?

Гарт только пожал плечами:

— Как тебе угодно. Я пришел в эту чертову пустыню за золотом. Я не позволю местной девчонке встать у меня на пути. И глупым условиям тоже.

— Пока я жив, де Кастро не получит девушки, — холодно повторил Прайс. — Что ты теперь скажешь?

— Я не хочу, чтобы пролилась кровь, Дюран. И я, между прочим, заметил, что Сорроуз держит нас под прицелом своего пулемета. Давай заключим сделку.

— Какую еще сделку?

— Мы оставим тебе девчонку на эту ночь. Я уговорил де Кастро позволить тебе первому с ней позабавиться. Утром ты отдашь ее Жоао.

— Ничего подобного я не сделаю.

— Подумай как следует, — мрачно посоветовал Прайсу Якоб Гарт. — Если ты не образумишься, мы все равно ее заберем. Мне не хотелось бы расставаться с тобой, Дюран. Ты хороший парень, а нам такие сейчас очень даже нужны. Но я не могу рисковать успехом экспедиции. Подумай!

Глава восьмая ЛА СИВА ХУ

Прайс Дюран не относился к тем людям, которые могут смириться с поражением —

пусть на первый взгляд и неизбежным. Порой ему даже хотелось научиться покорно принимать удары судьбы. Жизнь его от этого стала бы только спокойнее. Но, по воле рока, Прайс был прирожденным борцом, и любое сопротивление вызывало в нем упрямую решимость все-таки добиться своей цели.

В общем, покорность явно была не в характере Прайса Дюрана. В случае необходимости он сражался всеми доступными ему средствами и не больно-то задумывался о цене поражения. К тому же он всем сердцем верил в удачу Дюранов. И надо сказать, эта удача его еще никогда не подводила... возможно, потому, что Прайс не давал ей такого шанса.

Когда все ушли, Прайс вернулся в свой шатер. Айса мирно спала. Ее милые свежие губы были приоткрыты, длинные ресницы чуть трепетали в такт тихому дыханию.

Вид спящей девушки еще больше укрепил решимость Прайса не отдавать ее мерзкому азиату. Кровь вскипала в его жилах при мысли об этой девственной красоте, оскверненной грязными лапами де Кастро. Нет, он не уступит. А это значит, что до утра надо придумать, как спасти девушку... если, конечно, Жоао за это время не найдет способа прикончить самого Прайса.

Желтый серп луны висел почти в зените. Всю первую половину ночи Прайс как на иголках просидел возле спящей Айсы.

Сэм Сорроуз вызвался подежурить в танке, и Прайс охотно принял его предложение. Он даже дал Сэму на хранение ключ от находящегося в машине сундука с золотом. Дело в том, что Прайс решил вместе с девушкой бежать из каравана. Другого выхода он не видел. Не могут два человека победить целую экспедицию.

Между тем лагерь понемногу засыпал. Вскоре только часовые — два белых и два араба — мерно бродили по периметру, время от времени окликая друг друга.

Ближе к полуночи покрасневшая луна спряталась за барханы, и стало совсем темно. Прайс решил, что пришла пора действовать.

Шепнув пару слов Сэму, он бесшумно оседлал своего верблюда. Потом нашел два бурдюка с водой и приторочил их к седлу.

Вернувшись в шатер, американец упаковал выюки. Шоколад. Галеты. Вяленое мясо. Сушеная абрикосовая масса, которую арабы называли «шкура кобылицы». Зерно для верблюдов. Аптечка. Бинокль. Боеприпасы для ружья и револьвера.

Когда все было готово, Прайс вновь сел рядом с девушкой. Он слушал ее тихое ровное дыхание, и меньше всего на свете ему хотелось ее будить. Но дольше ждать он не мог.

Не зажигая огня — могли заметить часовые, — Прайс дал девушке еду и воду.

— Люди, с которыми я сюда пришел, решили, что утром я должен вернуть тебя тому, у кого отнял, — прошептал он. — Я не могу сражаться с ними со всеми, и потому мы должны бежать.

— Но куда?

— Может быть, в Энз? Ты же вроде направлялась именно туда.

— Все так. Но Энз мертв. Это город призраков. Вот уже много сотен лет ни один человек не видел его стен. Я не хочу, чтобы ты умер, защитник мой! — внезапно охрипшим голосом прошептала она. — Отпусти меня одну.

— Нет, я не могу бросить тебя на произвол судьбы. И не говори о смерти. Удача Дюранов нас не оставит.

— Но у меня так много врагов... и они так сильны. Даже мои соплеменники... они будут искать меня, чтобы спастись от гнева золотых людей. И Маликар тоже ищет меня верхом на тигре. Он преследует меня своей тенью.

— Пошли, — решительно сказал Прайс, поднимая выюки и устремляясь к выходу из шатра.

Крепко сжимая в руке золотой кинжал, Айса молча последовала за ним.

Прайс задержался лишь на секунду — махнуть на прощание Сэму. Уже через миг он

подвел девушку к верблюду.

— Садись.

— Подожди, — шепотом ответила Айса. — Может, мне удастся найти своего дромадера. Прислушайся.

Минуту они стояли молча. Вокруг под колючими звездами пустыни раскинулся темный спящий лагерь. Тут и там чернели тени шатров. Подогнув ноги, черными тушами лежали верблюды. Завернувшись в аба, спали под открытым небом люди.

Множество звуков раздавалось в ночной тиши. Дыхание людей. Тихие, печальные стоны верблюдов. Далекие голоса перекликающихся часовых. И над всем этим — шелест песка, текущего по склонам барханов, подгоняемого легким предрассветным ветерком.

— Колокольчик моего верблюда, — внезапно прошептала Айса, устремляясь в темноту.

Прайс пошел было за ней, но в последний момент передумал. Он бы только помешал.

Прайс стоял и вслушивался в ночь. Вслушивался в дыхание спящего бивуака, в сухой шорох песка — шепот призраков мертвой земли, разбуженных ветром...

Прайс даже и не осознавал, как много значит для него Айса. Не осознавал вплоть до того момента, когда отчаянный крик Нура разорвал покой устало дремлющего лагеря. Этот вопль, словно острый нож, пронзил Прайса в самое сердце. Он почувствовал внезапную слабость, в глазах помутнело от страха. Прайс Дюран дрожал от ужаса. И боялся он, как никогда еще не боялся за себя самого, за девушку, которую и увидел-то впервые только накануне вечером.

Потом сила и решительность вернулись к Прайсу. Вскочив в седло, он рывком поднял на ноги верблюда и вытащил из-за пояса револьвер.

Нур, видимо, спал возле своего нового верблюда и проснулся, когда Айса попыталась его украсть.

А в лагере царило полное смятение. Люди с воплями вскакивали с земли, выбегали полуодетые из шатров. Метались лучи фонарей. Трещали ружейные выстрелы, сопровождаемые проклятиями на нескольких европейских языках сразу. Со всех сторон раздавались крики бедуинов, поминавших Аллаха и его пророка.

И через весь этот бедлам неся белый дромадер с Айсой на спине. В руке девушка держала золотой кинжал.

Им она, скорее всего, и перерезала веревку, которой был стреножен верблюд.

— Эй-и-и, Прайс Дюран! — ликующе прозвенел ее голос, и Прайс, пришпорив верблюда, помчался рядом с ней.

— Шайтан эль кабир! — вопил Нур у них за спиной. — За ними! За ними! Мой верблюд! Эфенди Дюран и женщина!..

— Хватайте! — визжал де Кастро. — Хватайте вора!

— Миллер, Мэсон, — перекрывая какофонию, прогремел голос Якоба Гарта, обращавшегося к часовым. — Остановите их!

Пуля просвистела над ухом Прайса. Часовые бежали наперерез. Они пытались поймать беглецов в круг света от фонарей и беспорядочно стреляли.

— Пригнись, — крикнул Прайс девушке. — И прибавь ходу!

В ответ раздался тихий смех. Чистый голосок Айсы издевательски пропел отставшим врагам:

— Счастливо оставаться!

— По седлам! — орал шейх Фархад. — Бисмилла! В погоню!

— Ружье тому, кто поймает мне эту сучку! — вопил де Кастро.

Скача бок о бок, беглецы неслись в глубь пустыни, в спасительную тьму. А за ними мчалась погоня.

Прайс повернулся в седле. Позади он увидел сплошную лавину преследователей. Казалось, добрая половина лагеря гналась за беглецами. Прайс понял, что все пропало. Им с Айсой не спастись. Даже если они продержатся до рассвета, арабы, среди которых были

очень искусные следопыты, не дадут им уйти.

Все так же бок о бок они перевалили через гребень первого большого бархана. В миг, когда их силуэты вырисовались на фоне звезд, сзади раздались выстрелы.

Верблюды помчались вниз по склону, и тут Прайс сделал то, чего сам от себя не ожидал.

Наклонившись к девушке, он позвал:

— Айса, Айса из Золотой Земли, я должен кое-что тебе сказать. Сейчас, потому что мне может больше не представиться такой возможности. Ты очень красивая... и храбрая.

Девушка рассмеялась:

— Нас никогда не поймают. Перед нами вся пустыня. Они псы, вздумавшие охотиться на орлов!

А потом позади взревел мотор танка, залязгали гусеницы, подал голос танковый пулемет.

Неужели канзасец присоединился к погоне? Конечно нет! Сэм Сорроуз сделал единственное, что могло помочь беглецам спастись.

— Спасибо тебе, старина Сэм, — прошептал Прайс — Пусть у них станет проблемой больше!

Арабы, Прайс это знал, все еще до дрожи боялись танка. Устремившееся якобы в погоню железное чудовище наверняка распугает преследователей. Что же касается белых, то никто из них еще не ездил так хорошо, чтобы представлять серьезную опасность для Прайса и Айсы.

К тому времени, когда беглецы выбрались на верх второго бархана, гул двигателей, крики людей и звуки выстрелов остались далеко позади. За третьим барханом все смолкло, и остался лишь шорох песка под копытами дромадеров.

Первые лучи восходящего аравийского солнца нашли Прайса и Айсу все так же едущими бок о бок. Усталые верблюды медленно брели по мертвой равнине солончаков, хрустящих под копытами, словно снег в мороз.

Впереди лежала новая гряда ржавых барханов, казавшихся в алых лучах поднимающегося над горизонтом светила кроваво-красными.

Кругом — только пустыня. Пески, выходы черного гранита, словно обломки древнего скелета, стертого временем в порошок, белесые солончаки...

Солнце еще только-только взошло, а горизонт уже подернулся жарким маревом, и серебристые озера утреннего миража, обещая прохладу и покой, замелькали над адской равниной пустыни.

Лагерь лежал далеко позади, и, подгоняемые утренним ветром, вечно текущие пески успели уже замести следы беглецов. Пропала и караванная тропа, отмеченная зловеще скалящимися человеческими черепами. Прайс и Айса остались вдвоем, один на один с непобедимыми просторами Пустого места.

— Ла сива ху, — пробормотал Прайс одно из имен, которым арабы называли пустыню. В переводе оно означало «Там, где нет никого, кроме Него».

Глава девятая ГОРОД ПЕСКОВ

Вечером третьего дня беглецы все еще пробирались по бескрайнему океану красно-желтых песков. Запасы воды подошли к концу. Бурдюки опустели. Верблюды едва держались на ногах. А Прайс и Айса все ехали и ехали в поисках древнего Энза. Во рту у них пересохло.

Они почти не разговаривали — при каждом вдохе воздух раскаленным песком обжигал горло. Однако Прайс частенько поглядывал на девушку, измученную, но не сдающуюся.

Ее нежное лицо под белой накидкой было покрыто волдырями. Полные губы

потрескались и кровоточили, иссушенные безжалостным солнцем и едкой пылью. Голубые глаза покраснели от ослепительного сияния и блеска песков. И тем не менее Айса оставалась красивой, и для Прайса у нее всегда находилась улыбка.

Да, эти три дня были нелегкими. Можно даже сказать, жестокими. И все-таки Прайс не променял бы их ни на какие другие. Он испытывал странное удовлетворение. От бывлой хандры не осталось и следа.

Общество Айсы стало для него бесценным даром, только ради которого уже стоило жить.

Она была проводником, находя дорогу по известным ей из легенд ориентирам. На закате Айса повернулась к Прайсу.

— Мы должны были бы уже увидеть Энз, — озабоченно сказала девушка. — Еще с предыдущего гребня.

— Не волнуйся, детка! — Прайс старался говорить весело и небрежно, но голос его прозвучал глухо и неестественно. — Мы его найдем.

— Энз должен стоять тут, — настаивала Айса. — Мой отец перед смертью объяснил мне все ориентиры. Так же, как когда-то их ему передал его отец. Город должен быть здесь.

Возможно, думал Прайс, Энз и в самом деле здесь. Судя по рассказам Айсы, местные жители не видели его уже добрую тысячу лет. Быть может, город, погребенный под песками пустыни, лежит сейчас прямо под ногами!.. Эту безрадостную мысль Прайс решил оставить при себе.

— Поедем дальше, — предложил он.

С деланным удивлением Прайс обнаружил в бурдюке несколько капель воды — его собственная доля, которую он не стал пить в прошлый раз. Он предложил бурдюк Айсе, но, заподозрив, в чем дело, девушка едва смочила губы и больше пить не стала.

Кровавый зрачок небесного светила опустился за горизонт, а Прайс с Айсой, подгоняя полумертвых верблюдов, все ехали и ехали вперед. А потом они шли пешком, ведя верблюдов в поводу. Шли по волшебному миру, залитому бледным лунным светом. Шли, пока не рухнули, обессилев от жажды и отчаяния.

А на рассвете, проснувшись, они увидели перед собой Энз.

Черные стены из гигантских базальтовых блоков высились в полумиле от того места, где остановились Прайс и Айса. За долгие столетия песчаные бури оставили на них неизгладимые следы. Тут и там каменные бастии рухнули, словно волнорезы, подточенные желто-красным океаном. Барханы накатывались на развалины волнами прибое, местами перехлестывая внутрь города. А за городскими стенами в первых лучах восходящего солнца таинственно чернели руины жилых домов, мрачные и унылые, полные ночных теней и туманов долгих веков.

Разбудив Айсу, Прайс показал ей на неожиданно близкий город.

— Значит, я не заблудилась! — воспрянув духом, воскликнула девушка. — Пойдем скорее внутрь!

Заставив верблюдов подняться, они побрели к Энзу.

Но вскоре первая радость сменилась разочарованием. Всеми забытый, похороненный песками Энз поистине стал городом мертвых. Немного было шансов найти в этом угрюмом некрополе воду, без которой несчастных беглецов ждала неминуемая и скорая смерть.

Неприступные черные стены, как могли, отражали напор непобедимых песков. Массивные ворота из подернутой зеленою патины бронзы были наглухо закрыты. Красный песок засыпал их, и даже тысяча человек не смогли бы сдвинуть с места высокие створки.

Поднявшись по огромному бархану, перехлестнувшему через городскую стену, путники наконец увидели весь Энз от края до края. Станный это был город. Город-сон. Мертвый город. Город, наполовину зарытый в песок.

Тут разрушенная, покосившаяся башня торчала из песка, словно кусок расколотой кости. Там, будто выбеленный временем череп, лежал разбитый купол из белого мрамора.

Все в этом осажденном пустыней городе дышало стариной.

Однако на какое-то мгновение Прайс увидел Энз таким, каким он когда-то был. Перед его мысленным взором встали широкие чистые улицы, величественные проспекты, заполненные давным-давно мертвыми толпами. Прайс видел Энз в расцвете его былой славы — задолго до того, как на берегу Евфрата поднялся легендарный Вавилон, до того, как первые фараоны воздвигли себе вечные мавзолеи на берегу Нила.

Какой-то миг Прайс видел Энз живым, а потом в прах поверженный песками город вновь предстал перед ним в своем мертвом, разоренном обличье.

— Значит, пророчество не сбудется, — безнадежно вздохнула Айса. — Энз воистину мертв. Иру не может ждать здесь пробуждения. Это город песков!

— Возможно, нам все-таки удастся найти воду, — попытался обнадежить ее Прайс. — Должны же быть какие-нибудь источники или бассейны...

Ведя верблюдов в поводу, они спустились по склону бархана в город. И начались долгие и, как казалось, бесполезные поиски в каменных джунглях разрушенных стен.

Время близилось к полудню, когда путники подошли к громадной куче расколотого мрамора, лежавшей на огромной платформе из необъятных базальтовых глыб. Сюда песок еще не успел добраться. Замученные верблюды наотрез отказались подниматься вверх, и, оставив дромадеров, Прайс и Айса пошли на разведку.

Позже Прайс не раз проклинал себя за неосмотрительность. Как мог он не взять с собой ни ружья, ни револьвера, висевшего в кобуре на луке седла? Но в тот миг он и так едва держался на ногах. Да и какие живые враги могли оказаться здесь, в городе мертвых?

Поднявшись на платформу, они подошли к рухнувшей колоннаде.

— Это же дворец Иру! — воскликнула Айса, внимательно рассмотрев полустертую надпись.

Обходя поваленные колонны, путники через уцелевшую арку прошли во внутренний двор. Прайс не верил своим глазам.

Во дворике, окруженном высокими стенами, взорам путешественников предстала невероятная, буйная, освежающая одним своим видом зелень. Здесь в небольшой котловине посреди руин и запустения спрятался крохотный оазис, поразительный тропический сад.

Из обрамленного полированным камнем фонтана со сладким журчанием била кристально чистая вода, тонкими ручейками растекаясь по зарослям финиковых пальм, гранатовых деревьев и кустов с большими ароматными цветами, переплетенных тонкой сетью малахитовых лиан.

Сад был дикий, запущенный. Вот уже тысячу лет, если верить легендам, сюда не ступала нога человека. Прайсу сперва даже показалось, будто он видит мираж. Это казалось невозможным! Посреди мертвых песков и руин — пение воды и волшебная зелень пальм!

Затем с хриплым криком он схватил Айсу за руку, и они вместе побежали вниз по крошащимся каменным ступеням. Вместе упали на колени возле фонтана, смыли горькую пыль пустыни с потрескавшихся губ, сделали первый глоток сладкой холодной воды...

Следующий час прошел для Прайса словно во сне. Буйство чарующих ощущений — возможность пить живительную, волшебно прохладную влагу, смыть, с иссушенного тела грязь долгого и трудного пути, восхитительные фрукты, отдых в зеленой тени рядом со счастливой, смеющейся Айсой.

А потом Прайс вспомнил о верблюдах, и они с Айсой вернулись ко входу во дворец, чтобы привести своих верных дромадеров в этот рай посреди пустыни.

Они поднялись на платформу... и Прайс невольно вскрикнул.

Верблюды лежали там, где их оставили. Но выюки были выпотрошены, вещи и припасы разбросаны по песку. Ружье и револьвер, которые Прайс оставил висящими на луке седла, исчезли без следа.

Прайс мог бы много чего сказать по этому поводу, но сдержался. Какой смысл? Теперь уже что ни делай, все без толку. Оставался последний бой, отчаянный и безнадежный. Бой не с людьми, а с не знающей жалости пустыней.

Глава десятая В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ ЭНЗА

Разворошенные вьюки оставались загадкой. Сколько Прайс ни осматривал мертвый город, он не заметил в нем никаких признаков жизни. Кругом царила тишина. Зловещая, гнетущая... Ничего не происходило.

Стараясь не думать об опасности, Прайс и Айса занялись верблюдами. Не без труда, по одному затащили их на платформу. Айса тянула за повод, а Прайс, как мог, подталкивал животных сзади. Дальше было уже легче, и вскоре дромадеры вволю напились из спрятанного в глубине дворца источника.

Взяв золотой кинжал Айсы, единственное оставшееся у них оружие, Прайс вырезал в саду увесистую дубинку.

Еще раз осмотрев дворец и не найдя ничего подозрительного, путники решили отдохнуть у фонтана и провалялись до вечера. На закате, подгоняемые страхом, они отправились в засыпанный песком город и после долгих поисков так и не сумели обнаружить ни жителей, ни вообще какого-либо пригодного для жилья места.

Однако оружие исчезло. С этим спорить не приходилось.

Уже темнело, когда Прайс и Айса возвращались ко дворцу. И вдруг, тихо вскрикнув, девушка схватила спутника за плечо.

Совсем близко, между рухнувших колонн у входа, показался высокий и худой, как бедуин, мужчина. Он был одет в развевающееся, напоминающее бурнус одеяние синего цвета. Быстро подбежав к краю платформы, мужчина прыгнул на песок. За плечами у него Прайс увидел свое ружье.

Но тут незнакомец помедлил, обернувшись назад. На лбу у него Прайс заметил блестящее золотое клеймо — желтую, свившуюся кольцами змею. В следующее мгновение он скрылся за полуразрушенной стеной.

— Раб змея, — прошептала Айса, и в голосе ее явственно слышался страх.

— Кто-кто? — переспросил Прайс.

Взяв девушку за руку, он заглянул ей в глаза.

— Раб змея и слуга Маликара. Золотые люди, видимо, знали о пророчестве. Знали, что женщина по имени Айса должна разбудить великого Иру. Когда я сбежала, Маликар, наверное, догадался, что я отправлюсь в Энз. Вот он и послал сюда одного из своих жрецов. Чтобы меня поймать.

Прайс смотрел на девушку с искренним удивлением. Испуганная Айса — это было что-то новое. Даже будучи беспомощной пленницей в грязных лапах де Кастро, она не выказывала ни малейшего страха. Теперь же ее лицо побелело как полотно, губы дрожали, а в глазах застыл беспросветный ужас.

Что касается Прайса, то сам он не считал ситуацию такой уж безнадежной. Его, разумеется, не радовала потеря огнестрельного оружия, но, похоже, пока опасность им с Айсой не грозила. В конце концов, это жрец бежал от них, а не наоборот.

— Возьми себя в руки, малышка, — сказал он. — Все не так уж плохо. Даже когда дела идут неважно, мы еще можем рассчитывать на удачу Дюранов.

Девушка чуть придвинулась к нему, и Прайс нежно обнял ее за плечи. Он по-прежнему настороженно оглядывался по сторонам, всматриваясь в черные тени, протянувшиеся по песку.

Прошла неделя. Жрец в синем больше не появлялся. Прайс и Айса блаженствовали. Этот маленький оазис оказался настоящим раем посреди ада пустыни. В нем было все, что требовалось для жизни.

С каким удовольствием Прайс и Айса остались бы здесь на веки вечные, раз и навсегда забыв о внешнем мире. Они нашли друг в друге радость, ранее им неведомую, блаженство,

особо острое из-за краткости отпущенного им времени.

В задней стене двора, под круглой аркой, влюбленные нашли вход в высокую, отделанную гранитом галерею, которая вела в главные покои дворца. Возле сада в ней было еще светло, но дальше галерея превращалась в черный туннель, уходящий в спрятанные под покровом песков руины.

Здесь, под крышей, защищавшей от жгучих солнечных лучей, Прайс и Айса и устроили свое временное жилище. Рядом уткнулась в небо чудом уцелевшая каменная башня — такая высокая, что она даже возвышалась над городской стеной. Несколько раз в день Прайс поднимался по полуразрушенной лестнице и с высоты обзирал Энз и его окрестности.

Утром девятого дня он заметил на горизонте крошечную точку, ползущую через красно-желтые пески. И следил за ней в течение часа, пока точка не превратилась в маленькое желтое животное с черным ездом на спине.

— Я видел желтого тигра, — сказал Прайс Айсе, спускаясь в сад.

— Это Маликар, — дрожа как в лихорадке, прошептала девушка. Лицо ее побледнело, но на сей раз она все-таки сумела удержать себя в руках. — Маликар сам приехал за мной! Милый, мы должны спрятаться! Без твоего оружия мы не можем с ним сражаться. Где же...

Прайс молча кивнул в сторону засыпанной галереи:

— Может, туда? Мне давно уже хотелось поглядеть, куда она ведет.

— Нет, — покачала головой девушка. — Там, в темноте, мы попадем в ловушку... — И тут ей в голову, похоже, пришла новая мысль. — Но это не важно! — воскликнула она. — Пошли скорее!

Взяв по охапке заготовленных Прайсом факелов (всего лишь скрученные и высушенные на солнце пальмовые листья), они двинулись в глубь прохода.

Пол, присыпанный рыжим песком, достигал двадцати футов в ширину. До сводчатого потолка было футов тридцать, не меньше. Первые несколько десятков ярдов в галерею еще проникал свет от входа и от не до конца засыпанных стрельчатых окон. Но потом стало совсем темно.

Прайс зажег факелы, и они с Айсой двинулись дальше сквозь мглу, в замурованные пустыней развалины.

Время от времени в стороны уходили боковые проходы, однако все они были или засыпаны песком, или завалены обвалившимися каменными глыбами. Наконец в сотне футов от входа путники уперлись в стену.

Прайс был встревожен. Они так далеко забрались и все еще не нашли ни места, где можно было бы спрятаться, ни хорошей позиции для обороны. Похоже, это действительно ловушка.

Айса свернула в последний открытый проход.

Вскоре они вышли в новый, почти свободный от песка коридор, а еще где-то футов через сто подошли к куче трухи, когда-то, наверное, бывшей крепкой дверью. Перед ними вниз, в кромешный мрак, уходила крутая каменная лестница.

Воображение Прайса услужливо нарисовало ему зловещие образы того, что могло скрываться в чреве тысячу лет назад покинутого города. Он заколебался и двинулся дальше, лишь когда Айса начала спускаться.

Триста ступеней вели в подземелья.

Они увидели мрачный лабиринт, высеченный в темном камне. Тусклый свет факелов едва рассеивал мглу, отбрасывая на стены причудливые, похожие на пляшущих демонов тени. Воздух был затхлый и сырой. Пахло здесь как в склепе. Но факелы горели, а значит, кислорода было достаточно.

— Пожалуй, я предпочел бы встретиться с Маликаром наверху, — прошептал Прайс. — Что, если факелы погаснут?

Тени продолжали свою безумную пляску, и насмешливое эхо прошептало в ответ:

— ... факелы погаснут...

— Мы в подземельях Энза! — воскликнула Айса. — Здесь находятся гробницы

древних царей! Здесь спит Иру!

Призрачные тени прошептали:

— ... здесь спит Иру...

Прайс содрогнулся. Наверху, при солнечном свете, было совсем не трудно смеяться над древним пророчеством. Но здесь, в этих кошмарных катакомбах, где вековой мрак силился погасить свет факелов, возрождение давным-давно мертвого короля почему-то не казалось таким уж невозможным.

Прайс неохотно пошел вслед за Айсой, начавшей тщательный осмотр гробниц. Прочитав надпись на очередной узкой каменной плите, служившей дверью в усыпальницу, девушка двинулась дальше, и Дюран старался от нее не отставать.

— Вот она, гробница Иру! — вдруг воскликнула Айса, и Прайс невольно вздрогнул.

Низкая узкая дверь из темного камня. А на ней — круглая ручка тускло поблескивающего золота. Айса повернула ручку...

Когда Прайс навалился на дверь плечом, она бесшумно открылась — куда легче, чем он ожидал. Вскрикнув от неожиданности и чуть не упав, американец ввалился в склеп. Айса следовала за ним по пятам.

Они очутились в маленькой квадратной келье, высеченной в скале. В длинной, похожей на полку нише на противоположной стене покоились останки Иру.

К неописуемому облегчению Прайса, древний король был совершенно и неоспоримо мертв. Если уж на то пошло, от него остался один скелет.

Рядом со скелетом лежало оружие монарха — свернутая кольчуга из искусно переплетенных золотых колец, овальный щит на левую руку и огромный боевой топор.

Бросив дубинку, Прайс поднял топор — наконец хоть какое-то оружие. Тяжелое золотое лезвие, в половину длины топорщица, как и кинжал у Якоба Гарта, покрывали руны на неизвестном Прайсу языке. А закалка топора была как у самой хорошей стали.

Короткая толстая рукоять, похоже, была сделана из эбенового дерева и казалась в полном порядке. На ней, вырезанный или протертый временем, остался след руки — округлые канавки для каждого пальца.

Прайс поднял топор, намереваясь испытать его баланс. И рука легла на рукоять так, словно тут всегда и находилась. Как будто этот топор был создан именно для пришлого американца, а не для короля, умершего добрую тысячу лет назад.

— Странно, — пробормотал Прайс. — Точно по руке.

— Действительно странно, — в ответ прошептала Айса. — Но странно ли?..

Голос девушки звучал как-то необычно, и Прайс поднял на нее глаза. Держа в руках чадающие факелы, она стояла на пороге маленького склепа. Айса улыбалась, хотя в глазах ее застыл испуг.

Никогда еще она не казалась Прайсу такой волшебной прекрасной. Больше всего на свете ему хотелось прижать Айсу к груди, крепко поцеловать и унести куда-нибудь, где царит только мир и покой, где опасность не будет грозить ей со всех сторон.

— Давай выбираться отсюда, — решил он.

Айса повернулась и, вскрикнув, в ужасе отшатнулась. В свете факела она увидела перед собой одетого в синий бурнус мужчину с изображением золотой свернувшейся кольцами змеи на лбу!

Крутя золотым топором, Прайс прыгнул к выходу из склепа.

Если минуту тому назад вид Прайса с топором в руках вызвал у Айсы испуг, то жрец явно перепугался до смерти. Челюсть у него так и отвисла, черты лица исказились гримасой ужаса. С воплем прикрыв глаза руками, жрец опрометью кинулся прочь, во мрак подземелий.

— Раб змея, — прошептала Айса. — Маликар послал его за мной.

— Что его так напугало? — удивленно спросил Прайс. — Он словно увидел... даже не знаю что.

— А я, кажется, знаю, — тихо сказала Айса. — Он увидел проснувшегося Иру.
— Проснувшегося Иру? Что ты имеешь в виду?
— Древнее пророчество сбылось! — воскликнула девушка. — Ты — Иру, вернувшийся, чтобы победить золотых людей и освободить народ Бени-Энз.

— Я? Да ты что?! Все это вздор!
— А почему бы и нет? Ты высокий, как и Иру. У тебя тоже рыжие волосы и голубые глаза. И разве топор не пришелся тебе по руке?

Действительно, кое-какие детали совпадали. Но Прайс Дюран никогда не верил в реинкарнацию. Ему казалось, что и одну жизнь прожить не так-то просто, а раз так, то к чему навешивать на себя лишнее бремя.

— В любом случае, — продолжала Айса, — пусть жрецы думают, будто ты настоящий Иру. Почему бы тебе не надеть кольчугу?

— Для тебя, милая, — улыбнулся Прайс, — я готов стать кем угодно.

— И наверное, тебе стоит выучить боевую песнь топора, — предложила девушка. — Она выгравирована на лезвии. Иру всегда пел ее во время боя.

Светя себе факелом, Айса прочитала Прайсу слова. Станный, непривычный ритм эхом отозвался в крови американца. В переводе на английский песня звучала примерно так:

Руби...
Справедливость в бою!
На погибель злу!

Бей...
Дитя наковальни!
Громом выкованный!

Секи...
Корлу — разрушитель!
Молнией закаленный!

Руби...
Корлу — боевой топор!
Пьющий кровь жизни!

Убивай...
Корлу — красная смерть!
Страж могильных врат!

Прайс надел желтую кольчугу. Его непривычному телу она казалась холодной, жесткой и тяжелой, но при всем том сидела она на удивление хорошо. Затем он поднял маленький овальный щит и яростно сжал рукоять топора.

Никогда Прайс не любил Айсу так сильно, как тогда, в темном склепе короля Иру, когда холодный влажный воздух катакомб касался их лиц, словно крылья ночных птиц, когда минуты тянулись, словно часы, когда, сидя бок о бок, они ждали появления Маликара.

Зеленоватый свет озарял лестницу, по которой в подземелья спускались пять человек. Четверо были одетыми в синие бурнусы жрецами — двое с длинными пиками наперевес, двое с горящими зеленым огнем факелами.

Пятым был золотой мужчина, тот самый, которого Прайс видел верхом на тигре. Огромного роста и непомерной ширины в плечах, он носил красный шлем и широкий алый плащ. На плече у него покоилась громадная шипастая палица из желтого металла.

Он вел своих жрецов прямо к склепу короля Иру.

Печать торжествующего, всепобеждающего зла лежала на его желтом золотобородом лице. Мрачным торжеством горели желтые глаза. Глаза, в которых читался опыт долгих веков и мудрость давно забытого прошлого.

Сжимая топор, Прайс ждал гостей в склепе.

Жрецы, он видел это яснее ясного, были насмерть перепуганы. Их ноги заплетались. На бледных лицах читался испуг.

Не обращая внимания на своих перепуганных слуг, Маликар подошел к склепу. Но даже он остановился на пороге.

— Иди сюда, женщина! — хрипло приказал золотой человек.

Айса не пошевелилась.

Выхватив факел из рук дрожащего от страха жреца, Маликар решительно вошел в гробницу. Прайс шагнул ему навстречу.

На миг в желтых глазах мелькнул страх, смешанный с изумлением. Затем Маликар зловеще оскалился.

— Иру не спится? — прорычал он на том же, с непривычным акцентом, арабском, на котором говорила и Айса. — Я помогу ему снова уснуть!

Швырнув свой странный зеленый факел на пол склепа, Маликар обеими руками взялся за палицу. Факел не погас, а продолжал гореть.

Прайс взмахнул топором и нанес короткий рубящий удар, нацеленный в красный шлем. Золотой человек быстро отступил под прикрытие дверного проема. Сверкающее лезвие топора просвистело мимо его лица. Уйдя из-под удара, Маликар снова двинулся вперед — сражаться в тесном дверном проеме он не мог.

Прайс попятился и запел песню Иру, которой его только что научила Айса. В желтых глазах его врага снова мелькнул страх. Один из жрецов вскрикнул, в ужасе вжимаясь в стену.

Повинуясь ритму песни, Прайс понемногу отступал перед страшной шипастой палицей. Выбрав подходящий момент, он крутанул топор и нанес новый удар. Американец вложил в него всю свою силу, но, как выяснилось, перестарался.

Золотой клинок топора обрушился на красный шлем, однако древко не выдержало и с треском переломилось пополам.

Удар не получился. Тяжелое лезвие полетело на пол, а Прайс остался стоять с бесполезной палкой в руках.

Он чувствовал, что его предали. В критический момент удача Дюранов от него отвернулась.

Кривая злобная ухмылка раздвинула желтые губы Маликара. Подняв над головой шипастую палицу, он обрушил ее на своего противника.

Вскрикнув от боли и ярости, Айса бросилась на Маликара, прямо под летящую вниз палицу. В руке ее сверкал золотой кинжал.

У нее не было ни малейшего шанса. Отведя удар в сторону, Маликар небрежно перехватил руку девушки. Кинжал со звоном упал на пол. Легким движением Маликар отшвырнул Айсу за дверь, в лапы своих жрецов.

Воспользовавшись паузой, Прайс прыгнул на врага. Палица вновь взлетела над его головой и опустилась вниз, сметя по пути подставленный щит. Черный огонь захлестнул сознание Дюрана...

Прайс сидел в холодной влажной мгле подземного склепа. Факелы погасли. Хотелось пить. Он знал, что провалялся без сознания много-много часов.

Прайс пошарил вокруг. В гробнице никого больше не было. Потом он нащупал что-то большое, гладкое и округлое, с шумом покотившееся по полу от его прикосновения.

Стараясь держать себя в руках, американец на ощупь добрался до двери. Его пальцы встретили гладкий холодный камень. И больше ничего. Тут только Прайс Дюран вспомнил, что массивная дверь склепа открывалась вовнутрь и что ручка на ней была только снаружи!

Маликар замуровал его в гробнице Иру!

Глава одиннадцатая

СЛЕД ТИГРА

Некоторое время спустя Прайс оставил бесплодные попытки открыть запертую дверь и, обессилив, опустился на холодный пол древней гробницы.

Только без паники! Всего один шаг — и алая волна слепого ужаса захлестнет его с головой. Прайс дрожал. Все тело покрылось холодным потом. Сам того не осознавая, хрипло и бесполезно вопя, он колотил кулаками в каменную дверь.

В то же время тихий голос в его мозгу велел Прайсу замолчать. Он приказывал не тратить зря силы, успокоиться и как следует все обдумать. Ситуация и в самом деле была критической. Ведь Прайс сидел взаперти, в склепе, в катакомбах под засыпанным песком городом, который и существовал-то теперь лишь в легендах. Но отчаянием и криками делу не поможешь.

Надеяться на чью-то помощь, увы, не приходилось. Маликар, судя по всему, захватил Айсу в плен и оставил его здесь умирать. Значит, выбираться из склепа надо своими силами. И следовало поторопиться — скоро в келье будет нечем дышать. В голове у Прайса шумело. Не успев как следует прийти в себя после удара Маликара, он уже начинал задыхаться.

Обхватив гудящую голову руками, американец попытался собраться с мыслями. Надо осмотреть склеп. Если бы удалось найти хоть какое-нибудь оружие...

Прайс зашарил по карманам. Где же спички? Ага, вот... С облегчением вздохнув, он зажег свет и внимательно оглядел маленькую келью. Среди рассыпанных человеческих костей Прайс заметил отломанную рукоятку топора, а потом и сам золотой топор, лежавший возле двери. Рядом валялся овальный щит.

Прислонившись к холодной стене, Прайс от гаснущей спички закурил сигарету. В голове понемногу прояснялось. Во всяком случае, сигаретный дым хоть немного, да забивал затхлые запахи склепа. Но виски ломило по-прежнему.

Докурив, Прайс зажег новую спичку и в ее свете внимательно осмотрел дверь — массивную глыбу до блеска отполированного гранита, искусно подвешенную на петлях так, что и сами петли, и замок скрывались под камнем. Снаружи на двери имелась круглая ручка. Внутри дверь была совершенно гладкой.

Заставив себя действовать спокойно и неторопливо, Прайс поднял с пола топор и, обернув лезвие носовым платком, чтобы не порезаться, принялся стучать в дверь острием. Замок, думал он, находится в вырубленном в двери пазе на уровне золотой ручки. Прикрывающий его слой камня, скорее всего, достаточно тонок, а раз так, то, возможно, удастся его проломить.

Камень был крепок, орудие — неудобным. Голова у Прайса буквально раскалывалась. С каждой минутой дышать становилось все труднее.

Задыхаясь, он стучал и стучал в дверь.

Ему казалось, прошло несколько часов. Другой на его месте опустил бы руки и покорно ждал смерти. Но не в характере Прайса Дюрана было сдаваться без боя. Он верил в свою удачу... хотя в последний раз она его и подвела. Ничего, удача еще придет ему на помощь. Если только драться до конца...

Сейчас Дюран боролся не только за свою жизнь. Он боролся и за Айсу, одна только мысль о которой придавала новые силы его рукам. Прайс знал, что любит эту веселую, смелую девушку. По какому-то тайному закону жизни она принадлежала ему, и Прайс не собирался никому ее уступать.

И вот наконец камень треснул. Еще несколько ударов, и в свете спички Прайс увидел перед собой древний золотой замок. Манипулируя рычагами, он освободил запирающий язычок и, поддев дверь, сдвинул ее с места.

С неопишуемым блаженством Прайс вдыхал воздух подземелий, раньше казавшийся ему таким затхлым. Немного придя в себя, он зажег факел — один из тех, что они с Айсой

принесли в склеп. Затем, подобрав топор и щит, нашел лестницу и по ней выбрался на поверхность.

Прайс даже засмеялся от радости, вновь очутившись в залитом полуденным солнцем садике. Какое блаженство вот так стоять, наслаждаясь чудесным теплом и чистым воздухом!

Доковыляв до фонтана, американец умыл лицо и вдоволь напился. Затем, без сил повалившись на траву, забылся беспробудным сном.

Он проснулся на рассвете нового ясного дня. Проснулся голодный как собака. Голова почти не болела, мысли прояснились, а синяк, оставленный палицей Маликара, уже начал проходить. Готовя скромный завтрак из оставшихся в оазисе запасов, Прайс обдумывал, как же ему спасти Айсу.

Это вообще было характерно для Прайса Дюрана — он и минуты не потратил на размышления о том, сможет ли вызволить девушку из плена. Его заботило только, как именно это сделать.

В мягкой земле, размытой вытекающими из фонтана ручейками, Прайс обнаружил крупные тигриные следы. Сперва он даже и не понял, что это такое. Таких громадных кошек, как известно, просто не бывает. Где это видано — тигринный след размером со слоновий?

Прайс без труда проследил цепочку следов из оазиса в город, а оттуда через стену и в глубь пустыни. Ветер еще не успел стереть отпечатки.

Более короткий путь к Айсе трудно было и представить.

Решив идти по следам, Прайс не стал долго думать об опасностях, которые подстерегают его на этом пути. Он не размышлял о возможности поражения и о своей вполне вероятной гибели. Прайс был человеком действия.

Сейчас любая задержка, как ему казалось, смерти подобна. Песок скоро занесет следы, и тогда найти дорогу будет практически невозможно. Но, прежде чем отправиться в путь, следовало кое-что сделать.

Прежде всего Прайс отыскал в оазисе подходящий кусок дерева и вырезал себе новое топорщице. Кроме золотого топора, другого оружия у него не было.

Затем он взнуздal обоих верблюдов, успевших немного отдохнуть в оазисе, и увязал на спине дромадера Айсы выюк с наполненными водой бурдюками и большой вязанкой свежей зелени.

Поднявшись в седло своего собственного верблюда и ведя второго в поводу, Прайс выехал из оазиса, где он волею судьбы нашел и зенит райского счастья, и надир беспросветного отчаяния. Миновав торчащие из песка развалины зданий, американец по переклестнувшему городскую стену бархану выбрался из Энза.

Весь день он ехал по громадным следам через желтое песчаное море точно на север. Сперва двигаться по следу было проще простого. Но ближе к вечеру поднялся ветер, обжигающий, словно дыхание кузнечного горна. Ветер заметал следы, и к тому времени, когда солнечный диск коснулся горизонта, Прайс уже едва разбирал дорогу. Несколько раз он вообще терял след, однако всякий раз снова находил его на подветренном склоне бархана. С наступлением ночи Дюрану пришлось остановиться.

Верблюды устали. Они еще не до конца оправились от изматывающего путешествия в Энз. К тому же американец, стремясь во что бы то ни стало наверстать упущенное время, беспрестанно их погонял. Но теперь гонка поневоле кончилась. Прайс покормил дромадеров прихваченной в дорогу зеленью, сам поел и попил и, завернувшись в одеяло, улегся спать. Он молился, чтобы ветер утих.

Но ветер дул все сильнее. Всю ночь шелестели пески, словно сама пустыня насмеялась над Прайсом Дюраном. Задолго до рассвета от тигриного следа не осталось и воспоминаний.

Еще не рассвело, когда Прайс вновь оседлал своих дромадеров и снова отправился в путь, держа курс по-прежнему на север.

Вечером его верблюд пал, не выдержав безумной гонки. Оставив его труп лежать на

горячем песке, Прайс пересел на дромадера Айсы. Ему он отдал большую часть оставшейся воды.

На следующий день Прайс выбрался из песков на бескрайнюю равнину желтой глины. Безумие пустыни уже коснулось его разума, и потом Дюран никогда не мог вспомнить, было это утром или вечером. Но в тот миг, на грани беспамятства, он все-таки сообразил, что на глине следы могли и сохраниться. Потратив час, Прайс нашел-таки отпечатки огромных тигриных лап, ведущие через равнину.

Ночью кончилась вода. Американец лежал возле своего верблюда и никак не мог уснуть. Жгучая жажда напрочь отгоняла сон.

Но хотя Прайс и не спал, он все равно видел сны. Ему снилось, будто он снова вместе с Айсой находится в позабытом оазисе, что они пьют из выложенных камнем бассейнов и срывают с веток ароматные фрукты. Образы эти были такие четкие, что граничили с явью.

День пришел на смену ночи. Прайс снова отправился в путь, но видения не прекращались. Он опять был в Энзе вместе с прекрасной Айсой. Он был с ней в темном склепе короля Иру, сражаясь с Маликаром. Он был в лагере посреди пустыни, на тропе черепов, спасая девушку от притязаний мерзкого де Кастро.

И все это время одна мысль упорно не желала покидать его сознания. Одна цель вела его вперед. И Прайс, подгоняя спотыкающегося верблюда, ехал и ехал по следу, оставленному неестественно громадными тигриными лапами.

И вновь след начал пропадать. Вечером, когда обессилевший путник ступил на черные лавовые поля вулканического плато, след исчез совсем. Даже и не надеясь отыскать отпечатки на острых каменных глыбах и потоках застывшей лавы, Прайс двигался точно на север. Спустилась ночь, безлунная и мрачная. Но Прайс все еще торопил вперед своего полумертвого верблюда. Вперед, к Полярной звезде, тускло мерцающей над горизонтом.

Звезды в небесах плясали и манили к себе. Причудливые, рожденные больным воображением фантазмы возникали и вновь растворялись над безжизненным каменистым плато. Временами Прайс забывал, куда и зачем держит путь. Порой он тщетно пытался вспомнить, что же ждет его под Полярной звездой. Но Прайс Дюран все ехал и ехал и не хотел останавливаться.

Глава двенадцатая СКАЛА АДА

Путник проснулся на рассвете. Несмотря на одеяло, он дрожал от холода. Измученный верблюд лежал рядом.

Шатаясь, Прайс поднялся на ноги, тщетно пытаясь вспомнить, когда же он остановился. А потом, подняв взор, он увидел гору.

В холодном неподвижном воздухе гора казалась совсем близкой. Казалось, до нее всего несколько миль по голому плато черной застывшей лавы. Со стороны гора больше всего напоминала обрезанный сверху конус с рваными крутыми краями. На ее вершине, наподобие короны, сверкал и переливался в лучах восходящего солнца золотой замок.

Сперва Прайс решил, что это ему мерещится, но утренний холод, пусть и на время, вернул американцу ясность мысли, и он понял, что перед ним никакой не сон. Да и рановато было еще для миражей. Нет, гора была неоспоримо реальна.

Прайсу невольно пришло на ум древнее арабское предание о черной горе Хаджар-Джеханнум, или Скале Ада, на которой в золотом дворце жил золотой джинн.

А еще ему вспомнилась рукопись Куадра-и-Варгаса, испанского солдата фортуны. Там рассказывалось о золотых и тем не менее совершенно живых идолах, обитающих на вершине горы. Кстати, жители расположенного рядом оазиса поклонялись им как настоящим богам.

Это было совершенно невозможно. Однако Прайс видел золотого тигра и его наездника своими собственными глазами. Он сражался с Маликаром и вот уже много страшных дней следовал по тигриному следу через пустыню. Теперь перед ним предстала гора, увенчанная

золотом. Невозможно? Но, быть может, как и многое другое, это всего лишь чистая правда?

Подняв на ноги понурого, измученного верблюда, Прайс забрался в седло и медленно поехал в сторону горы. Он твердо знал, что именно туда золотой человек на золотом тигре увез Айсу.

И теперь Прайс ехал за ней. Найти ее и освободить будет, наверное, совсем непросто. Но Прайс это сделает. И даже если у него не хватит сил, останется еще надежда на удачу Дюранов.

Весь день он двигался к горе. Верблюд его то и дело спотыкался. Временами американцу приходилось спешиваться и идти пешком, давая отдых животному.

Прайс шел и шел, а мрачное лавовое поле упорно не желало заканчиваться. На закате Прайс уже мог различить башни и шпили блистающего замка. Замка, неумолимо манящего к себе...

И снова Прайс ехал почти всю ночь. На рассвете гора казалась все такой же далекой, как и раньше. Ее черные базальтовые стены выглядели неприступными. Прайс, в те редкие мгновения, когда обретал способность мыслить, мог только гадать, как обитатели замка туда попадают.

На самом верху, вдоль обрыва, шла стена, сложенная из черного камня. Высокая и, похоже, совершенно бесполезная. Зачем там стена, если вниз на добрых полмили уходят отвесные гладкие скалы?

А за рукотворной стеной блистало и переливалось ослепительное великолепие замка. Искрящееся золото и белоснежный мрамор. Изящные купола и башенки, широкие крыши и остроконечные шпили.

Нет, замок не был выстроен целиком из золота, и тем не менее стоимость блистающего желтого металла не поддавалась исчислению. Как казалось Прайсу, богатство перед его глазами могло поспорить со всем золотым запасом цивилизованного мира.

Но сейчас все золото на свете равным счетом ничего не значило для Прайса Дюрана. Отчаянно стремясь рассеять окутывавший его туман безумия, борясь с невероятной жаждой, терзавшей каждую клеточку его тела, с усталостью, от которой темнело в глазах, Прайс шел к одной, и только одной, цели. Он должен отыскать девушку. Девушку с веселыми голубыми глазами. Девушку, которую зовут Айса.

И снова он ехал вперед. Над горизонтом, заливая равнину жестоким жгучим светом, поднялось кровавое, неумолимое солнце.

Рассудок, вернувшийся было на рассвете, вновь покинул путника.

Где-то в середине дня верблюд попытался повернуть на восток. Подняв голову, животное, словно почуяв воду, тянуло в сторону, но Прайс неумолимо гнал его на север.

Ближе к вечеру уже можно было разглядеть людей на черной стене вокруг замка. Крошечные синие куклы. Живые,двигающиеся песчинки. Прайсу казалось, будто люди эти потешаются над ним со своих неприступных стен. И он проклинал их, как только мог, хриплым, почти неслышным голосом.

А потом, когда до горы было уже совсем близко, ему навстречу выехали всадники в синих бурнусах на белых скаковых верблюдах. Девять жрецов, вооруженных длинными пиками с золотыми наконечниками и широкими золотыми ятаганами.

Сыпя проклятиями, Прайс ехал прямо на них. Он знал, что на лбу у каждого из них сверкает изображение золотой змеи. Знал, что перед ним — рабы золотых людей. Рабы Маликара. Того самого, который похитил Айсу.

Выстроившись цепью, жрецы замерли перед Прайсом.

Но Дюран и не думал останавливаться. Бессильной рукой он поднял лежавший перед ним на седле золотой топор. Тщетно погоняя верблюда, он шел в атаку, хрипя слова боевой песни Иру.

И внезапно жрецы дрогнули. Развернув своих дромадеров, они бежали перед этим высохшим воином в золотой кольчуге, сидящем верхом на верблюде, больше похожем на

скелет, чем на гордый корабль пустыни.

Они скакали к горе, и Прайс, как мог, следовал за ними. Он безнадежно отставал, но наконец, обогнув отвесное базальтовое плечо черной горы, он выбрался к восточному склону.

И снова увидел жрецов в синем. Те явно нервничали и, увидев Прайса, поскакали дальше — прямо в гору.

И снова Прайс поехал за ними, а на вершине некрутого склона заметил квадратный черный провал — вход в горизонтальный туннель, пробитый в скале.

Прайс повернул туда. Его дромадер упал на колени и никак не мог подняться. Выбравшись из седла, американец взял топор и щит и, с трудом переставляя ноги, пошел дальше пешком.

Впереди что-то загремело. Подняв голову, Прайс увидел, что вход в туннель исчез. На его месте блистали наглухо закрытые квадратные золотые ворота.

Это было какое-то безумие. Прайс знал, что человек не может выдержать то, через что он прошел. Он знал, что не может больше доверять ни своим глазам, ни слуху. Чувства обманывали его. Быть может, никакого туннеля нет и в помине. Быть может, жрецы тоже всего лишь плод его воображения.

Но он шел и шел вверх по склону, пока не добрался до желтого квадрата в черной базальтовой стене. Нет, глаза не обманывали Прайса. Тут действительно был туннель. И действительно его закрывали громадные золотые ворота. Вблизи он даже мог разглядеть стык между створками и креплениями петель по краям.

Да, это ворота. Широкие панели желтого золота двадцати футов в высоту. Отполированные так, что Прайс видел в них свое отражение.

Какое-то мгновение Прайс не понимал, кого он там видит. Неужели это Прайс Дюран? Тощая суровая фигура с глубоко запавшими, словно стеклянными глазами. С черными, распухшими губами. С безумием и смертью, явственно отпечатавшимися на челе. Неужели и в самом деле Прайс Дюран превратился в этого призрака, облаченного в золотую кольчугу давным-давно умершего монарха и с его оружием в руках?

Удивление пришло и пропало, как и все остальные мысли в высушенном жадой и жгучим солнцем мозгу. Оставалось только одно.

Только одно стремление, которое не отпускало Прайса все эти кошмарные дни. Нужно найти Айсу.

Хриплым, еле слышным голосом Прайс по-арабски потребовал открыть перед ним двери. Он слышал на той стороне какую-то возню, но никто ему не открыл.

Шепча песнь Иру, Прайс заколотил в ворота золотым топором. Ворота все равно не открывались.

Он стучал, и проклинал, и шептал имя Айсы. Но лишь звенящая тишина смеялась над его усилиями.

А затем всепоглощающая цель, гнавшая Прайса все эти дни, куда-то пропала. Сознание не выдержало мук пустыни, не предназначенной для жизни людей, и попыталось спастись в благословенном забвении...

Глава тринадцатая

ЗОЛОТАЯ ЗЕМЛЯ

Лишь спустя несколько дней Прайс Дюран наконец вынырнул из-под захлестнувших его волн временного безумия. Это был медленный и постепенный процесс.

Прайс знал, что он среди арабов. Арабов, которые странно одеваются и разговаривают со странным архаичным акцентом. Это были его друзья. Точнее, они пребывали перед ним в благоговейном трепете. Они называли его Иру.

Прайс смутно припоминал, что когда-то уже встречался с этим диалектом. Он даже слышал имя Иру. Но лишь очень нескоро он вспомнил обстоятельства, при которых это

произошло.

Прайс лежал на шкурах и подушках в длинной комнате, прохладной и полутемной. Кто-нибудь из этих странных арабов всегда находился неподалеку. Часто приходил и тот, кто, судя по всему, являлся их предводителем.

Звали его Ярмуд. Типичный араб — высокий, с тонкими губами и орлиным носом. Прайсу он нравился. У него был открытый взор. И держался он со спокойным достоинством. На его лице явственно читалась гордость.

Да, Ярмуд был шейхом этих арабов, и тем не менее с Прайсом он вел себя точно вассал со своим сюзереном.

Большую часть времени американец спал. У него хватало сил лишь на то, чтобы выпить воды или верблюжьего молока да съесть ту простую пищу, которую ему предлагали гостеприимные хозяева. Он не задавал вопросов. Он даже старался не думать. Поистине тяготы путешествия по тигриному следу привели Прайса Дюрана на грань смерти. Однако понемногу измученное тело и воспаленный ум все-таки возрождались.

И вот однажды, как раз в тот момент, когда в комнату вошел Ярмуд, Прайс проснулся. Былая ясность мысли вернулась к нему. Несмотря на слабость, он даже сумел подняться навстречу арабу.

— Салям алейкум, мой господин Иру, — радостно — улыбнулся старый Ярмуд и, к удивлению Прайса, опустился перед ним на колени.

Прайс машинально ответил на приветствие, и Ярмуд поднялся с колен, с беспокойством в голосе интересуясь здоровьем гостя.

— Со мной все в порядке, — заверил его Прайс. — Сколько времени я тут провел?

— Пять дней назад ваш верблюд... точнее, верблюд девицы Айсы, которая отправилась в Энз, намереваясь вас разбудить... Так вот, пять дней назад ваш верблюд пришел к нашему озеру. Вы, мой господин Иру, были привязаны веревками к седлу.

Теперь Прайс знал, где он оказался. В Эль-Ярме, том самом городе, из которого бежала Айса. Жители города считали Прайса легендарным королем Иру, вернувшимся в мир живых, чтобы освободить их от гнета золотых людей. Ничего удивительного, что его приняли за древнего короля. Он ведь приехал из пустыни с оружием Иру в руках, в беспмятстве, скорее мертвый, чем живой.

— А гора, где живет Маликар? — спросил Прайс. — До нее далеко?

— Полдня пути, — ответил Ярмуд. — На северо-запад.

Теперь Прайс понял, что его дромадер, пытаясь свернуть на восток, хотел вернуться в свой родной оазис.

Прайс мог только догадываться, что произошло. Он стучал в золотые ворота, пока не потерял сознание. Потом у него хватило здравого смысла сесть на верблюда и привязать себя к седлу. Прайс этого не помнил, но, похоже, все было именно так. И умное животное привезло его в Эль-Ярим.

— А Айса? Вы знаете, где она? — с надеждой спросил американец у Ярмуда.

— Нет, — покачал головой араб. — Маликар избрал ее как часть дани змею. Она бежала, никому не ведомо как, — араб искоса глянул на Прайса, словно бы даже подмигивая, — и отправилась на поиски Энза. А вы не знаете, где она?

Прайс почувствовал еще большую симпатию к этому арабу. Он ни минуты не сомневался, что Ярмуд приложил руку к побегу Айсы.

— Увы, нет. Пришел Маликар и увез ее с собой. Он оставил меня запертым в склепе. Я выбрался наружу и поехал за ним по следам тигра. Следы привели меня к горе.

— Мы освободим ее, — решительно сказал Ярмуд. — Освободим, когда уничтожим золотых людей.

Видя слабость гостя, Ярмуд вскоре попрощался и ушел. А Дюран остался лежать в полном смятении. Он не знал, как поступить. Эти арабы явно считали его древним королем, чудесным образом воскресшим. И похоже, готовы были идти за ним в бой против своих угнетателей.

Обладая оружием Иру — кольчугой, топором и щитом, зная боевую песню мертвого короля, Прайс вполне мог бы сыграть его роль. Но не в принципах Дюранов было действовать обманом.

На следующее утро Прайс чувствовал себя лучше. И он принял решение.

Когда Ярмуд снова пришел в его комнату и собрался опять опуститься на колени, Прайс остановил его:

— Подожди. Ты зовешь меня именем короля древнего Энза. Но я не Иру. Меня зовут Прайс Дюран.

Ярмуд глядел на Прайса, открыв рот.

— Я родился в далеком отсюда краю, — объяснял Прайс. — Я прибыл сюда через моря и горы.

— Вы не можете быть никем иным, кроме Иру! — чуть оправившись от изумления, горячо воскликнул араб. — Вы высокий. У вас голубые глаза и огненные волосы. Айса отправилась искать вас и нашла! Вы сами сказали, что вам пришлось выбираться из склепа. Вы пришли из Энза с топором Иру в руках, с его боевой песней на устах!

В конце концов Прайсу так и не удалось убедить правителя Эль-Ярима, что он — не новое воплощение древнего короля. Как и Айса, Ярмуд и не думал оспаривать историю Прайса, но настаивал, что тот — Иру, родившийся вновь и вернувшийся к своему народу. На это американцу нечего было возразить.

— Обещайте мне никому больше не заявлять, что вы, дескать, не Иру, — попросил Ярмуд. — Не надо зря нервировать моих воинов. А они, между прочим, рвутся в бой.

И Прайс, ради Айсы, обещал хранить молчание. Если уж на то пошло, то утверждение Ярмуда выглядело не таким и невозможным. Конечно, если верить в реинкарнацию...

В общем, Прайс решил больше на эту тему не думать.

Айса, как узнал Прайс, была племянницей Ярмуда, дочерью его брата, бывшего повелителя Бени-Энз. Два года тому назад Маликар прикончил его за отказ послать ежегодную дань змею. Тогда Ярмуд и занял его место.

Тем вечером Прайс впервые покинул комнату, в которой очнулся.

— Когда Айса бежала, — сказал Ярмуд, — Маликар потребовал новую дань. Еще одного верблюда, груженного зерном, и девушку в придачу. Его жрецы придут сегодня.

Прайс выразил желание посмотреть.

— Это можно, — кивнул Ярмуд, — но вам придется одеться, как одному из моих воинов. Не надо, чтобы Маликар узнал о вашем присутствии в Эль-Яриме до того, как мы будем готовы начать войну.

Он принес Прайсу длинную коричневую абу и ярко-зеленую накидку на голову, полностью скрывавшую рыжие волосы. Одетый таким образом, с длинным обоюдоострым мечом на поясе и с копьем в руках, Прайс вышел в город.

Он шел вместе с воинами, одетыми точно так же, как и он сам.

Кривые пыльные улочки Эль-Ярима скрывались в тени раскидистых пальм. Приземистые глиняные домики, какие строили еще, наверное, в доисторическом Вавилоне, лепились друг к другу по сторонам. Улицы были мрачно пустынные. Даже воины, окружавшие Прайса, и те выглядели напуганными.

Пройдя на север, они вышли из города на каменистый берег небольшого кристально чистого озерца. В центре его бурлила вода. Там бил из земли мощный источник, сделавший возможным этот рай посреди пустыни, этот удивительный сад среди смерти, названный Куадра-и-Варгасом Золотой Землей.

Зеленые пальмы обрамляли противоположный берег озера, а под ними Прайс увидел лагерь экспедиции, с которой он пришел в эту пустыню: стройные пятнистые шатры Якоба Гарта и других белых, одежды из черной верблюжьей шерсти шейха Фархада аль-Ахмеда и его бедуинов, серая громада танка, тут и там — группки любопытных...

Взор американца устремился к тому, на что смотрели сейчас все собравшиеся у озера.

В двухстах ярдах от Прайса и арабских воинов на голом каменистом участке между городом и берегом стояла дюжина белых верблюдов.

На пяти из них, вооруженные сверкающими золотыми ятаганами и держа в руках поводья остальных дромадеров, сидели одетые в синее жрецы. На одном из верблюдов Прайс заметил плетеные корзины — видимо, часть дани.

Со стороны глиняных домов раздался тонкий мучительный крик. Мгновение спустя на берегу появились оставшиеся шесть жрецов. Двое из них тащили молодую девушку со связанными за спиной руками. За ними, рыдая, следовала оборванная женщина.

Девушка выглядела покорной. Казалось, она буквально парализована страхом. Несчастная не стала сопротивляться, даже когда один из всадников перекинул ее через седло перед собой. Жрецы вскочили на верблюдов, развернулись и помчались прочь, чуть не затоптав по дороге убивающуюся мать.

Прайс инстинктивно бросился наперерез, но Ярмуд вовремя схватил его за руку.

— Подожди, Иру, — прошептал он. — Ты еще недостаточно окреп. Да и мы не готовы к битве. Если ты сейчас вмешаешься, Маликар придет и зальет Эль-Ярим кровью. А Викира... она будет охотиться на двуногую дичь... Подожди, пока все будет готово.

Прайс остановился. Он чувствовал правоту слов старого шейха. Его переполняла жгучая ярость, ненависть, которую он всегда испытывал к тем, кто, пользуясь своей силой, обижал слабых. С мрачной решимостью Прайс понял, что должен уничтожить золотых людей. Будь они люди или даже сами боги. Раньше он мог бы удовлетвориться спасением Айсы. Но теперь, лишь стерев обидчиков с лица земли, мог он утолить жгучую жажду мести.

Глава четырнадцатая ОПАСНОСТЬ В МИРАЖЕ

Прайс Дюран, пять дней спустя въехавший в лагерь вместе с Ярмудом и сорока воинами Бени-Энз, мало чем напоминал того беспокойного миллионера, который отправился в поход по Аравийскому полуострову. Американец полностью оправился после последнего тяжелого путешествия через пустыню. Ему не терпелось снова помериться силами с Маликаром.

Жгучее солнце сделало Прайса смуглым, капля по капле вытянуло из его тела всю лишнюю воду. Подтянутый и жилистый, он обнаружил в себе новую, неведомую ему раньше силу и выкованную пустыней железную выдержку.

Дух его закалился так же, как и тело. Прайс пошел с Якобом Гарттом не из-за золота, а в поисках приключений. Тогда все ему приелось, хотелось повидать новые края. Так усталый спортсмен стремится порой испробовать себя в новом виде спорта.

В Руб-эль-Хали Прайс нашел Айсу, отважную и прекрасную девушку, бежавшую от странной опасности. Вместе с ней он скакал по пескам... любил ее в тайном саду забытого города... потерял ее в битве с врагом, истоки силы которого все еще оставались загадкой.

Теперь Прайс был полон решимости найти Айсу и стереть с лица земли тех, кто держал возлюбленную в плену. Казалось, жизнь в пустыне, словно лупа, собрала воедино всю беспокойную энергию жизненной силы, направив ее на достижение одной, ясной как день, цели.

Да, задуманное им дело очень опасно. Велика была сила золотых людей — Прайс знал это на собственном горьком опыте. Но не в его натуре было думать о поражении. Поражение для Дюрана являлось всего лишь вызовом на новую схватку.

Якоб Гартт встретил Прайса и его спутников на пороге своего шатра. Он, похоже, ничуть не изменился. Одутловатое бледное лицо, как и всегда, оставалось невозмутимо спокойным. Холодные голубые глаза глядели ровно и не слишком дружелюбно.

Гартт внимательно оглядел Прайса, явно отметив про себя и сверкающую на солнце золотую кольчугу, и тяжелый боевой топор, и овальный щит.

— Привет, Дюран, — небрежно сказал он, и в голосе его не отразилось даже и намека на удивление.

— Доброе утро, Гарт.

Со своего верблюда, подаренного ему Ярмудом, Прайс сверху вниз глядел на толстого и такого спокойного Гарта, как обычно одетого в потертую пыльную одежду цвета хаки.

— Где же ты был, Дюран? — пробасил Гарт.

Прайс твердо встретил его испытующий взгляд:

— Нам много о чем надо поговорить, Гарт. Что, если нам уединиться где-нибудь в тенечке?

— Хочешь, заходи ко мне в шатер.

Спешившись, Прайс передал поводья верблюда одному из арабов и, кивнув Ярмуду, прошествовал в указанный Якобом Гартом шатер.

Усевшись на расстеленном на камнях ковре, они молча глядели друг на друга. Наконец Гарт сказал:

— Ты должен понимать, Дюран, что не можешь больше руководить экспедицией. Ты дезертировал, и теперь я даже не берусь гадать, как именно наши люди захотят с тобой разделиться.

— Я не дезертир! — возмутился Прайс. — Это был чистой воды бунт против меня как командира! И против всех законов чести! — Усилив воли американец взял себя в руки. — Но хватит об этом. Твоим людям не придется со мной разделяться.

— Ты, похоже, нашел общий язык с туземцами, — заметил Гарт.

— Они сделали меня своим предводителем. Мы собираемся атаковать гору золотых людей. Я, собственно, и приехал к тебе спросить, не хочешь ли ты к нам присоединиться.

— Они и в самом деле последуют за тобой? — Якоба Гарта явно заинтересовало предложение Прайса. — Пойдут против своих золотых богов?

— Думаю, что да.

— Тогда мы, наверное, сможем договориться. Видишь ли, мы сидим тут уже несколько недель. Люди успели отдохнуть, окрестности разведаны. Все готово. Мы бы уже давно пошли на штурм горы, но местные арабы упорно отказывались нам помочь. Мы им не доверяли и потому, естественно, не горели желанием атаковать, оставляя в их руках единственный источник воды.

— Я уверен, — сказал Прайс, — в искренней преданности мне народа Бени-Энз... по крайней мере, их шейха, Ярмуда. Я предлагаю объединить силы — до тех пор, пока мы не разобьем золотых людей.

— А потом?

— Потом ты и твои люди можете взять себе сколько угодно золота из дворца. Меня волнует только безопасность Айсы.

— Ты имеешь в виду ту женщину, которую ты отнял у де Кастро?

Прайс кивнул.

— Боюсь, у Жоао на этот счет будет особое мнение. Я обещал ему после победы любую женщину на выбор. Но что касается меня, то я согласен.

— Значит, мы теперь союзники?

— Пока не победим золотых людей.

Якоб Гарт протянул пухлую белую руку. Прайс принял ее и вновь удивился силе рукопожатия этого англичанина.

Утром следующего дня через пальмовые рощи Эль-Ярима шла настоящая армия. Впереди с ревом и грохотом полз танк. За ним плотной двойной колонной ехали всадники на верблюдах.

Якоб Гарт и Жоао де Кастро ехали во главе отряда белых, ведя в поводу дромадеров, навьюченных пулеметами, пушками и амуницией.

Шейх Фархад аль-Ахмед возглавлял отряд бедуинов, вооруженных новыми

автоматическими карабинами.

Прайс Дюран в роскошной золотой кольчуге Иру ехал рядом с Ярмудом во главе пятисот рвущихся в бой воинов Бени-Энз.

Вот колонны воинов выбрались из пальмовых рощ плодородной долины и вступили на голое вулканическое плато. Отсюда их взорам открылся Хаджар-Джеханнум, или Вирл, как арабы называли черную гору, — крутой базальтовый конус древнего, давным-давно погасшего вулкана, ныне увенчанный роскошным дворцом, что ослепительно сверкал мириадами золотых и белоснежных переливов.

На душе у Прайса стало легче. Непроизвольно он подхлестнул своего верблюда, а руки его сами собой легли на рукоять Корлу. Где-то за этими блистающими стенами томилась в плену прекрасная Айса. Айса, милая и отважная дочь пустыни.

— Велик этот день! — воскликнул Ярмуд, не отставая от Прайса. — Еще до заката Вирл будет наш! Наконец-то золотые люди встретят свой конец...

Страх заставил его замолчать. Молча, с бледным как смерть лицом шейх показал на гору, до которой оставалось еще почти пятнадцать миль. Вся армия, весь длинный караван, внезапно остановилась. По рядам воинов пробежал испуганный шепот.

— Тень золотых людей, — тихо пробормотал Ярмуд.

Впереди в темно-синее небо поднимался сверкающий веер света. Желтые и красные лучи расходились от самой высокой башни золотого замка, образуя перевернутую пирамиду. А над ней, словно проецируемые на небесный экран, понемногу возникали огромные фигуры. Сперва смутные, они постепенно становились все четче, все ярче, все реальнее.

Гигантская змея, необъятная, словно облако, свернулась над золотым замком. Груда желтых колец, плоская, зловещего вида голова, лежащая на самом верхнем кольце. Яркие черные глаза, сверху вниз глядящие на замерших в ужасе людей. Вот он, золотой змей!

А рядом с ним женщина — та самая, которую Прайс уже видел верхом на тигре в мираже над перевалом. Змеиное кольцо толщиной с ее тело было свернуто вокруг ног этой женщины. Сама она небрежно сидела на втором кольце.

Тело женщины было золотым, как и чешуя змея. Короткая, облегающая зеленая туника даже и не пыталась скрыть линий по-змеиному гибкого стана. Красно-золотые распущенные волосы водопадом ниспадали на золотые плечи.

Женщина глядела с небес, и на ее полных алых губах играла насмешливая и недобрая улыбка. Веки чуть раскосых глаз были подведены черным, сами же глаза были золотисто-зелеными.

Прайс видел, как золотая женщина оглядела караван. Внезапно ее взор упал на одетого в золотую кольчугу Прайса Дюрана. Как бы там ни проецировалось в небо громадное изображение, женщина явно прекрасно все видела.

Удивление и смутная тревога промелькнули в ее зоре, когда она увидела и кольчугу, и золотой топор, и овальный золотой щит. Но все равно взгляд женщины оставался насмешливым и вызывающим. Только теперь в нем появился еще и непонятный вызов, а может быть, обещание. От всего этого Прайсу стало как-то не по себе.

Он почувствовал поднимающуюся волну желания. Звериную страсть обладать этим гибким золотым телом.

Ему хотелось делом ответить на насмешку зеленоватых раскосых глаз. Похоть, а не любовь. Жажда плоти, но не духа.

Прайс издевательски засмеялся, и женщина вздрогнула, откинув назад роскошные волосы. В ее глазах сверкнул гнев. Вне всякого сомнения, она видела Прайса.

Тем временем Дюран перевел взгляд на змея. Даже в сравнении с гигантским изображением женщины он все равно был невообразимо огромен. Словно зловещее облако, он висел над замком, над раскинутым веером цветных лучей.

Ужасны были его черные блестящие глаза — немигающие, горящие внутри холодным пурпурным огнем. Прайс произвольно поежился, почувствовав на себе их взгляд. Страх холодной волной покатился по спине американца. Перед ним распахнулись бездонные

колодцы векового зла, более древнего, чем вся история человечества.

Раньше Прайс не понимал, да и не мог понять, что чувствует кролик под гипнотизирующим взглядом удава. Теперь он испытал это на собственной шкуре. Он испытывал ледяной, смертоносный шок от соприкосновения с необоримой злобной мощью — неощутимой, необъяснимой и тем не менее совершенно и неоспоримо реальной.

Собрав волю в кулак, Прайс отвел взор от чудовищных гипнотических очей змея. К своему удивлению, он обнаружил, что дрожит и весь, с ног до головы, покрыт холодным потом.

Оглядевшись, американец увидел, что вся армия как-то странно притихла. Все без исключения как замороженные глядели на мираж. Смолк гул голосов. Не звучало ни возгласов удивления, ни даже криков страха.

— Внимание!!! — завопил Прайс. А потом по-арабски: — Не смотрите на змея! Отвернитесь! Смотрите назад, в сторону оазиса! Змей бессилен, если вы на него не смотрите!

Рядом с ним раздался тяжелый вздох. Ярмуд пришел в себя.

— Змей грозит нам, — тихо сказал старый шейх. — Его глаза могут нас погубить. Нам не стоит ждать легкой победы.

— Поехали дальше, — отозвался Прайс, трогая с места верблюда.

— Спой песнь. Люди напуганы.

И Прайс во всю глотку завел боевую песнь древнего короля, чьи доспехи он теперь носил. Радостный клич воинов Бени-Энз был ему ответом. Сперва неуверенный и тихий, он быстро набирал силу, рождая в людях новую энергию и уверенность в победе.

И колонны воинов двинулись дальше.

Глава пятнадцатая СМЕРТОНОСНЫЕ ЗЕРКАЛА

Час за часом колонны продвигались вперед, и все это время страшный мираж висел в небе над золотым замком. Сверху вниз глядели на вьющийся по тропе караван зеленые глаза золотой женщины и пурпурно-черные очи громадного змея.

Прайс упорно пытался найти научное объяснение этому загадочному феномену. Но сколько он ни думал, ничего не получалось. Висящий в небе мираж, как казалось американцу, всего лишь огромное отражение реальной картины, созданное по законам оптики, пока еще неизвестным цивилизованному миру.

Еще больше удивляла Прайса невероятная гипнотическая сила золотого змея. Скорее всего, решил он, змей обладал обычным завораживающим взглядом всех своих сородичей. Только у него сила гипноза выросла пропорционально размерам. И быть может, дополнительно усилилась при увеличении в миреже.

Люди оставались напуганными и подавленными. Отвага Фархада и его бедуинов держалась только на их вере в мощь танка и другого оружия белых. Бени-Энз в не меньшей степени полагались на своего сверхъестественного освободителя — короля Иру. То есть на Прайса Дюрана.

Сам Прайс, вместе с Ярмудом и Якобом Гартон, постоянно ездили вдоль колонн, призывая воинов не падать духом и ни в коем случае не смотреть на парящий в воздухе страшный мираж.

Когда до горы осталось уже совсем немного, Прайс выслал вперед разведчиков.

В пяти милях от черного базальтового конуса голова колонны достигла края небольшой, около тысячи ярдов в поперечнике, долины, или вади, как ее называли на местном наречии. Три разведчика уже наполовину ее пересекли, когда среди черных камней на противоположном склоне возникли десятки одетых в синее фигур.

Они появились как из-под земли, волоча за собой на вершину гряды большие серебристые зеркала, ослепительно сверкавшие на солнце.

Эти зеркала опирались на металлические основания — совсем как то эллипсоидное

зеркало, которое невидимым лучом холода убило Хамида на перевале.

Вот и сейчас серебро отражателей замерцало фиолетовыми искрами.

Заметив врага, разведчики круто повернули верблюдов и во все лопатки помчались назад. Но спастись им не удалось. Бежавший впереди дромадер споткнулся и упал, рассыпавшись вместе со своим наездником грудой ледяных обломков.

Мгновением позже рухнул и второй араб. За ним с треском бьющегося стекла разлетелся на части третий.

Страх закрался в сердца замерших на краю вади людей. Таившаяся в мираже угроза казалась еще не такой страшной. В конце концов, до змея было далеко, и от всего его гипноза пока не веяло дыханием смерти. Но эти излучатели холода были совсем рядом, и в их смертоносности сомневаться не приходилось.

Бени-Энз и бедуины Фархада заколебались, однако, видя, что ни Прайс Дюран, ни Якоб Гарт не двигаются с места, все-таки сохранили строй.

По приказу Гарта наемники быстро распаковали орудия, пулеметы и минометы. Боевые расчеты заняли свои позиции.

Люди Фархада аль-Ахмеда собрались за танком. Им предстояло пойти в атаку вслед за этой ревущей машиной войны. Воины Бени-Энз, вооруженные, если не считать сотни лучников, только длинными мечами и копьями, пока оставались в резерве.

Загрохотали орудия, осыпая гребень противоположного склона долины дождем воющей шрапнели. Затрещали пулеметы, и снайперы открыли из-за камней огонь по синим мишеням.

Зеркала заблестели ярче. Клубы конденсирующегося пара поплыли в жарком воздухе. Повеяло холодом. Несколько человек упало, дрожа и судорожно тряся головами. Но расстояние, похоже, было слишком велико. Страшное замораживающее оружие не могло причинить существенного вреда людям на другой стороне вади. Поняв это, жрецы поспешно оттащили зеркала за гребень.

Прайс и Якоб Гарт внимательно осматривали противоположный склон в свои бинокли. Они видели дюжину мертвых тел, но оставшиеся в живых куда-то подевались.

— Теперь наш ход, — как всегда спокойно, сказал Гарт. — Мы не можем отдавать им инициативу. Да и снарядов на целый день у нас не хватит.

Он отдал приказ атаковать.

Лязгая гусеницами, танк перевалил через гребень и покатил вниз по склону. Стрекоча пулеметами, машина вылетела на каменистое дно вади. За ней, с новыми карабинами в руках, во весь опор скакали бедуины Фархада.

Беспорядочная, зато весьма живописная атака вынесла стреляющих на скаку воинов на середину вади. И тут серебристые зеркала снова выглянули из-за гребня.

Один из арабов упал, рассыпавшись грудой белого льда. За ним — еще один, еще двое... А затем и танк внезапно побелел, покрывшись густым инеем. Несколько секунд он, завывая мотором, еще полз вперед. Прайс от всего сердца надеялся, что броня защитит сидящих внутри людей от замораживающего луча. Но потом Дюран вспомнил, как сам он чуть не погиб во время штурма перевала в Джабаль-Хербе. И вот мотор заглох. Танк вильнул в сторону и, развернувшись боком, замер. Замер, тихий и безжизненный, серебряный призрак былой мощи. Прайс с грустью подумал о Сэме Сорроузе.

Хотя орудия и пулеметы все еще поливали огнем гребень вади, подбитый танк явно лишил бедуинов веры в победу. Развернув верблюдов, они в панике бросились наутек. Но прежде чем бедуинам удалось скрыться за камнями, еще двое из них стали жертвами страшного оружия золотых людей.

Прайс прекрасно понимал, что до катастрофы буквально один шаг. Самое мощное оружие фаренги стало легкой добычей замораживающих зеркал. Еще одно такое поражение, и ничто уже не удержит арабов от бегства. И на этот раз они не остановятся.

— Хочешь испробовать в бою своих туземцев? — спросил у Дюрана Якоб Гарт. — Это, похоже, наш единственный шанс. Когда кончатся боеприпасы, мы будем бессильны.

Прищуриив глаза, Прайс окинул взглядом долину. Много воинов погибнет, прежде чем они доберутся до противоположного склона. Но отступить сейчас значило проиграть войну. Потом у Бени-Энз уже никогда не хватит смелости атаковать.

— Хорошо, — кивнул он.

— Удачи тебе. Я буду продолжать огонь.

Пять минут спустя Прайс, крутя над головой топором и во все горло распевая боевую песнь короля Иру, спустился в долину. За ним длинными, намеренно неровными цепями скакали воины Бени-Энз.

В полумиле впереди, на вершине низкого лавового гребня, сверкала на солнце дюжина смертоносных зеркал. Вокруг них суетились синие фигурки жрецов. Многие из слуг Маликара падали под огнем Якоба Гарта, но им на смену из скрытых за гребнем траншей тут же появлялись новые.

Глухо стучали копыта верблюдов по каменистому дну долины. Торжествующе гремела песня топора, подхваченная сотнями глоток:

— Убивай!.. Корлу, красная смерть!.. Пьющий кровь жизни!.. Страж могильных врат!

Фиолетово сверкая, вращались эллиптические зеркала.

Не оглядываясь, с песней топора на устах Прайс мчался вперед. Но он слышал у себя за спиной крики ужаса и резкие, звенящие звуки падений, словно тысячи оконных стекол разом разлетались на куски, — звуки людей и верблюдов, рассыпающихся на камнях дождем ледяных осколков.

Холодный ветер ударил ему в лицо. Замораживающий луч прошел смертельно близко.

Дюран несяся вперед. Безумный стук копыт не умолкал.

И вот наконец Прайс вылетел на склон, и одно из зеркал оказалось совсем рядом. Оно поворачивалось в его сторону — шестифутовый отражатель из серебристого металла, установленный на каком-то сложном устройстве.

Два жреца судорожно готовились к выстрелу. Один из них наводил зеркало, а второй что-то настраивал, вращая небольшую рукоятку.

Фиолетовое сияние заполнило серебряный эллипсоид.

И тогда Прайс поднял своего верблюда на дыбы. И всем весом они обрушились прямо на дьявольский аппарат. Тот с грохотом рухнул. Верблюд тоже упал, но Прайс успел выскочить из седла. Подняв над головой золотой топор, он ринулся на одетых в синее жрецов.

Все произошло быстро, как порой бывает во сне.

Только что синие фигуры со зловеще сверкающими в руках золотыми ятаганами со всех сторон окружали Прайса. В следующее мгновение воины Бени-Энз захлестнули позиции слуг Маликара.

Орудия и пулеметы смолкли, как только атакующие приблизились к гребню. Перестали стрелять и зеркала — обслуживающие их жрецы отчаянно сражались врукопашную с обезумевшими от ненависти воинами оазиса.

Несколько минут кипела на гребне жестокая беспощадная битва.

И никто не просил в ней пощады. Две сотни людей Бени-Энз полегло на дне вад. Те, кто живыми добрались до противоположного склона, кровью заставили жрецов заплатить за своих погибших товарищей.

Краткие минуты хаоса. Воины повсюду. Верблюды, сбивающие на землю зеркала, лежающиеся, кусающиеся направо и налево. Люди — кричащие, падающие, пронзенные копьями, стрелами, мечами и ятаганами.

Прайс, как выяснилось, вполне мог за себя постоять. Не умолкала древняя песнь Иру, тяжелый топор вдоволь напился крови.

А потом, как ни странно, сражение закончилось.

Жрецы полегли до последнего человека. Их мертвые окровавленные тела горами лежали вокруг покореженных зеркал в неглубоких, вырубленных в лаве траншеях за гребнем. Тут и там бились в предсмертных судорогах верблюды. Бени-Энз, едва ли половина

от тех, кто вслед за Прайсом устремились в атаку через вади, быстро обшаривали мертвых, грузя добычу на дромадеров.

За их спинами, на черном дне долины, лежали груды искрящегося на солнце льда, так недавно бывшего и людьми, и верблюдами. Там замер покрытый серебристым инеем танк.

Прайс повернулся к горе.

В нескольких милях от гребня, на котором он сейчас стоял, начинались мрачные базальтовые стены, поднимавшиеся на добрых две тысячи футов к сияющему великолепию золотого дворца настоящих хозяев этой страны.

С вершины самой высокой башни в небо все еще бил веер цветных лучей. А над ними все так же парил странный и зловещий мираж.

Золотая женщина, сидящая на своем гигантском змее, встретила взгляд Прайса презрительной, насмешливой улыбкой. Она слегка пожала плечами, словно желая сказать: «Может, вы и победили. Ну и что с того?»

— Маликар! — с ужасом в голосе вдруг воскликнул один из арабов. — Маликар едет сюда на золотом тигре!

Опустив взор, Прайс и в самом деле увидел золотого тигра, большими прыжками несущегося по черной лавовой равнине. Гигантское животное размером со слона несло на спине в седле из черного дерева самого Маликара.

Тигр приближался необычайно быстро. Со страхом переглянувшись, воины Бени-Энз торопливо увязали последнюю добычу и повели верблюдов назад, через вади, под защиту ревущего оружия белых людей.

Глава шестнадцатая СТРАННЫЕ ОЧИ ЗМЕЯ

Был полдень. Безжалостное белое солнце заливало палящими лучами и лавовую равнину, по которой бежал золотой тигр, и угрюмые стены Хаджар-Джеханнума. Вокруг — ни ветерка, только жаркое марево дрожало над черными камнями.

Немного поразмыслив, Прайс решил отойти в долину, которую только что пересек такой дорогой ценой. Ему не хотелось отступать перед одним-единственным человеком. Впрочем, Прайс был совсем не уверен, что Маликар и в самом деле человек. Так или иначе, оказаться под прикрытием орудий Якоба Гарта совсем не помешает.

На полпути через вади он остановил своих арабов и послал Гарту записку, сообщая о победе и о приближении Маликара.

Вскоре желтый тигр появился на гребне среди разбитых зеркал и трупов. Пару мгновений он стоял там, а потом гроыхнуло пушки Якоба Гарта.

Прайс услышал свист шрапнели. Увидел столбы разрывов совсем рядом с замершим в неподвижности тигром.

И тут произошло нечто странное.

Поднявшись в седле, Маликар обернулся к висящему в небе миражу. Он вскинул вверх руки, и, отвечая на его призыв, желтая женщина что-то сказала золотому змею.

Металлическим блеском сверкнуло невозможно огромное чешуйчатое тело. Змей пошевелился. Взметнулась длинная стройная золотая шея, высоко вверх поднимая плоскую широкую голову. Она медленно качалась из стороны в сторону. Гипнотически сверкали черные с пурпурным отливом глаза.

Прайс попытался отвернуться... и не смог! Страшные, холодные и безжалостные очи змея словно незримыми цепями приковали к себе взгляд. Американец не мог пошевелиться и едва дышал. В голове гудело, во рту внезапно пересохло, в горле застрял ком.

Как сквозь сон, Прайс слышал, что звуки стрельбы смолкли. Он знал, что не только он — все кругом попали под власть этого невероятного, невозможного паралича.

Глаза змея ослепительно горели холодной силой абсолютного зла. В них читалась какая-то черная мудрость... знание более древнее, чем весь род человеческий. В них билась

всеподавляющая, несокрушимая воля.

Прайс отчаянно старался отвести взгляд. Он не хотел, не мог сдаться! Он не даст какой-то там змее, пусть даже и золотой, себя загипнотизировать. Это вопрос силы воли. Он не подчинится!

Его голова сама собой поворачивалась, следя за покачиваниями змея. Прайс напрягся. Складывалось впечатление, что змей почувствовал сопротивление и нарастил энергию своего гипноза. Сжав зубы, Прайс судорожным движением рванул голову вниз.

Все его силы ушли в это движение. И холодная сеть зла лопнула. Он был свободен. Слабый, дрожащий, едва стоявший на ногах, но свободный!.. Собравшись с духом, Прайс поднял глаза на змея. И прежний паралич не вернулся! Прайс доказал свое превосходство.

С чувством огромного облегчения Прайс огляделся по сторонам. И увидел совершенно кошмарное зрелище.

Вокруг него стояло, будто обратившись в каменные статуи, несколько десятков воинов Бени-Энз. Все они как замороженные (так оно, впрочем, и было) глядели в колышущийся в небе мираж. Глядели молча, с бессильным ужасом на белых как смерть лицах. А тем временем Маликар убивал их одного за другим.

Золотой великан слез со своего тигра, которого оставил в полусотне ярдов от оцепеневших людей, и, быстро переходя от одной неподвижной фигуры к другой, методично вонзал им в грудь свой длинный обоюдоострый меч.

Воины стояли, не отводя глаз от миража, и не могли вырваться из-под кошмарной власти змея. Они не знали, не ведали о близости Маликара. Направляемый опытной рукой, золотой клинок пронзал их сердца, и один за другим люди падали на песок.

Вне себя от ярости, Прайс кинулся на Маликара. Он что-то кричал. Потом Прайс и сам не мог вспомнить, что именно.

Маликар удивленно повернулся. С его красного одеяния стекала алая кровь. На миг в прищуренных желтых глазах вспыхнул страх. Затем, подняв меч, он бросился навстречу Прайсу.

Парировав удар щитом, американец рубанул топором. Маликар отпрыгнул, но недостаточно быстро. Древний золотой клинок зацепил его плечо, и окровавленный меч со звоном выпал из внезапно обессилевшей руки.

Прайс продолжал атаковать. Однако удача и на сей раз повернулась против него. Неудачно шагнув, он поскользнулся на камне и тяжело упал на колени. Прайс тотчас вскочил на ноги, но Маликар уже успел отскочить за пределы досягаемости топора. Подняв с земли тяжелый кусок лавы, золотой человек с невероятной силой запустил им в Прайса. Тщетно американец пытался увернуться. Он почувствовал, как камень ударил его по голове. Перед глазами вспыхнуло алое пламя, и все померкло.

Когда Прайс со стоном оторвал голову от земли, солнце уже успело скрыться за горизонтом. С севера дул прохладный ветерок, который, собственно, и привел Дюрана в чувство. На лавовые поля уже опустилась ночь, но бело-золотой дворец на вершине базальтовой горы еще сверкал розовыми отблесками заката. Мираж исчез.

Оглядевшись, Прайс увидел, что лежит там, где его свалил камень Маликара. Все дно небольшой долины было усеяно грудami оттаявшей плоти. Рядом лежали воины, зарезанные Маликаром.

На всем поле живым был, похоже, один Прайс. Маликар исчез вместе с тигром. Пропали Бени-Энз, и бедуины Фархада, и Якоб Гарт со своими людьми. Остались только мертвые да серая глыба танка, застывшая там, где ее остановил замораживающий луч.

Со жгучим отчаянием Прайс понял, что Маликар снова одержал верх. С горечью он вспомнил камень, так не вовремя подвернувшийся у него под ногой. Удача Дюранов опять подвела Прайса.

Союзники Прайса, похоже, отступали в безумной спешке. Возможно, они, как и сам Дюран, разорвали силы змеиного гипноза и, освободившись из-под чар, устремились в

бегство. То, что они бросили и танк, и самого Прайса, и вещи павших воинов, говорило само за себя.

Прайс знал, что после этого поражения Бени-Энз уже никогда больше не пойдут за ним. Иру наверняка потеряет свое влияние. А Айса... прелестная Айса, серьезная и веселая, задумчивая и улыбающаяся, отважная беглянка среди безжизненной пустыни... Айса все еще оставалась пленницей в горной крепости золотых людей.

Что-то просвистело мимо головы Прайса, со стуком ударившись в устилавшую дно вади лаву. За его спиной послышался топот ног, кто-то громко и яростно закричал.

Все еще не пришедший окончательно в себя, американец, шатаясь, поднялся на ноги и повернулся навстречу своему противнику.

Подняв над головой кривой ятаган и волоча правую ногу, к нему, как мог, бежал человек — высокий араб в синем жреческом одеянии. Видимо, ему, как и Прайсу, посчастливилось уцелеть во время битвы. Половина лица у него была залита кровью, из-под которой выглядывал чудом уцелевший, горящий фанатичной ненавистью глаз. На лбу его Прайс разглядел желтое клеймо в виде свернувшейся кольцами змеи.

Глава семнадцатая

РАБ ЗМЕЯ

Прайс Дюран с трудом стоял. Земля качалась у него под ногами, голова прямо-таки раскалывалась от боли. Он зашатался и едва удержал равновесие на безумно кружащемся вокруг, усеянном камнями дне вади.

Черный базальтовый монолит Хаджар-Джеханнума с кошмарно сверкающим замком на вершине высился сперва с одной стороны, потом с другой. Волна беспамятства накатила на Прайса — и отхлынула. Пустыня под ногами вновь обрела покой.

На мгновение Прайс Дюран потерял из виду своего врага. Но потом снова увидел раненого араба, размахивающего золотым ятаганом. Он даже не хромал, а скорее волочил за собой одну ногу. В его глазах на залитом кровью лице горел огонь фанатичного убийцы.

Борясь с головокружением, Прайс начал отступать. Американец хотел выиграть время и хоть немного прийти в себя. Где-то там, позади, лежал золотой топор, однако времени поднять его уже не было. Да и все равно сил наверняка не хватило бы.

Прайс споткнулся на неровно застывшей лаве и едва не упал. На сей раз устоять на ногах оказалось уже проще. Силы пусть понемногу, но возвращались.

Дыша словно загнанная лошадь, прыгающий на одной ноге жрец взмахнул над головой ятаганом. Прайсу не оставалось ничего другого, как нырнуть под удар, одной рукой перехватывая запястье араба. Но несмотря на все его усилия, желтый клинок, зазвенев о золотую кольчугу, рубанул Прайса в бок. Дюран и жрец вместе повалились на землю.

Араб, словно безумный, силился вырваться из объятий противника. Всеми силами он стремился высвободить ятаган для нового, более точного удара. До крови закусив губу, Прайс не отпускал рук.

Даже сейчас, во время борьбы, он с каждой секундой чувствовал себя все сильнее и сильнее. Туман, окутывавший сознание, рассеивался, движение разгоняло кровь, заставляя сердце биться чаще. Что же касается раненого жреца, то его поддерживала только слепая ненависть — не самая лучшая опора для долгой драки.

Рывки араба слабели, и наконец он замер, потеряв сознание. Рана на его ноге открылась при падении, и из нее тонкой струйкой сочилась кровь.

Взяв себе ятаган, Прайс откатился в сторону и с усилием поднялся на ноги. Тяжело дыша, он подозрительно поглядывал на лежащего жреца.

— Мистер Дюран? — неожиданно раздалось у него за спиной.

Круто повернувшись, американец увидел перед собой Сэма Сорроуза, шатающегося под кучей каких-то пакетов в руках.

— Неужели это ты, Сэм?!

— Собственной персоной, мистер Дюран. Я так и думал, что это вы в золотой кольчуге. Но я никак не ожидал увидеть вас в живых. Мне казалось, что, кроме меня, не уцелел никто.

— Я тоже так думал, Сэм. Похоже, нас осталось в живых трое.

— Трое?

Прайс показал на валяющегося без сознания араба.

— Свяжите его, — посоветовал Сэм. — Свяжите и пойдемте со мной. Я тут набрал кое-чего на ужин.

Канзасец кивнул на пакеты, которые держал в руках.

Прайс связал жреца по рукам и ногам кушаками мертвых воинов Бени-Энз, наскоро перевязал ему рану на бедре, оказавшуюся не такой уж и тяжелой, и вслед за Сэмом отошел к танку. Тот уже раскладывал на броне свою добычу — небольшие мешочки с сухофруктами, мукой грубого помола и кусочками сухого верблюжьего мяса. И еще — полный бурдюк воды.

— Нашел в окопах, — сказал Сэм, кивая на склон вади, где днем находились позиции жрецов.

Присев у гусеницы, два американца с жадностью набросились на еду.

— Броня не защитила вас от зеркал, — сказал Прайс, утолив первый голод.

— Увы, — кивнул Сэм. — Со мной был Мэсон — погиб. Я сидел внизу, за рычагами. Наверное, укрытие у меня оказалось чуть получше. Но я вырубился. И надолго. А когда очухался, то чувствовал себя словно с похмелья. Да и замерз как цуцик. Дрожал весь. Мэсон наверху уже и окоченеть успел. Ну, я и полез на солнышко.

Высунул я, значит, из люка, а кругом арабов полным-полно. И тишина. Все замерли, будто пугала, и пялятся в небо, на мираж. А там змеюка качается. Всех их околдовала. Я-то на нее лишь разок всего и глянул, уж вы мне можете поверить!

Потом, гляжу, тигр рядом стоит, громадный, черт, словно слон. И седло на нем. И этот желтый тип ходит и приканчивает тех парней, что пялятся на мираж. Одного за другим.

А затем вы напали на того желтого типа, и он свалил вас куском камня.

Где-то в это же время начали приходить в себя и остальные. Я услышал, как бухнула пушка. Желтый человек вскочил на своего тигра и дал деру, а арабы сломя голову рванули туда, откуда мы пришли. Тогда-то я и спрятался обратно, а то шрапнель снова стала посвистывать.

— А Якоб Гарт? — поинтересовался Прайс. — Все ушли?

— Похоже, что так. Когда я в прошлый раз вылезал наружу, они вроде бы паковали орудия. Наверно, с них хватило.

— И что ты теперь собираешься делать?

— Честно говоря, я чувствую себя не так чтобы очень, — усмехнулся Сэм. — Час тому назад мне было совсем тоскливо. Тогда я пошел поискать еду. Думал провести ночь здесь, а поутру попробовать вернуться в оазис. Вам как это, нормально? Мы будем там к полудню.

Прайс молча кивнул. Сейчас он думал о другом.

Вернувшись через час к своему пленнику, Прайс обнаружил, что жрец пришел в сознание.

— Кто ты? — спросил его Прайс на старинном диалекте Бени-Энз.

Жрец ничего не ответил, но по тому, как он упрямо стиснул зубы, Прайс догадался, что вопрос тот прекрасно понял.

Вернувшись к танку, где Сэм копался в моторе, готовясь к утреннему маршу, Прайс взял наполовину полную канистру с водой.

Дав пленнику послушать, как плетется вода, Прайс повторил свой вопрос. Араб по-прежнему молчал.

Полчаса спустя, когда Дюран был готов уже отказаться от своего плана, жрец пошевелился.

— Я Криор, — слабым голосом сообщил араб. — Раб змея, под властью жреца

Маликара.

И он взмолился о глотке воды.

— Нет, — твердо ответил Прайс. — Если хочешь пить, ты должен сперва ответить на мои вопросы и обещать помощь.

— Я поклялся служить змею, — прошипел жрец. — Ты, Иру, древний враг и змея, и Маликара. Если я предаю своих господ, очи змея найдут меня в ночи и уничтожат.

— Я позабочусь о твоей защите, — заверил его Прайс. — Забудь о змее. Если хочешь пить, служи мне.

Араб долго молчал, мрачно глядя в усыпанное звездами небо. Прайсу было его даже немного жалко.

— Да будет так, — наконец сказал араб. — Я отрекаюсь от змея и от службы Маликару. Я твой раб, Иру. И не забудь о защите.

— Не забуду, — пообещал Прайс.

Но в голосе пленника Дюрану послышалась какая-то фальшь, которая ему очень и очень не понравилась. Да и сдался жрец слишком уж легко. Прайс жалел, что ночь недостаточно светла и что он не видит лица араба.

— Теперь дайте мне воды, господин Иру.

— Сперва докажи свою преданность. Ответь мне на вопрос: где находится девушка по имени Айса? Та, которую Маликар привез из Энза?

Жрец заколебался.

— Айса спит в золотом тумане, в логове змея, — неохотно сказал он.

— И где это? Где логово змея?

— Под горой. В храме над пропастью золотых туманов.

— Ты говоришь, она спит. Что это значит? Надеюсь, ты не хочешь сказать, что она мертва?

— Нет. Она спит долгим сном золотого пара. Маликар оказал ей честь. Она станет одной из золотых людей.

— Ну-ка, объясни мне поподробнее, — с угрозой в голосе потребовал Прайс. — И говори ясно. Итак, что это за золотой туман?

И снова араб заколебался, глядя на Прайса глазами, из которых еще не полностью улетучилась былая ненависть.

Дюран многозначительно поболтал канистрой.

— В пещерах под горой из-под земли поднимается золотой пар, дыхание жизни. Вдыхающие его засыпают. Во сне они становятся золотыми. И бессмертными.

— Значит, Айсу превращают в золото? — не веря своим ушам, переспросил Прайс.

— Да. Скоро ее кровь станет золотой. Когда девушка проснется, она станет жрицей змея. И Викиру поистине не радует, что она надоела Маликару.

— Викира? — наострил уши Прайс. — А это кто такая?

— Старая жрица змея. Золотая женщина. Жрица... и любовница Маликара.

— Значит, это ее мы видели в мираже над дворцом?

— В мираже? Да, ее. Викира еще и владычица тени. Так просто Маликару избавиться от нее не удастся.

Прайс не слишком доверял откровениям жреца. Не стоит ожидать правды от беспомощного связанного пленника, который еще час назад собирался перерезать тебе глотку. Кроме того, в голосе араба нет-нет да и проскальзывали нотки ненависти и плохо скрытого презрения. Но умирать жрецу явно не хотелось. А значит, откровенно врать он, наверное, не станет. Тут уж такая игра, кто кого перехитрит.

Действительно ли Айсу превращали в золотое существо? Вполне вероятно, что это безумная выдумка коварного жреца. Впрочем, рассказ звучал достаточно невероятным, чтобы все-таки оказаться правдой. Или, во всяком случае, частью правды.

— Ты знаешь, как нам тайно пробраться внутрь горы? — спросил Прайс. — Туда, где находится Айса? Как насчет туннеля с золотыми воротами? Его всегда охраняют или нет?

Криор молчал.

— Отвечай! — потребовал Прайс. — Говори, ты можешь отвести меня к девушке?

— Страшна месть змея и Маликара, — дрожа, пробормотал жрец.

— Не забывай, я обещал тебе защиту.

— Но я ранен, — возразил араб. — Я никогда не дойду до горы.

— Твои раны не так серьезны, как тебе кажется, — заверил его Прайс. — Завтра ты уже сможешь ходить, хотя и не без труда. А теперь говори.

— Вам никогда не пройти через ворота. Они всегда заперты и тщательно охраняются.

— Может, есть другой путь?

И опять жрец заколебался, заерзав на камнях:

— Такой путь действительно существует, господин Иру... Но он опасен.

— И где же он?

— В верхней части северной стены есть трещина, так можно попасть в большую пещеру. Оттуда есть проход в туннели, ведущие к пропасти золотых туманов. Но велика опасность этой дороги. Подъем на стену труден, а над логовом змея дежурят стражники.

— Как только ты снова сможешь ходить, мы отправляемся в путь, — спокойно произнес Прайс. — И пеняй на себя, если ты сказал мне неправду.

Он принес арабу воды и, ослабив путы, стягивавшие его руки, дал поесть. Когда жрец закончил, Прайс снова туго затянул узлы.

Той ночью Прайс и Сэм спали по очереди. Сидя у танка в долгие часы своей вахты под холодным светом далеких звезд, Прайс много думал о том, куда привела его дорога в затерянном среди песков мире Бени-Энз. Он думал о том, что делать завтра.

Утром он мог бы вместе с Сэмом вернуться в Эль-Ярим. И приключение на этом закончится. Бени-Энз, Прайс был в этом уверен, не захотят больше сражаться под его командованием. И присоединиться опять к отряду Якоба Гарта он тоже не сможет.

Короче, если он вернется, то ему не останется ничего другого, как раздобыть пару верблюдов и на свой страх и риск прорываться к цивилизации. Он никогда не узнает ответа на загадки, с которыми ему довелось столкнуться в последние дни. Не узнает тайны миража и золотых людей. И что еще хуже, никогда больше не увидит Айсу.

С другой стороны, он может остаться с Криором и, когда тот встанет на ноги, отправиться на штурм горы. Это был совершенно безумный план. Араб явно ненавидит белого пришельца и, несомненно, предаст его при первой же удобной возможности. А такая возможность ему наверняка представится. И очень скоро.

Казалось почти невероятным, чтобы удалось проникнуть внутрь горы и выйти оттуда живым. И однако Прайс не колебался. Другого решения он принять просто-напросто не мог.

— Будем в лагере к полудню, — весело сказал Сэм за завтраком.

— Я не поеду.

— Что?!

— Я попытаюсь пробраться внутрь горы. Если все пройдет хорошо, наша синяя птичка проведет меня секретной тропой. Пока он не сможет ходить, мы будем прятаться здесь.

— Но мистер Дюран! — вскричал Сэм. — Я... Мне бы не хотелось, чтобы вы это делали! Не верю я что-то этому типу. Сколький он какой-то. Как... как змея.

— Я тоже ему не доверяю. Однако другого выхода у меня нет.

Сэм Сорроуз покачал головой, испытующе поглядел на Прайса и, улыбнувшись, крепко пожал ему руку:

— Удачи вам, мистер Дюран. Сумасшедшее дело вы затеяли, сэр. Но, может, оно у вас и выгорит. Я оставлю вам бурдюк и жратву. А не хватит, покопайтесь в траншеях. Я наверняка подобрал там не все.

Полчаса спустя танк с лязгом покати́л в сторону оазиса.

Привязав веревку к шее своего пленника, Прайс отконвоировал его в укромное место

среди камней в полумиле ниже по вади. Криор хромал и стонал, но идти мог.

Два дня Прайс держал араба связанным. Время шло, и раны понемногу затягивались. Вечером второго дня, когда Прайс спал, арабу удалось освободиться.

Разбуженный каким-то шестым чувством опасности, а быть может, просто шорохом шагов жреца или его осторожным дыханием, Прайс открыл глаза и увидел над собой Криора с тяжелым куском базальта в руках.

Глава восемнадцатая ЗОЛОТОЙ ИНЕЙ

Схватив золотой топор, всегда лежавший у него под рукой, американец с быстротой молнии откатился в сторону. И в тот же миг громадный камень с грохотом обрушился на то место, где только что была его голова.

Одним движением Прайс вскочил на ноги. Араб начал было отступать, но, поняв, что ему не спастись, замер на месте. Скрестив руки на груди, он смотрел на Прайса полными ненависти глазами.

— Убей меня, Иру, — пробормотал он. — Срази меня, дабы мог я попасть в бездонную пропасть великого змея.

— Ничего не выйдет, приятель, — покачал головой Прайс, опуская занесенный для удара топор. — Если ты можешь напасть на меня, то можешь и ходить. А раз так, то сегодня же ночью поведешь меня к Айсе. Луна будет яркая. А раскроить тебе череп я всегда успею.

— Хорошо, Иру, — согласился Криор с покорностью, которая очень не понравилась Прайсу. — Раз боги сочли нужным разбудить тебя, я не стану больше искушать судьбу. Пусть все будет так, как ты хочешь.

Снова завязав веревку на шее пленника, чтобы тот не убежал, Прайс стал готовиться к выходу. Прикончив остатки еды и воды, они пошли через лавовые поля к черневшей в ночи горе.

Пять миль по прямой. Восемь или даже девять — до нужного им северного склона. Держа веревку в руке, Прайс заставил своего проводника идти впереди. Где-то после полуночи они добрались до базальтовых стен вулканического конуса.

Луна повисла почти над горизонтом. Здесь, в тени горы, царил мрак. Криор сказал, что подняться в темноте невозможно, и потому Прайс решил ждать рассвета. Араб громко храпел и, похоже, действительно спал. Прайс же не выпускал из рук топора и боялся смежить веки.

Веревку он все время держал натянутой. Уже на рассвете она ослабла. Американец понял, что жрец решил еще раз попытать счастья. Выждав мгновение, Прайс что есть силы дернул за веревку, и араб растянулся на камнях, оправдываясь, что он только хотел размять затекшие ноги.

С первыми лучами солнца путники начали подниматься по узкому проходу между базальтовых колонн. Жрец лез первым. Прайс, привязав веревку себе к поясу, чтобы освободить руки, двигался следом.

За полчаса трудного лазания они поднялись на три сотни футов по почти отвесной скале. И вот шедший впереди Криор выбрался на узкую полочку. Тут он мог стоять, не держась руками, и араб не преминул этим воспользоваться.

Выбрав момент, когда Прайс оказался на особо сложном участке, он начал отвязывать стягивающую его горло веревку. Если бы ему это удалось, он запросто мог бы потом столкнуть своего врага со скалы. Ставкой в игре была жизнь.

Прайс лез изо всех сил. Он отчаянно рисковал, но для осторожности времени не оставалось. Араб уже распустил первый узел, однако Дюран, предвидя подобную ситуацию, предусмотрительно завязал несколько узлов.

Наконец, дрожа от напряжения, Прайс выбрался к трещине, позволившей ему освободить одну руку. Быстро отцепив веревку, американец дернул за нее, едва не сорвав

жреца со скалы.

— Давай двигайся, — приказал он. — И чтобы веревка не провисала.

Рыча от ярости, араб бочком протиснулся в узкую расселину над полкой. Прайс, держа веревку натянутой, последовал за ним.

Путники очутились в небольшой полутемной пещере. По низким проходам они пробирались из одного мокрого и темного зала в другой. Свет дня остался далеко позади. Стены и пол здесь явно были созданы природой. Иногда проходы становились такими тесными, что через них даже и пролезть-то было не просто. Дважды арабу и следующему за ним Прайсу приходилось ползти на коленях.

Снова и снова Прайс заставлял жреца держать веревку натянутой. Он задавал своему проводнику бесконечные вопросы, чтобы по ответам судить, где тот находится.

Наконец они добрались до большого зала. В темноте Прайс не мог понять его размеров, но, судя по эху, эта камера и впрямь была громадной.

Прайс насчитал двести шестьдесят шагов от одной стены до другой. Он пытался запомнить и направления, и расстояния — надо же будет вывести отсюда Айсу. Если он сумеет-таки ее найти.

— Здесь мы входим в подземные коридоры дворца, Иру, — сказал Криор.

— Значит ли это, что в них будут люди?

— Думаю, нет. Тут редко кто бывает.

— Давай-ка немного вернемся.

Потянув за веревку, Прайс оттащил жреца обратно в зал.

— Тихо! — прошипел он, когда Криор попытался закричать. — Я не собираюсь тебя убивать. Ложись на пол!

Чиркнув спичкой, американец убедился, что жрец выполнил приказ. Затем он заткнул ему рот носовым платком и для верности завязал широким кушаком.

— Вставай, — приказал Прайс. — И веди меня к Айсе. Как только я с ней отсюда выйду, ты свободен.

Криор неохотно пошел дальше, из промытой водой пещеры в вырубленный человеческими руками коридор с гладкими стенами и полом. Через двести восемьдесят шагов араб свернул налево, в более широкий наклонный проход, такой же темный, как и предыдущий. Жрец уверенно направился вниз.

Вдруг впереди на стене заиграли зеленые отблески, заплясали гротескные, фантастически увеличенные тени.

Рывком веревки Прайс остановил своего проводника.

— Это еще что такое? — прошептал он. И, тут же вспомнив, что Криор все равно не сможет ему ответить, приказал: — Назад, быстро!

Жрец не пошевелился, и Прайс ничего не мог с ним поделать. Сам он понятия не имел, где тут можно спрятаться. Да и бороться сейчас с арабом — значило только поднять шум и привлечь к себе ненужное внимание.

Ярдах в пятидесяти впереди из бокового туннеля показались три фигуры в синем. Две из них несли в руках длинные пики с широкими золотыми наконечниками, а третья — факел, горящий странным ярко-зеленым светом.

Криор безуспешно попытался закричать сквозь кляп, и Прайс яростно дернул за веревку.

Жрецы остановились у развилки. Они о чем-то разговаривали, и копыеносцы дружно рассмеялись, словно удачной шутке. Потом они повернули в тот же проход, где замерли Прайс и его пленник. Но, к счастью, пошли в другую сторону.

Яркий факел отчетливо высвечивал черные тени на зеленом фоне. Понемногу фигуры удалялись, и наконец свет угас. Жрецы завернули за поворот.

В проходе вновь стало темно. Погасли отблески на стенах.

— Веди, — прошептал Прайс. — И не пытайся больше поднять тревогу.

И снова они шли в темноте. Арабу, казалось, свет и не требовался. Прайс держал

веревку в натяжении и считал шаги.

Криор опять свернул налево, в коридор, круто уходящий вниз и плавно загибающийся налево. Уклон, по оценке Прайса, составлял один фут к четырем пройденным. Считая шаги, он мог примерно определить глубину спуска.

Когда Прайс в первый раз обратил внимание на желтоватое свечение, они спустились уже на восемьсот ярдов. Это означало, что по закрученному спиралью туннелю путники забрались почти на три сотни футов ниже уровня лавовой равнины.

Смутное золотое свечение сперва было едва заметно. Но чем ниже они спускались, тем ярче оно становилось, пока не превратилось в настоящий желтый туман из крохотных, пляшущих в воздухе частиц.

Теперь Прайс уже мог разглядеть стены туннеля — черный вулканический базальт, вырубленный так гладко, что следы орудий были почти незаметны. В ширину проход достигал что-то около восьми футов, в высоту чуть больше.

Двумя сотнями футов ниже они подошли к выходящему в спиральный коридор горизонтальному туннелю.

И тут Прайс услышал снизу голоса. Мужской и женский. Громкие, возбужденные, сердитые.

— Давай сюда! — прорычал он Криору, заставляя араба свернуть в горизонтальный проход.

Светящийся, мерцающий желтый туман наполнял туннель призрачным сиянием.

Прайс внезапно вспомнил слова Криора: мол, Айса спит в глубине горы в золотом паре, который понемногу превращает ее в существо из живого металла. Неужели этот странный светящийся туман и есть золотой пар? Неужели фантастический рассказ жреца не более чем чистая правда?!

Шагая вслед за мрачным арабом по коридору, Прайс заметил одну удивительную вещь. Стены прохода были покрыты желтым инеем. На гладко обтесанном черном базальте лежал толстый слой блестящих кристаллов, ажурная вязь золотых чешуек. Даже пол и тот был покрыт ими. Золотой иней!

Это было потрясающе. Блестящие кристаллы, Прайс в этом не сомневался, осели на стенах из желтого тумана. Значит, и сам туман содержал невероятное, никогда раньше не встречавшееся белым людям соединение золота. Соединение, созданное в природных лабораториях вулканических разломов.

Прайс немного представлял себе процесс окаменения, когда каждая клеточка, каждая ткань заменяется минералом, на миллионы лет сохраняя образ животного. В определенных условиях замена, наверное, может осуществляться и золотом.

Но способна ли такая замена произойти так, чтобы не погубить при этом саму жизнь?

Если замена производится чистым золотом, то, очевидно, нет. Но этот золотой туман не был чистым золотом. Чтобы существовать в виде пара при таких температурах, соединение должно обладать точкой кипения примерно как у воды.

Вода — основа жизни. Основа всех белковых систем. Неужели золотой туман, выделенный в громадной природной реторте вулкана, мог заменить воду в живом организме, не нарушив химического баланса? Идея казалась невероятной, но, судя по всему, не такой уж и невозможной.

Глубоко задумавшись, Прайс на миг забыл о своем пленнике. А очнувшись, внезапно обнаружил, что веревка висит свободно. Он вышел из туннеля на узкий балкончик с невысоким каменным ограждением. За парапетом клубился золотой туман.

Тут-то на Прайса и прыгнул притаившийся рядом с выходом жрец.

Глава девятнадцатая ВЛАСТЬ НАД ЗМЕЕМ

Еще даже не увидев, а только почуяв угрозу, Прайс инстинктивно выпустил из рук

веревку, тянувшуюся к шее араба, и, прыгнув вперед, поднял боевой топор. Криор, похоже, ничего другого и не ожидал. Не помышляя даже о самоубийственной атаке, он, подобрав веревку, опрометью кинулся по коридору назад к винтовому проходу.

Прайс устремился в погоню. Однако хромота жреца куда-то подевалась, и Дюран никак не мог его догнать. Добежав до спирального туннеля, американец огляделся. По воздуху плыл золотой туман. Жрец успел исчезнуть.

Проклиная свою неосмотрительность, Прайс не мог не восхищаться упорством Криора. Он был врагом, прислужником злобного Маликара, и при каждом удобном случае пытался убить Прайса. Все так. Но его упорство, коварство и изобретательность делали жреца достойным противником.

Какой-то миг Прайс заколебался, не зная, куда идти. Вернуться на балкон или же продолжить прерванный спуск? Любопытство влекло его на балкон — в краткий миг перед нападением араба Прайс успел заметить там кое-что весьма интересное.

Балкон оказался футов двадцати в ширину и около сорока в длину. Под ним, за невысоким каменным парапетом, лежал колоссальный, высеченный в толще скалы круглый зал около четырехсот футов в поперечнике. Над головой простирался громадный купол, покрытый, как и стены, желтым инеем золотых кристаллов. И весь этот необъятный зал был полон клубящегося желтого тумана.

Осторожно подобравшись к парапету, Прайс заглянул вниз.

До пола было несколько сот футов — припорошенный, как и все вокруг, золотым инеем, он находился на противоположной от Прайса стороне зала. Прямо под балконом пола не было. Здесь скала обрывалась в бездонную пропасть, до краев залитую светящимся желто-зеленым маревом.

Перегнувшись через парапет, Дюран разглядел внизу мост — узкую полосу, протянувшуюся от одного края пропасти до другого, невидимого Прайсу.

Весь этот зал напоминал театр. Половина пола была сценой. Пропасть, через которую протянулся невероятно узкий мостик, была оркестровой ямой... без дна. Балкон, на котором стоял Прайс, — единственной зрительской ложей.

Прайс все еще разглядывал зал, когда на сцене появились актеры.

Из бокового прохода на устланный золотом пол вышли Маликар и Викира. С балкона они казались крохотными, словно игрушечными.

Маликар, золотой мужчина, с которым Прайсу уже дважды довелось сразиться. Широкоплечий, желтобородый, одетый во все красное, с красным шлемом на голове. В руке он держал свернутый кольцами тяжелый и длинный кнут.

Викиру Прайс видел впервые, если не считать, конечно, видений в мираже. Ее необычная красота, дикая и страстная, не могла не поражать. Стройная желтокожая женщина оделась во все зеленое. Красно-золотые волосы были перетянуты широкой черной лентой.

Они шли и, похоже, о чем-то спорили. Или ругались. Прайс сразу понял, что это их разговор он слышал в спиральном коридоре. И теперь тоже до Прайса доносились голоса золотых людей. Высокий и чистый голос Викиры и резкий, неприятный — Маликара.

О чем именно шла речь, Прайс, увы, разобрать не мог. Золотые люди говорили очень быстро, и голоса их таяли в гулком эхе, плывущем по громадному залу.

Внезапно Викира отскочила от Маликара. Она побежала по пандусу к каменной платформе, чем-то напоминающей алтарь. Только теперь Прайс заметил эту спрятанную в нише платформу. И то, что на ней лежало.

Только сейчас он заметил золотого змея. Настоящую золотую рептилию, чье изображение он видел в парящем над замком мираже. Огромный и неподвижный, змей лежал на алтаре, и его золотая чешуя поблескивала в желтом сиянии тумана.

Остановившись перед ним, Викира начала петь. Она подняла обнаженные желтые руки, словно призывая змея к чему-то. Песня лилась, маняще-сладкая, и в ней бился древний, непривычный для человеческого уха ритм.

Треугольная голова змея качалась в такт с пением Викиры. Пурпурно-черные глаза

неотрывно следили за женщиной. И вот змей медленно вытянул шею, опустив голову на уровень плеч Викиры.

Песня замерла. Викира подбежала к змею и в странной ласке обняла его толстую, похожую на колонну шею. Она нежно погладила широкую плоскую голову.

Прайс услышал гневный крик Маликара. Явно недовольный происходящим, жрец быстро шел к платформе, помахивая на ходу кнутом.

Отскочив от змея, Викира побежала ему навстречу. Станным звенящим звуком она позвала за собой золотого змея.

Развернув толстенные кольца, рептилия неторопливо поползла вслед за женщиной. Теперь Прайс видел, что это чудище было больше самого огромного удава — футов пятьдесят в длину, никак не меньше.

Викира остановилась у подножия пандуса, но змей, проскользнув мимо нее, продолжал ползти к Маликару. Он полз, высоко подняв треугольную голову. Дрожал в пасти яркий раздвоенный язык. Сверкали длинные золотые клыки. Сердито шипя, змей бросился на Маликара, и его шипение гулким зловещим эхом отдалось под сводами громадного зала.

Маликар не пошевелился. Он смело стоял на пути гигантской рептилии. Голос его гремел, словно бронзовый гонг.

И змей остановился, замер перед Маликаром, все еще недовольно и нервно шипя.

Викира бросилась вперед. Она что-то кричала, и, повинувшись ее приказу, змей нанес удар.

С удивительной ловкостью Маликар отскочил назад, одновременно взмахнув кнутом. Щелчок прогремел как выстрел. Змей отшатнулся. Грозь кнутом, Маликар пошел на противника, крича на него голосом, подобным грому.

Золотая рептилия уступала. Она еще шипела, но ее шипение понемногу сменялось неуверенным шепотом.

Но вот Викира вновь обняла змея за шею. Громче зазвенела мелодичная песня золотой женщины. И змей замер. Плоская голова нежно потерлась о тело Викиры.

Маликар продолжал наступать. Викира вновь обратилась к змею. Она приказывала ему, упрашивала, умоляла его, наконец. И змей снова перешел в атаку. Но неуверенно, как бы заранее не веря в ее успех.

Маликар яростно взревел и еще раз ударил змея кнутом. Дрожь пробежала по длинному сверкающему телу змея, и он снова замер. Черно-пурпурные глаза, не отрываясь, глядели на Маликара. Верховный жрец ударил опять, и на сей раз змей даже не вздрогнул.

Опустив кнут, Маликар подал короткую резкую команду, и змей медленно и нерешительно вытянул к нему длинную шею. Клыкастая пасть рептилии была закрыта.

Викира пела, звала и ласкала своего могучего союзника... Все без толку.

Маликар несколько раз ладонью ударил змея по носу, и даже Прайс на своем балкончике услышал звон этих ударов. Потом жрец отдал новый приказ, и громадная плоская голова повернулась к Викире.

Женщина вскрикнула, и в голосе ее явственно прозвучал испуг.

Змей зашипел, словно ветер зашептал в сухих листьях.

Викира коротко вскрикнула. Охваченная ужасом (так, во всяком случае, это выглядело со стороны), она бросилась прочь, к проходу, по которому они с Маликаром вошли в подземный зал. Злобно шипя, змей быстро пополз за ней.

Через несколько секунд золотая женщина исчезла в туннеле, и змей остановился. Затем, повинувшись новой команде Маликара, он вернулся к алтарю. Свернувшись тугими блистающими кольцами, опустив тяжелую голову, не отрываясь глядел на верховного жреца.

И тогда Маликар начал бить его кнутом.

Кнут был длинный и у рукояти достигал в толщину человеческой руки. Обращался с ним Маликар весьма и весьма умело. Тонкий кончик кнута оглушительно шелкал. Змей вздрагивал от ударов. Волны катились по его могучему телу, но черно-пурпурные глаза все так же неотрывно глядели на Маликара. А тот, похоже, получал удовольствие от этой пытки.

Наконец Маликар остановился и долго стоял в неподвижности, задумчиво глядя на змея. Наконец очнувшись, жрец рукоятью кнута указал на алтарь и что-то приказал. Покоряясь его воле, желтый змей прополз к возвышению и, свернувшись в нише, замер, словно золотая статуя.

Маликар подошел к краю пропасти и долго смотрел на другую, не видимую Прайсу сторону. Туда, куда вел узкий, всего в две ступни шириной, мост.

Постояв на краю, жрец широкими шагами двинулся через пропасть.

Он прошел, наверное, около сотни футов и вдруг остановился.

Прайсу сперва показалось, что золотого человека одолело головокружение. Еще бы, ведь под ногами у него лежал провал, полный искрящегося желтого тумана. Провал бездонный, как пустота между звездами.

Но нет, переложив кнут в другую руку, Маликар небрежно почесал затылок. Потом, словно вспомнив что-то очень важное, круто развернулся и быстро пошел обратно. Через минуту он уже скрылся в туннеле, в который недавно убежала Викира.

Глава двадцатая

СОН В ТУМАНЕ

Как зачарованный Прайс смотрел на странную борьбу Викиры и Маликара за власть над змеем. Он начисто забыл о сбежавшем пленнике. Все его мысли были поглощены разворачивавшимся перед глазами зрелищем.

Но когда Маликар покинул зал, Прайс вернулся к реальности. Дюран понимал, что если он не хочет попасть в лапы жрецов, то ему надо побыстрее покинуть этот балкон. И единственным выходом был тот самый проход, по которому Прайс сюда и попал.

Американец не собирался сдаваться. Он намеревался продолжить поиски в озаренных призрачным желтым светом туннелях.

Криор сказал, что Айса спит где-то здесь. Не оставалось ничего другого, как поверить в правдивость жреца. История казалась совершенно невероятной, и это отчасти подтверждало ее истинность. Решив соврать, Криор, наверное, выдумал бы что-нибудь более правдоподобное.

Добравшись до спирального коридора, Прайс начал осторожно спускаться и тут же услышал впереди шаги. Быстро вернувшись к горизонтальному ходу, он спрятался за поворотом, плотно прижавшись к стене.

Несколько секунд спустя мимо прошествовал Маликар с недовольной гримасой на желтом лице, что-то бормоча себе под нос.

Дождавшись, когда гул шагов стихнет, Прайс выбрался из укрытия и продолжил прерванный спуск. Он бежал вниз, отчаянно вслушиваясь в тишину. Времени прошло довольно много, и Криор наверняка уже поднял тревогу.

Чем ниже Прайс опускался, тем гуще становился желтый туман. Еще тогда американец заметил странное щекочущее ощущение в носу и некоторую нехватку воздуха.

Но, обеспокоенный более насущными проблемами, пренебрег опасностью золотого тумана.

Наконец туннель выровнялся. Еще немного, и Прайс вошел в большой круглый зал — тот самый, где в нише на алтаре спал гигантский змей. Покрытые золотым инеем стены поднимались на многие сотни футов. Прайс едва разглядел тот балкончик — наверху, под самым куполом, — с которого он наблюдал за всем произошедшим в этом зале.

Справа футах в восьмидесяти в нише лежал свернувшийся змей. От его вида Прайсу стало как-то не по себе. Но рептилия, похоже, спала, уронив массивную голову на толстые золотые кольца. Страшные черно-пурпурные глаза были закрыты.

До пропасти было футов двести. Дальше лишь желто-зеленый туман клубился над бездонным провалом да тонкая ниточка моста тянулась на другую сторону пропасти к широкой нише в базальтовой стене.

Мост этот, словно магнитом, притягивал к себе Прайса. С одной стороны, Дюран до смерти боялся выходить на него — он знал, что не сможет вот так запросто сохранить нужное спокойствие и хладнокровие, очутившись над головокружительной бездонной пустотой. С другой стороны, Прайс почему-то не сомневался, что найдет Айсу в нише на другой стороне провала.

Времени для колебаний не оставалось. Маликар мог вернуться в любой момент. Но даже если и нет, то Криор наверняка приведет сюда отряд вооруженных до зубов жрецов. Или, что еще хуже, гигантский змей может проснуться и обнаружить незваного гостя.

Не раздумывая, Прайс бесшумно направился к мосту. Змей не пошевелился. Добравшись до пропасти, американец вступил на узкую каменную дорожку.

Гладкий, без каких-либо поручней или перил мостик не достигал в ширину и пары футов. Профессиональный акробат с великолепно развитым чувством равновесия перебрался бы на другую сторону без малейшего труда. Но Прайс, сделав всего несколько шагов, закачался. Голова у него закружилась, и он чуть не упал.

Поспешно зажмурившись, Прайс попытался вернуть себе утраченное было равновесие.

Он старался не глядеть вниз, однако пропасть под ногами так и притягивала его взор. Холодный пот выступил на лице Прайса. Он судорожно сжимал кулаки, так что ногти до боли вонзались в ладони, и заставлял себя идти быстро. Все что угодно, лишь бы поскорее оказаться на той стороне.

Отчаянным усилием воли Прайс пытался забыть о пропасти. Он старался думать только об Айсе. О той ночи, когда арабы Фархада поймали ее в пустыне и продали Жоао де Кастро. О другой ночи, когда вдвоем с девушкой он бежал из каравана. О сладких днях в забытом оазисе Энза.

Победив головокружение, Прайс быстро шел через мост.

Прайс прошел уже, наверное, половину пути, когда вдруг отчетливо почувствовал, что ему нестерпимо хочется спать. Глаза так и слипались. Веки упорно не желали подниматься, словно кто-то привязал к ним тяжелый груз. Руки и ноги будто свинцом налились.

Мысли путались. Сон накатывал неудержимым морским приливом.

Собрав волю в кулак, Прайс брел сквозь золотой туман. И наконец с неописуемым облегчением увидел, что мост остался позади. Он перешел через пропасть. Он добрался до ниши. Но волны порожденного желтым туманом сна захлестывали его сознание.

С внезапной ясностью американец понял, что ему никогда не пройти по мостику в обратную сторону. Один неверный шаг, и он рухнет в бездонную пропасть. Полусонному, ему не удержаться от этого рокового шага.

Взяв себя в руки, Прайс оглядел нишу в скале. Это была скорее даже не ниша, а полукруглый грот диаметром около сорока футов. Золотой иней густым слоем покрывал черный базальт стен и округлого свода.

Внутри грота стояли четыре массивные продолговатые каменные глыбы, чем-то напоминающие большие широкие столы. Три плиты были пусты, но на четвертой неподвижно лежало человеческое тело, завернутое в блестящие золотыми кристаллами одеяния.

Это была Айса. Грудь ее мерно вздымалась и опадала.

Подбежав к камню, Прайс с замиранием сердца посмотрел на спящую девушку.

Ее нежное лицо, как и все вокруг, было покрыто мельчайшими кристалликами золотого инея. Прайс похолодел. Он осторожно провел рукой по щеке девушки и с облегчением увидел, как осыпается золотая пыль, оставляя после себя чистую белую кожу.

Возможно, Айса и в самом деле понемногу превращалась в существо из живого металла. Даже если и так, процесс, похоже, еще не успел зайти далеко.

— Айса! — закричал Прайс — Проснись, Айса!

Он затряс девушку за плечи, но она не пошевелилась.

Мерцающий туман явно действовал как снотворное. Девушка лежала, сраженная сном,

который тяжким грузом лег на плечи и самого Прайса.

Американец поднял Айсу на руки. Девушка не просыпалась. Она была теплая, ровно и глубоко дышала. Но Прайс не мог ее разбудить.

Беспросветное отчаяние охватило Прайса. И оттого, что он держал возлюбленную в объятиях, отчаяние становилось только сильнее. Он нашел свою любовь... нашел лишь для того, чтобы снова потерять. Если бы не усыпляющие свойства золотого тумана, он бы просто-напросто вынес девушку из подземелий. Вынес на свежий воздух, где она наверняка пришла бы в себя. Увы! В его теперешнем состоянии подобное было просто не под силу.

Не зная, что делать дальше, Прайс стоял возле Айсы. Стоял, борясь с коварным сном, глядя на непроходимую ниточку повисшего над пропастью моста. И тут он увидел Маликара.

Все так же держа в руке свернутый кольцами кнут, жрец шел по залу к мосту.

Первым порывом Прайса было бросить девушку и куда-нибудь спрятаться. Но это не имело смысла. Золотой человек наверняка уже его заметил. А даже если и нет, он, без сомнения, обратит внимание, что девушку трогали, что золотая пыль стерта с ее лица.

Не торопясь, Прайс осторожно положил Айсу обратно на каменную плиту. Взяв в руку топор, он подошел к выходу с моста.

Маликар невозмутимо двинулся через провал.

Ситуация выглядела совершенно безнадежной. Казалось, злая судьба не оставила Прайсу ни малейшего шанса. И почему только этот проклятый сон овладел им как раз в тот миг, когда он наконец-то нашел свою любовь? И почему именно в этот момент Маликар решил вернуться в подземный храм? Удача Дюранов... неужели она насмехается?

Прайс чувствовал себя донельзя усталым. Дышать было невероятно тяжело. Желтый туман удушливым комом застревал в горле. Веки словно налились свинцом. Сон, как прибой, бился о сознание. Бесконечный прибой на берегу океана забвения.

Все силы Прайса уходили на то, чтобы держать глаза открытыми. Он хотел заставить свое тело сражаться — хотя бы один удар топора по Маликару, так самоуверенно идущему через мост. Но волны сна поднимались все выше и выше... Они захлестывали разум... Они захлестнули Прайса, с головой окунув его в воды беспамятства.

Провал бездонный, как пустота между звездами.

Глава двадцать первая ВО ВЛАСТИ МАЛИКАРА

Прайс очнулся от вызванного желтым туманом сна в полной темноте. Раздетый догола, он лежал на жалкой кучке колючей соломы.

Попытавшись встать, американец пребольно стукнулся головой о низкий каменный потолок. Ошарашенный, он опустил на колени и начал на ощупь, руками изучать темницу, в которую попал.

Камера фута четыре в ширину и около семи в длину и с таким низким потолком, что выпрямиться во весь рост в ней нечего и думать. Стены из холодного, грубо отесанного камня, дверью служит толстая металлическая решетка...

Отчаяние охватило узника Маликара. Такой исход безумного похода внутрь горы можно было, наверное, предвидеть. Прайса, впрочем, это не утешало. И примириться со своим положением он не мог.

Маликар замуровал его внутри горы. Замуровал и, похоже, забыл о нем. Нестерпимо медленно тянулось время. Час за унылым часом...

Прайс стойко переносил муки голода и жажды. Какое-то время спустя он снова уснул и проснулся от зеленого света, пробивавшегося сквозь прутья решетки. У дверей камеры стояли три одетых в синее жреца с пиками в руках и с ятаганами на поясе. Отопкнув дверь, один из них просунул в камеру две глиняные миски — с водой и с похлебкой из мяса с мукой.

Прайс не заставил себя долго упрашивать и с жадностью принялся за еду.

Когда миски опустели, жрецы снова отомкнули дверь:

— Пошли!

Они зашагали по темному коридору, вдоль по ведущему вверх спиральному туннелю, вроде того, который шел в логово змея, и наконец, пройдя через высокую арку, попали в совершенно невероятную комнату.

Длинный зал, высеченный в черном вулканическом камне, несколько десятков футов в ширину, втрое больше в длину, с высоким готическим сводом. Но вот самая первая странность, бросившаяся Прайсу в глаза, — комната освещалась затененными электрическими лампами.

Вдоль боковых стен неподвижно замерли жрецы с символом золотого змея на лбах. Вооруженные пиками и ятаганами, они стояли, словно статуи, глядя прямо перед собой.

В дальней части комнаты, под матовыми электрическими светильниками, за массивным столом из красного дерева, который вполне мог бы украсить любой офис на Манхэттене, сидел Маликар.

Бесшумно крутился настольный электрический вентилятор. А рядом лежал длинный кнут, которым Маликар учил уму-разуму змея в зале золотого тумана.

Вдоль дальней стены за спиной Маликара располагались зеленые стальные шкафы для документов, книжные полки с переплетенными на азиатский манер фолиантами и длинная скамья с разного рода научными приборами: микроскоп, весы, химические пробирки, банки с реактивами... Тут же стояли фотокамера и медный телескоп.

Над скамьей висела карта мира, датированная 1921 годом и, судя по подписи, опубликованная весьма известным издательским домом Соединенных Штатов.

Здесь, в мрачном подземном зале, эти вещи, сделанные на цивилизованном Западе, выглядели ничуть не менее удивительными, чем все чудеса Золотой Земли. Прайс был поражен, что конечно же не укрылось от пристального взгляда Маликара.

— Не ожидал, что я окажусь таким космополитом? — резким и одновременно каким-то мертвенным голосом спросил желтый жрец.

Вопрос он задал на вполне приличном английском.

— Да, — кивнул Прайс. — Этого я действительно не ожидал.

— Ты ведь англичанин, не так ли?

— Американец.

— Понятно, — кивнул Маликар. — Десять лет назад мне довелось побывать в Нью-Йорке. Любопытный город.

Прайс промолчал.

— Со времени падения Рима, — продолжал Маликар, — я довольно часто посещал внешний мир. Последний раз я выбирался к вам в 1922 году: провел четыре месяца в Оксфорде и Гейдельберге — надо же было познакомиться с последними достижениями вашей, надо сказать, весьма топорной цивилизации. Домой я вернулся, совершив кругосветное путешествие. Тогда-то я заодно и побывал в твоей стране... Между прочим, насколько я понимаю, вы пришли сюда от моря по проложенной мною дороге?

— Ты имеешь в виду тропу черепов?

— Совершенно верно. Человеческий череп виден издали. Он прочен и удобен в использовании... Но сейчас меня больше интересует, чем я обязан радости видеть гостя в своем доме? Прежде всего, как тебя зовут?

— Прайс Дюран.

— Ты понимаешь, что тебя — ошибочно, разумеется — приняли за древнего короля Иру? Того самого, чью гробницу ты, похоже, ограбил.

— Может оно и так.

Желтые глаза испытующе глядели на Прайса.

— Скажи мне, Дюран, что тебя сюда привело?

Прайс заколебался. Чуть подумав, он решил, что скрывать ему нечего. Зачем

осторожничать? Хуже уже не будет.

— Я искал Айсу. Девушку, которую ты похитил.

— Ты, во всяком случае, честен, — с нескрываемой иронией произнес Маликар. — К сожалению для тебя, этой молодой женщине выпала высокая честь стать новой жрицей змея и... моей любовницей.

— Ты хочешь сделать ее золотой? — с трудом сдерживая гнев, спросил Прайс.

— Змей не примет обычного человека, — издевательски кивнул Маликар. — Верховная жрица должна иметь золотую кровь.

Скажи, Дюран, ты хотя бы понимаешь, в чем суть этого процесса? Золотой туман в логове змея возникает на основе редкого золотосодержащего соединения, формирующегося в вулканическом сердце земли. Оседая на стенах подземного храма, он образует золотой иней.

Попадая внутрь живого организма, это удивительное вещество заменяет в протоплазме воду, создавая новое живое соединение золотого цвета. Оно, между прочим, куда прочнее и выносливее, чем заурядная плоть.

— И ты полагаешь, что Айса пойдет у тебя на поводу? — зло спросил Прайс. — Ты же знаешь, она ненавидит тебя! И вполне заслуженно!

— Боюсь, сейчас она и в самом деле относится ко мне не так, как мне бы того хотелось, — оскалился Маликар. — Но когда кровь ее станет золотой, она уже не сможет уйти из-под моей власти. Врата смерти тоже будут для нее закрыты. Для укрощения Айсы, возможно, потребуется некоторое время, но время ничего не значит для счастливых бессмертных. Ничего, постепенно она научится меня любить.

Маликар злорадно и многообещающе улыбнулся. Наклонившись вперед, он поднял со стола тяжелый кнут и любовно погладил желтыми пальцами тонкую черную кожу. Не понять намека было невозможно.

Безумная ярость охватила Прайса при мысли о милой Айсе, похороненной в золотом теле, из которого нет спасения. Об Айсе, ставшей рабыней в руках этого ухмыляющегося демона. Больше всего на свете Прайсу хотелось сейчас свернуть Маликару шею.

Внезапно золотой жрец открыл ящик своего стола и вытащил оттуда тонкую кисточку и небольшой пузырек с золотой жидкостью.

— Мистер Дюран, — сказал он, глядя на узника ленивым и безразличным взглядом, — я готов сделать весьма необычное предложение. Мне нужно избавиться от тех золотоискателей, с которыми ты прибыл в мою страну.

— И ты освободишь Айсу... — с надеждой в голосе начал Прайс.

— Нет, — отрезал Маликар. — Но я дам тебе шанс спасти свою жалкую жизнь.

— Шанс?

— У тебя есть выбор, Дюран. Поклянись в верности змею и мне лично как верховному жрецу. Я нарисую у тебя на лбу символ твоей новой веры и сохраню тебе жизнь.

— И не подумаю...

— Тебе выбирать, — пожал плечами Маликар. — Стань рабом змея и живи. Или же ты станешь рабом другого змея... — он многозначительно посмотрел на кнут, — и умрешь в подземельях.

Самодовольная, издевательская жестокость этого предложения окончательно вывела Прайса из себя. Повернувшись, он выхватил из рук не ожидавшего ничего подобного жреца копьё и яростно бросился на сидящего за столом Маликара.

Но Прайс не сумел сделать и пяти шагов. Два стражника схватили американца и повалили на пол.

— Отпустите этого пса, — по-арабски скомандовал Маликар и с мерзким смешком поднялся из-за стола. В руках он держал кнут.

Стражники отскочили в стороны, а Прайс, ничего не видя перед собой от ярости, кинулся на врага.

Протянувшись, словно щупальце, длинный кнут обвился вокруг копья в руке Прайса.

Еще миг, и вырванное у американца оружие полетело в другой конец комнаты.

Но Прайс, подгоняемый слепой ненавистью, не остановился. Сжав кулаки, он наступал на этого издевательски ухмыляющегося золотого дьявола.

Снова щелкнул кнут. Прайс не почувствовал боли, хотя грудь его была распорота, словно от удара ножом. Затем кнут, будто живой, обвил ноги американца. Рывок — и Прайс тяжело рухнул на пол. Еще удар — и кровавая полоса пролегла по спине поднимающегося узника. Он опять двинулся вперед и тут же снова очутился на полу.

Пытаясь встать, Прайс заметил, что в зале появился золотой тигр. На его спине среди подушек на большой черной платформе, в каких в Индии ездят на слонах, сидела Викира, золотая женщина из миража. Она лениво наблюдала за происходящим, и во взоре ее Прайс не увидел ни жалости, ни любопытства. Ничего.

Вновь и вновь кнут, будто острый клинок, впивался в тело. Беспомощно лова руками разящий, как молния, инструмент пытки, Прайс, шатаясь под ударами, опять пошел на Маликара.

Глава двадцать вторая ГОСТЬ ВИКИРЫ

Текущая по телу кровь смыла безумную ярость, на время овладевшую Прайсом. Внезапно он осознал, что своим поведением только доставляет Маликару удовольствие. Сейчас лезть в драку, одному и безоружному, глупо и бесполезно. Его убьют, и чего он этим добьется?

Прайс остановился. Скрестив руки на груди, он замер под электрическими светильниками, выглядевшими столь неуместными в этой затерянной посреди пустыни стране.

И снова кнут впился в его тело. Прайс невольно вздрогнул, но не двинулся с места.

— Достаточно, мистер Дюран? — издевательски поинтересовался Маликар.

Прикусив губу, Прайс промолчал.

Маликар подал знак слугам, и они, опустив копья, повели узника к выходу из зала. Прайс прекрасно понимал, что его ждет.

Ему суждено вернуться обратно в подземелье, и живым он оттуда уже не выйдет.

Повернув голову, американец снова увидел золотого тигра. Громадная кошка неподвижно стояла посреди зала, а его прекрасная наездница, наклонившись к бортику похожего на платформу седла, задумчиво глядела на Прайса.

И тут в душе американца зародилась неясная, призрачная надежда. Он знал, что эта женщина и Маликар сейчас не больно-то ладят друг с другом. Он видел их поединок в логове змея. Видел схватку за власть над золотым монстром. Викиру вряд ли радует страсть Маликара к Айсе.

— Викира! — крикнул Прайс, бросаясь к тигру. — Помогите мне! Они похоронят меня заживо!

Но мольбы Прайса остались без ответа. Викира спокойно смотрела, как Маликар избивал своего пленника. И тогда Прайс не видел жалости на ее лице. Почему Викира должна жалеть его теперь?

Едва стоящий на ногах, Прайс судорожно цеплялся за последнюю соломинку, последний шанс, последнюю надежду...

— О Викира, помогите мне! Такая красивая женщина...

Она улыбнулась весело и загадочно. В ее зеленовато-желтых глазах появился интерес. Но не жалость.

Жрецы вокруг Прайса заколебались. Им, похоже, не хотелось слишком близко подходить к золотому тигру.

— Тащите этого пса в темницу! — сердито проревел Маликар.

Резкий приказ свершил то, чего тщетно пытался добиться Прайс. Раскосые глаза

женщины мстительно сверкнули. Викира улыбнулась.

— Незнакомец, — пропела она, — ты мой гость. Садись со мной.

— Он мой! — прорычал Маликар. — И если я решил, что он должен гнить в подземелье, значит, он будет там гнить!

— Только если я прежде не отвезу его в мой дворец, — с ядовитой улыбкой проворковала Викира.

— Вперед! — заорал Маликар жрецам. — Хватайте пса!

Одетые в синее воины двинулись к Прайсу.

— Только дотроньтесь до него, — ласково заверила их Викира, — и этой же ночью мой тигр наестся до отвала.

Жрецы замерли, со страхом оглядываясь на своего господина.

Маликар вышел из-за стола. Красный от крови кнут в его руках шелкал и шипел, как живая змея. Жрецы поспешно вжались в стены.

Викира засмеялась, и в ее переливчатом серебристом смехе звучала откровенная насмешка.

— Быть может, твой кнут может покорить змея, жрец, — сказала она, — но думаю, что Зор ему не под силу. Этот тигр пробыл со мной слишком долго.

Маликар явно заколебался, и, пользуясь моментом, Прайс, как мог, заковылял к тигру. Раны болели просто невыносимо. Пол качался под ногами, а лампы кружились перед глазами, словно огни карусели.

Наклонившись к тигру, Викира что-то прошептала ему на ухо. И громадное, размером со слона полосатое чудовище начало медленно наступать на Маликара. Тигр угрожающе зарычал, и весь зал задрожал от его рыка.

Маликар остановился. Кнут бессильно повис в его руке.

— Женщина, ты мне за это заплатишь! — В голосе верховного жреца звучала неприкрытая ненависть: — Думаешь, если у тебя золотая кровь, я не смогу тебя выпороть?!

— Я знаю, что ты не выпорешь меня... потому что не сможешь!

— Знай же, что ты больше не жрица змея! И никогда уже ей не станешь! Другой суждено занять твоё место!

— Мне это уже известно, — с холодной яростью в голосе ответила Викира. — Но возможно, я найду кого-то, кто сможет заменить тебя в роли верховного жреца. Разве не был Иру когда-то столь же велик, как и Маликар?

И она золотой рукой показала на обливающегося кровью Прайса.

— Этот ублюдок вовсе не Иру! — прорычал жрец. — Он обманщик и авантюрист, ограбивший усыпальницу мертвого короля!

— А разве сам Маликар не был когда-то обманщиком и авантюристом? — язвительно поинтересовалась Викира. В голосе ее зазвучала угроза. — Ты лучше сторожи свою новую жрицу, Маликар. А то как бы она ненароком не упала в пропасть или не попала на обед змею.

И снова Викира что-то прошептала на ухо тигру. Повинуясь ее команде, гигантское животное легло на пол, и женщина легко спрыгнула на пол. Подбежав к Прайсу, она скинула широкий зеленый плащ и набросила его на окровавленные плечи американца.

— Пошли, — прошептала она. — Скорее, пока этот гад не придумал какую-нибудь новую пакость.

Шатаясь, Прайс двинулся к замершему в неподвижности тигру. Тонкая желтая рука женщины подхватила его под плечи. С неожиданной силой Викира подсадила Прайса на платформу, где он без сил повалился на мягкие подушки.

Подскочив к своему столу, Маликар ударил в висящий за ним большой медный гонг. Тревожный звон поплыл по комнате. Сквозь наполнявший его голову туман Прайс слышал крики команд, звон оружия и топот ног в идущих к залу коридорах.

Викира легко запрыгнула на платформу рядом с Прайсом и подала тигру новую команду. Громадное животное поднялось на ноги — одним движением, легко и плавно,

совсем не так, как неуклюже встают с земли верблюды.

Викира что-то крикнула, и тигр, повернувшись, большими прыжками помчался прочь из зала.

— Женщина, ты мне за это заплатишь! — ревел сзади Маликар. — Ты и этот пес, о которого ты осквернила свои руки...

Что еще хотел сказать Маликар, Прайс уже не слышал — тигр выбежал из зала и понесся по длинному коридору, освещенному редкими факелами. Электрические лампы, похоже, использовались лишь в кабинете Маликара.

— Мы должны спешить, — прошептала Викира, и в голосе ее звучала тревога. — Или Маликар закроет ворота и отрежет нас от моего дворца.

По ее команде тигр помчался еще быстрее, Прайсу казалось, что он просто летит. Завернув за угол, беглецы нырнули в уходящий вверх наклонный туннель. Далеко впереди появился крошечный кусочек неба, ослепительно синего для глаз, успевших привыкнуть к полумраку подземелий.

Протянув руку за спину, Викира вытащила из-под подушек короткий, странных очертаний металлический лук. Взяв стрелу из полного колчана, укрепленного в углу платформы, она наложила ее на тетиву.

Внезапно впереди, на фоне светлого квадрата неба, замельтешили какие-то темные фигуры. Раздался пронзительный скрип блоков.

Золотые ворота закрывались, и с каждой секундой просвет между створками становился все меньше и меньше.

Викира натянула лук. Коротко прозвенела тетива, и со стороны ворот долетел чей-то пронзительный крик. Скрип блоков стих.

Не снижая скорости, тигр проскользнул в полуоткрытые ворота. Щель была узкой, и края платформы чуть не задели о створки.

В следующий миг тигр и его всадники вылетели на солнце, такое яркое, что Прайс на время даже ослеп. Почувствовав внезапную слабость и головокружение, американец откинулся на подушки и закрыл глаза рукой. Какое-то время спустя он почувствовал у себя на плече ладонь Викиры.

— Добро пожаловать в мой замок Вирл, — прошептала женщина. — Отдыхай и ничего не бойся. Ты теперь гость Викиры.

Она помогла Прайсу подняться.

— И я твоя рабыня, — вкрадчивым, соблазнительно сладким шепотом добавила Викира.

Глава двадцать третья ЗОЛОТЫЕ ЛЮДИ

Несколько минут Прайс лежал, полностью расслабившись. Горячее ослепительное солнце было удивительно приятным тому, кто чудом вырвался из мрачных подземелий Маликара. Его жгучие лучи буквально возвращали Прайса к жизни. Даже раны, казалось, болели на свету не так сильно.

Наконец Прайс сел. Хотелось поглядеть на удивительный, пристроившийся на вершине неприступной горы дворец.

Прайс поднял взор и даже ахнул при виде невообразимой роскоши раскинувшихся вокруг восточных садов. Тигр шел через широкий двор, окруженный колоннадами из блестящего золота и сверкающего белого мрамора. Рядом — темные, кристально чистые пруды с берегами, поросшими густой травой, и чистящие перышки белоснежные голубки. Стройные пальмы, высоко поднявшие изумрудно-зеленые мохнатые кроны. Кустарники с яркими цветами, наполняющими воздух сладостным, прохладным ароматом.

А на другой стороне двора поднимались бело-золотые башни Вирла. Тонкие витые колонны поддерживали висящие над зеленью ажурные балкончики. Высокие, вырезанные

трилистником арки окон, пузатые купола и стройные минареты... Архитектура была типично арабской, вот только материал выглядел непривычно. Золото и мрамор. И ничего больше.

В неистовом солнечном сиянии на дворец было бы больно смотреть, если бы не холодная зеленая тень сада.

Глядя по сторонам, Прайс не мог прийти в себя от изумления. То, что он видел, удивительно напоминало его мечты во время мучительных скитаний по пустыне. Сходство было столь разительным, что американец даже засомневался: не мираж ли перед ним? Не иллюзия ли вся эта роскошь? Не галлюцинация ли, порожденная больным, поврежденным лишениями рассудком?

Неужели ему все это мерещится?

Повернувшись, Прайс схватил за руку сидящую рядом золотую женщину. Ее кожа блестела, как червонное золото, но на ощупь была теплой и мягкой, и под атласной поверхностью чувствовались крепкие, упругие мускулы.

— Женщина из золота, ты настоящая или нет? — не зная, чему верить, спросил Прайс.

Он заглянул ей в лицо. Странное. Непривычное. Овальное. Удивительно красивое. Цвета бледного золота в обрамлении красноватого золота волос. Чуть раскосые зеленовато-желтые глаза, такие же, как у тигра; глаза загадочные и непроницаемые, прячущиеся за тяжелыми золотыми ресницами.

— Я более реальна, чем ты, Иру. Ибо я из золота, а ты из обычной плоти. Я такая, какой была в дни расцвета Энза, когда его население исчислялось миллионами. И я останусь такой, как сейчас, даже когда твои кости высохнут, как руины Энза.

Викира улыбнулась, и в ее взоре Прайс прочитал непонятный вызов.

— Может, оно и так, подруга, — по-английски пробормотал Прайс, — но, по-моему, ты блефуешь, готов биться об заклад.

Силы измученного тела были на исходе. В глазах потемнело, и он без сознания повалился на руки Викиры.

Прайс пришел в себя в самой великолепной, хотя, возможно, и не самой удобной комнате из всех, в каких ему только доводилось жить. Комната была очень большая и просторная, с громадными дверями и шелковыми занавесями. Толстые ковры в несколько слоев покрывали мраморный пол. Панели из чистого золота украшали белые алебастровые стены.

Из своей огромной, с балдахином, постели Прайс сквозь широкое незастекленное окно видел раскинувшиеся под базальтовыми стенами горы лавовые поля. Эти поля тянулись до самого оазиса Эль-Ярим и дальше, до желтых песков мертвой пустыни.

Пошевелившись, Прайс с удивлением осознал, что чувствует себя преотлично. Головокружение прошло без следа, и даже раны от кнута зажили как по волшебству. Они не могли затянуться за один день. Прайс понял, и Викира потом это подтвердила, что он несколько суток провел в беспамятстве, вызванном особыми лекарственными настоями. Викира, как оказалось, неплохо разбиралась и в химии, и в медицине.

Проснувшись, Прайс с некоторым смущением обнаружил, что стал объектом внимания сразу шести служанок. Шести молодых женщин, высоких, весьма миловидных, с темными волосами, тонкими губами и совершенно арабскими орлиными носами. Все они были одеты в короткие темно-зеленые туники. На поясе у каждой висел длинный золотой кинжал, а на лбу красовалось клеймо в виде свернувшегося кольцами золотого змея.

Женщины принесли Прайсу белый шелковый костюм (его собственная одежда осталась в руках Маликара), предложили еду, воду и вино. Он пытался поговорить с ними, но, хотя женщины и старались изо всех сил услужить ему, на вопросы отвечать не хотели.

Все еще чувствуя некоторую слабость, Прайс в этот день даже и не пытался выйти из отведенных ему покоев. А вечером пришла сама Викира. Прайс вежливо поднялся ей навстречу.

Викира приветствовала его как Иру, справилась о здоровье и уселась рядом на мягком диване. Девушки (Прайс так и не разобрался, были они только служанками или же еще и тюремщицами) удалились на почтительное расстояние.

— Должен сразу тебе сказать, — беря быка за рога, начал Прайс, — ты назвала меня Иру. Но я не ваш древний король. Меня зовут Прайс Дюран, и родился я на другом конце света.

Зеленоватые раскосые глаза нарочито внимательно оглядели лицо Прайса, его широкие плечи, крепкие мускулистые руки.

— Ты Иру, король Энза, — наконец сказала Викира, и голос ее звучал совершенно спокойно. — Кто лучше меня знал старого Иру? Ты — это он. И не важно, что снова ты родился не здесь, а в чужой далекой стране.

— Значит, ты его знала? — небрежно поинтересовался Прайс. Ему очень хотелось побольше выяснить о древнем правителе, на которого он якобы так невероятно похож. А еще он старался вести себя с Викирой как можно естественнее.

— Так ты забыл меня? Тогда я расскажу тебе историю древнего Иру, ибо это только начало той же самой истории, в которой мы все сейчас живем. Ты, я, Маликар и Айса.

Услышав имя своей возлюбленной, Прайс невольно вздрогнул.

— Ага... — загадочно улыбнулась Викира. — Ее, значит, ты все-таки помнишь?

— Я знаю девушку с таким именем, — кивнул Прайс. Он старался сказать это небрежно, но Викира, похоже, все равно угадала его настоящие чувства. В ее глазах вспыхнула ненависть.

— Айса родилась снова, как и ты сам, — прошипела она. — Мы четверо встретились опять. Встретились, чтобы завершить драму, начавшуюся в годы юности Энза.

Викира грациозно откинулась на спинку дивана. Поправила густую, искрящуюся массу красно-золотых волос и снова стала совершенно невозмутимой.

— Когда я была совсем девчонкой и кровь моя еще не стала золотой, в Энзе правил король Иру. Народ любил его, ибо был он красив и силен и славился своей отвагой и искусством владения золотым топором. И ты — это он!

Прайс только покачал головой.

— У тебя его гибкое, высокое тело, его голубые глаза и рыжие волосы... такое нечасто встречается в нашем народе. И это еще не все! Мне знакомо твое лицо!

Так вот, в те далекие годы город Энз был поистине велик. В нем жили миллионы людей. Ползучие пески были еще далеко. Дожди приходили каждую зиму. Озера и бассейны были всегда полны водой, а поля и пастбища не оскудевали.

Тогда не было золотых существ, кроме одного только золотого змея. Змей этот жил в горе со времени появления здесь людей. Иногда через пещеру он вылезал на поверхность поохотиться. Народ Энза почитал его за бога и в его честь воздвиг под горой храм.

Во времена Иру верховным жрецом змея был Маликар, смельчак и искатель тайного знания. Как и многие жрецы до него, он знал правду о своем боге. Маликар спустился в пещеру и нашел там пропасть, полную золотым паром, поднимающимся от огней внутренней земли. И все существа, которые им дышали, превращались в живое бессмертное золото.

Змей был самой обычной рептилией, устроившей свое логово внутри горы, не больше бог, чем любая другая змея. Он спал в тумане, дышал им и стал бессмертным.

Проведя кое-какие эксперименты, Маликар понял, как сделать кровь золотой.

Что касается тебя... или Иру, если тебе так угодно... ты был воином и охотником. Ты не знал секрета змея, но почитал его за зло. Ты постановил, что труд и жизни Бени-Энз не будут более приноситься в жертву змею. Ты приказал жрецам покинуть храм. За это Маликар и возненавидел тебя. Он решил уничтожить тебя, сделать своего бога всемогущим и править Бени-Энз и как верховный жрец, и как король.

Но вы с Маликаром ненавидели друг друга и по другой причине. В те годы я, как я уже говорила, была совсем молодой и в жилах моих еще не текла золотая кровь, как течет сейчас.

Тогда я была принцессой Энза, и ты любил меня. Ты говорил тогда, что я прекрасна. Мы были помолвлены и вскоре должны были сыграть свадьбу. Но Маликар тоже желал обладать мною.

Ты, Иру, привел своих солдат к храму. Жрецы бежали перед твоим золотым топором. Ты разрушил храм и замуrowал выход из пещеры змея.

Видя, что Иру побеждает, Маликар бросил остальных жрецов и по тайному ходу пробрался внутрь горы, к пропасти золотого пара. Там он проспал много дней и ночей, пока золотой туман не пропитал его тело, подарив Маликару и нечеловеческую силу, и бессмертие.

Что касается этой девушки, Айсы, то она была рабыней. Я купила ее у торговцев, прибывших в нашу страну с севера. Однажды Иру увидел Айсу и захотел, чтобы она принадлежала ему. Так как мы собирались пожениться, мне вовсе не понравилось такое желание моего жениха.

Я ответила, что Иру получит девушку, но только в том случае, если обменяет ее на ручного тигра.

Пока Маликар спал во власти золотого тумана, Иру отправился в горы, один на один сразился с тигрицей и привез в Энз маленького тигренка. Он приручил его, и мне не оставалось ничего другого, как отдать королю Айсу. Но лучше бы он оставил себе тигра!

Маликар спал в горе, пока его кровь не стала золотой. Тогда он вывел змея на волю и вместе с ним отправился к обитающим в пустыне диким племенам — проповедовать новую религию. Маликар утверждал, будто он умер и родился снова. Родился сыном змея, с неуязвимым золотым телом.

Народы пустыни поверили Маликару. Разве его тело и в самом деле не было золотым? Разве оно не стало столь крепким, что о него тупились самые острые мечи?

Собрав армию, Маликар повел ее на Энз. Змея он взял с собой, дабы тот холодом своего взора превращал врагов в статуи.

Но ты, Иру, был великим воином. Ты собрал все стада и всех земледельцев за крепостными стенами. А потом во главе своих воинов и с Корлу в руке вышел на бой и наголову разбил кочевников, разметав их по бесплодной пустыне.

Но ты не сумел убить ни Маликара, ни змея. Они ведь были золотые. Ты мог только вернуться в Энз и закрыть перед ними городские ворота.

Потерпев поражение, Маликар решил пойти на хитрость. Он отправил змея обратно в гору. А сам, перекрасив свое лицо и тело (он и сейчас так порой поступает, когда хочет никем не узнанным посетить внешний мир), пробрался в Энз. Маликар решил тебя убить.

Но и тут он ничего не мог сделать. Тебя всегда окружали твои воины, и ты не расставался со своим верным топором.

Тогда Маликар нашел другой путь. Он отправился к рабыне, к Айсе. Я и сейчас не знаю, как он уговорил ее. Быть может, обещал золота, которого в пещере змея было сколько угодно. Быть может, запугал ее змеем. А может, оказалось достаточно его поцелуев.

Так или иначе, Айса подмешала тебе в вино яд, и ты, ничего не подозревая, выпил отравленный напиток. Ты умер. Но предательство не принесло счастья рабыне. Почувствовав на губах яд и поняв, кто тебя отравил, ты, уже умирая, зарубил Айсу топором.

Вот тут-то Маликар и вышел из тени. Он объявил себя мстителем за оскорбленного бога-змея. Бени-Энз, оставшиеся без монарха, склонили перед ним головы. Они послали змею дань из многих рабов, и Маликар стал править Энзом одновременно и как верховный жрец, и как король.

Он повелел высечь новый храм в самом сердце горы, среди золотого тумана. А потом силой увел меня в свой новый храм и оставил меня спать, дыша золотым паром, пока и моя кровь не стала золотой. Он хотел на веки вечные сделать меня своей рабыней. Но ручной тигренок, которого Иру в недобрый час поймал и обменял на Айсу, последовал за мной в подземное святилище.

Там он уснул и, проснувшись, тоже стал золотым. Убить его Маликар не мог, а Зор

любил меня и выполнял все мои приказы. Год за годом тигренки рос, становясь все больше и больше. Возможно, он стал таким громадным потому, что совсем не вырос в то время, пока спал во власти золотого тумана. Во всяком случае, сейчас даже змеи боятся силы Зора.

Вот и вся история золотой крови.

Прайс мог только поражаться этому удивительному рассказу. Нельзя сказать, что он верил в реинкарнацию. Но и отменить ее с порога он тоже не стал бы. Американец прекрасно знал, что для сотен миллионов людей вера в реинкарнацию лежит в основе их религии.

Да, рассказ Викиры объяснял многое из того, что не давало Прайсу покоя. Он звучал довольно правдиво. Весь, за исключением только одной детали — что Айса была убийцей.

Викира наклонилась к Прайсу, и благоухающие цветочным ароматом волосы красным водопадом рассыпались по ее плечам.

— Такова история, Иру. Сотни поколений живу я в этом дворце, построенном для меня Маликаром. Живу без любви и без надежды на приносящую избавление смерть. Живу в ожидании тебя, мой Иру!

Много раз я думала броситься в золотую пропасть. Но я знала, что когда-нибудь ты родишься снова, мой Иру. Знала, что когда-нибудь ты придешь ко мне. Придешь, пусть даже новые земли поднимутся из морской пучины и новые пустыни загородят тебе путь.

Золотая женщина тесно прижалась к Прайсу. Ее руки, такие мягкие и вместе с тем нечеловечески сильные, нежно обняли его за шею. Она подняла к нему лицо, и ее алые губы раскрылись в жадном, нетерпеливом приглашении.

Какой-то миг Прайс еще колебался. Потом жгучая, нестерпимая страсть к этой женщине захлестнула врожденную осторожность. Он обнял Викиру, их губы слились в горячем, ненасытном поцелуе, и ее прикосновение ввергло Прайса во всепожирающее пламя сладкого блаженства...

Глава двадцать четвертая ЗЕРКАЛА МИРАЖА

Когда Викира ушла и страсть Прайса немного остыла, он ощутил странную неловкость при мысли о том, что между ними произошло. А вспоминая Айсу, даже почувствовал себя виноватым. Но как ни крути, а золотая женщина спасла ему жизнь. Пара поцелуев — не такая уж дорогая плата за избавление от верной и мучительной смерти.

При желании Прайс мог бы найти и другие оправдания своей быстрой капитуляции перед золотой красотой Викиры. Только ее добрая воля могла помочь Прайсу спасти Айсу. Правда, особо рассчитывать на это не приходилось. Викира, похоже, от всего сердца ненавидела несчастную девушку. Но как бы там ни было, неудовольствие Викиры наверняка означало молниеносное возвращение в темницу Маликара.

И честно говоря, Прайс не рассчитывал выбраться оттуда снова.

Впрочем, оправдания — они и были оправданиями. Говоря по совести, Прайс, сжимая в страстных объятиях Викиру, ни о чем таком не думал.

На следующее утро после завтрака, в сопровождении четырех вооруженных золотыми кинжалами «служанок», Прайс пошел осматривать дворец. Он гулял среди величественных колоннад и роскошных, буйных садов, выискивая способ сбежать из Вирла.

Он решил удрать — если, конечно, это вообще возможно. Викира, разумеется, не захочет помогать ему в спасении Айсы. Кроме того, Прайс подозревал, что ему могут не очень понравиться планы Викиры на его собственный счет. Но при всем том побег казался невозможным. Что мог он сделать, безоружный, когда за каждым его шагом следило сразу несколько жриц?

— Эфенди Дюран!

Хорошо знакомый голос заставил Прайса в удивлении оглянуться. Повернувшись, он увидел Фархада аль-Ахмеда, идущего к нему по пальмовой аллее. Старый бедуин был безоружен, а за ним, словно тень, следовала одна из девушек Викиры с кинжалом на поясе.

— Мир тебе, шейх, — приветствовал его американец. — Ты тоже стал гостем Викиры? Старый араб отвел Прайса в сторону, подальше от сопровождавших девушек-воительниц.

— Три дня назад, — прошептал он сквозь рыжую бороду, — эфенди Гарт послал меня и моих людей разведать новый путь к горе. По дороге на нас неожиданно напала золотая джиния на громадном тигре. Тигр убил трех моих воинов, а сам я попал в плен. Так я и оказался в этом замке Иблиса.

Шейх еще больше понизил голос и, опасливо косясь на жриц, едва слышно прошептал:

— Но я еще могу спастись. Эта женщина со мной... она знает, что такое настоящий мужчина! — Фархад скабрёзно осклабился. — Ее зовут Незира. Прошлой ночью она обещала мне помочь. Я знаю, как обращаться с женщинами, так ведь?

Прайс улыбнулся.

— Эфенди, — продолжал Фархад, — когда настанет время, вы пойдете со мной? Бисмилла! Я не хочу оказаться в одиночестве в стране ифритов!

— Да, — кивнул Прайс, — я пойду с тобой.

По правде говоря, он не очень-то верил в способность старого араба соблазнить тюремщицу и еще меньше надеялся на то, что, пусть даже и с ее помощью, они смогут бежать из дворца.

Они расстались с Фархадом, и Прайс, в сопровождении своих служанок, пошел дальше глазеть на сказочное великолепие Вирла.

Вскоре его догнала ехавшая верхом Викира. Она сменила зеленое платье на переливающуюся, металлически поблескивающую желтую тунику, плотно облегающую ее роскошное, по-кошачьи гибкое тело. Красно-желтые волосы были убраны назад полосой из такого же материала, как и туника. В целом в сочетании с золотом кожи наряд этот выглядел весьма и весьма эффектно.

Велев тигру лечь на землю, Викира жестом предложила Прайсу сесть рядом с ней.

— Иру, — сказала она, протягивая Прайсу руку, — я хочу, чтобы сегодня утром ты побывал со мной в мираже.

— В мираже?

— Да, Иру. Я хозяйка иллюзий. Ты их и сам видел. Это тайна древнего Энза. Когда-то давным-давно наши мудрецы познали законы миража. Они придумали особые зеркала... использовали и другие силы... и в итоге подчинили миражи своей воле.

— Но как...

— Скоро сам все увидишь. В зале иллюзий.

Она подала команду, и громадный тигр, не носивший ни узды, ни поводьев, поднялся с земли и быстро побежал вдоль величественной колоннады из белого мрамора и сверкающего на солнце желтого золота.

Поправив подушки, Викира придвинулась поближе к американцу. Платформа, на которой они ехали, мерно покачивалась в такт бегу тигра, заставляя седоков соприкасаться. Прайс чувствовал жаркую силу тела золотой женщины, густой, пьянящий аромат ее волос.

Тигр привез их в главное здание замка и начал подниматься по завитому спиралью коридору в большую центральную башню. Сквозь незастекленные окна американец видел бело-золотые флигели дворца, а за ними — мрачное, безбрежное море пустыни, над которым колыхалось густое синее марево.

И вот наконец они выехали в удивительный зал, расположенный на самой вершине башни. Бесшумно и осторожно тигр шагнул на гигантское зеркало, вырубленное, похоже, из одного невозможно большого кристалла.

Не скрывая изумления, Прайс глазел по сторонам. В этом зале не только пол был сделан из отражающего свет кристалла. Стены тоже были зеркальные — странно изогнутые, неправильной, непривычной формы. Отражаясь друг в друге, они придавали помещению обманчивую картину бесконечной анфилады зеркальных залов, делая невозможным оценить реальные размеры зала. Крыша представляла собой еще одну плоскость сверкающего

кристалла, в которой зияло большое отверстие. Сквозь него безмятежно синело далекое небо.

Тысячу раз... десять тысяч раз... в зеркальных стенах, на полу и на потолке Прайс видел отражения самого себя и Викиры, сидящих верхом на тигре. Эта картина повторялась снова и снова, то многократно увеличенная, то уменьшенная почти до неузнаваемости.

Протянув руку, Викира коснулась маленького пульта с пятью крохотными дисками. До этого момента Прайс его даже и не замечал. Идеально отполированный, он буквально растворялся среди множества зеркал.

Викира нажала на красный диск. И тут же у себя под ногами Прайс услышал сердитое гудение скрытых под кристаллическим полом механизмов. Зеркала дрогнули, завертелись, отражения вокруг как-то странно поплыли. Ровный пол голубого кристалла тянулся во все стороны, сколько хватало глаз. По этой сверкающей равнине, с каждым мигмом становясь все меньше и меньше, улетало прочь отражение золотого тигра с его седоками. Буквально за пару секунд оно превратилось в черную точку, а потом и вовсе исчезло.

Только синий свод небес по-прежнему отражался в кристаллах, и чудилось, что тигр сам собой висит в голубой небесной пустоте.

Викира дотронулась до зеленого диска. Откуда-то донесся вой еще одного таинственного устройства. Воздух вокруг задрожал. Запахло озоном — очевидно, где-то совсем рядом шли мощные электрические разряды.

— Смотри! — воскликнула Викира. — Искривление света, рождение иллюзии!

Прайс увидел, как на зеркалах начали появляться черные точки. Там изображения исчезали. Точки сливались в темную линию далекого горизонта, в еле видимые куски пустыни. Все это плыло и кружилось в фантастическом танце желтого песка и сапфирового неба.

Постепенно изображения становились все четче, все крупнее, пока не слились, обретя окончательную форму.

Прайс посмотрел вниз. В нескольких сотнях футов под ним — так, во всяком случае, казалось — от горизонта до горизонта тянулись ржавые барханы, залитые жарким маревом пустыни. Иллюзия была необычайно реальна. Он видел свое тело, и женщину рядом, и тигра, на котором они сидели, и... пустыню. Гора, черные лавовые поля вокруг, замок — все исчезло без следа.

Викира улыбнулась, словно ей доставляло удовольствие видеть растерянность Прайса, и нажала на желтый диск. И сразу же, хотя Прайс, разумеется, не ощущал никакого движения, пустыня поплыла у него под ногами. Промелькнули обширные, сверкающие на солнце солончаки, остались позади желтые выходы известняка и глиняные пустоши.

Прайс осторожно потянулся к висящим в пустоте дискам. Где-то там, в воздухе, он нащупал ставший совершенно невидимым пульт. И тут же резкое покалывание в пальцах заставило американца поспешно отдернуть руку.

— Осторожнее, — предостерегла его Викира. — Вся башня сейчас заряжена энергией, позволяющей этому устройству искривлять световые лучи. Помни, что ты не бессмертный... пока.

Она коснулась зеленого диска, и Прайс, посмотрев вниз, увидел, что они неподвижно висят над оазисом Эль-Ярим.

Оазис широкой полосой, зеленой от финиковых пальм, пастбищ и полей, протянулся по черной лавовой равнине. Сверху виднелись квадратные, прилепившиеся друг к другу домики города и крохотное, окруженное зеленью озеро. А на его берегу — лагерь.

Белые шатры, серая машина танка... значит, Сэму удалось вернуться. А еще — укрытые брезентом штабеля припасов, черные шатры бедуинов Фархада и стада пасущихся верблюдов.

И две вещи, которые Прайс никак не ожидал здесь увидеть. Во-первых, блестящая, натянутая на шестах проволока — без сомнения, радиоантенна. А во-вторых — гладкое, расчищенное поле за лагерем, на котором сидели сразу два аэроплана. Обтекаемые

серокрылые военные бипланы с пулеметами, мрачно глядящими из кабин, и бомбами, аккуратными рядами разложенными по соседству.

Рядом с одним из самолетов Прайс заметил Якоба Гарт в неизменном выцветшем хаки и белом тропическом шлеме. Задрав голову, Гарт глядел прямо на него.

Сперва Прайс даже растерялся. Впрочем, он быстро все сообразил. Теперь стало ясно, почему Гарт так упорно возражал против того, чтобы взять с собой самолеты. Заранее, никому ничего не говоря, англичанин подготовил аэропланы и оставил их в руках неизвестных Прайсу союзников. Он тайно взял с собой радиопередатчик и, соорудив летное поле, по радию передал координаты. И вот аэропланы здесь.

Теперь Прайс знал, почему Якоб Гарт с такой легкостью взорвал шхуну. Имея в резерве самолеты, англичанин уже не нуждался в корабле. Кроме того, стало понятно стремление Маликара заручиться его поддержкой против белых искателей сокровищ.

— Это машины войны? — спросила Викира, показывая на бипланы.

— Да. На них люди поднимаются в воздух... И, если надо, сражаются.

— Ты думаешь, они будут атаковать гору?

— Не сомневаюсь. Якоб Гарт так просто не отступит.

— Якоб Гарт? Он был твоим шейхом?

— Моим — нет. Но сейчас там командует он.

— Ты его видишь?

— Да. Вон тот высокий мужчина возле дальней крылатой машины.

— Это я и хотела узнать, — кивнула Викира.

Она коснулась центрального диска, и гул машин, к которому Прайс, сам того не замечая, успел уже привыкнуть, стих. Оазис внизу рассыпался на тысячу фрагментов, на тысячи разрозненных отражений в бесчисленных зеркалах.

Постепенно изображение угасло. Какой-то миг зеркала оставались пустыми, сияя ультрамарином безоблачного неба. А потом множество черных точек нарушили ровную синеву. Они росли, сливаясь друг с другом, и вскоре в неподвижных кристаллах вновь возникли отражения золотого тигра и его наездников.

Бесшумно переступая мягкими лапами, тигр прошел по кристальному полу и покинул зал иллюзий.

Глава двадцать пятая КОРОНА ЭНЗА

На следующий день, проснувшись на рассвете, Прайс обнаружил трех из шести своих служанок, или тюремщиц, ждущих у его постели. Они принесли ему завтрак, а когда Прайс поел и вышел из покоев, последовали за ним, держась позади на почтительном расстоянии в десять ярдов.

И вновь Прайс бродил по замку в тщетной надежде найти способ побега. Теперь, когда у Якоба Гарта были аэропланы, он наверняка начнет штурм горы. И между прочим, с неплохими шансами на успех. Прайсу очень хотелось бы присоединиться к нему и попробовать еще раз освободить Айсу.

Два часа он ходил по дворцу, и два часа три вооруженные женщины буквально дышали ему в затылок. Стена, идущая вдоль обрыва вокруг расположенного на вершине замка, достигала в высоту добрых сорока футов. Словно зубья пилы, торчали на ней сторожевые башни, в которых днем и ночью несли службу жрицы-дозорные. Короче, покинуть Вирл без разрешения Викиры казалось совершенно невозможным.

И на этот раз, возвращаясь к себе в покои, Прайс встретил Фархада аль-Ахмеда, чуть ли не в обнимку разгуливающего со служанкой-тюремщицей.

Проходя мимо, шейх многозначительно подмигнул Прайсу и прошептал:

— Приходите в полночь в средний двор у восточной стены, эфенди. — Еще раз подмигнув Прайсу, он игриво ткнул жрицу в бок.

Женщина в ответ хитро улыбнулась:

— Вы придете, сагиб?

Прайс кивнул. Он подозревал, что жрица оставит их с шейхом в дураках. Кроме того, американец не представлял себе, как она, пусть даже и при самом горячем желании, сможет организовать им побег. Путь через подземные коридоры был наглухо закрыт Маликаром и его людьми. Спуститься со стены? Но как же одолеть отвесные и неприступные склоны горы в полмили высотой? Впрочем, почему бы не рискнуть? Прайс решил встретиться с Фархадом... если, конечно, ему удастся ускользнуть от своих собственных охранниц.

Тем вечером Викира вновь пришла в комнату Прайса. За ней рабыня несла вещи, отнятые Маликаром, — одежду, кольчугу, овальный щит и боевой топор короля Иру.

— Я заставила Маликара отдать все это мне, — сказала Викира. — Ты хотел бы сохранить топор?

— Конечно, — кивнул Прайс, удивленный и обрадованный неожиданным возвращением своих вещей.

— Тогда пообещай не использовать его в Вирле.

— Обещаю.

— Слово Иру крепко, как стены Энза, — сказала Викира и, кокетливо улыбнувшись, добавила: — Иру, я приглашаю тебя поужинать со мной. На закате. Рабыни принесут тебе подходящие одежды.

Вскоре, отказавшись от помощи вооруженных жриц, Прайс уже натягивал на себя варварски роскошный наряд. Камис из белоснежного, бесконечно тонкого шелка, абу из плетеных серебряных нитей, подбитую алым шелком и отороченную ярко-красным... Похоже, Прайса ждало что-то знаменательное, а не просто рядовой ужин.

Когда американец оделся, девушки провели его по длинной анфиладе комнат между витых колонн, где играли в чехарду золото и белый мрамор.

День угасал, и длинные загадочные тени протянулись по трапезной. Воздух тут был удивительно и восхитительно прохладным. Приятно пахло благовониями, словно они курились в горящих вдоль стен факелах.

Вооруженные жрицы остановились у занавешенного входа. Дальше Прайс пошел один. Он шел по мягким коврам к возлежащей на широкой низкой кушетке Викире и чувствовал себя весьма неуютно. Непривычное серебряное одеяние было тяжелым и слишком жестким.

Поднявшись с подушек, Викира стоя приветствовала Прайса. На фоне ало-красного платья тело ее казалось почти белым; черная лента в волосах подчеркивала их восхитительную пышность. Раскосые азиатские глаза горели опасным огнем.

Подведя Прайса к кушетке, Викира попыталась усадить его рядом с собой. Поспешно отодвинувшись, американец устроился напротив.

— Послушай, Викира, — начал Прайс, глядя на рассердившуюся хозяйку дворца. — Я не хочу с тобой ссориться. Но ты должна понять, что я не собираюсь продолжать любовную историю, начавшуюся пару тысяч лет назад. Мне бы только...

Она остановила его резким повелительным жестом:

— Разве я не красива?

Тут говорить было не о чем.

— Ты очень красива, — признал Прайс.

Но красота Викиры казалась ему холодной и даже в чем-то страшной. Впрочем, об этом американец предпочел умолчать.

— Что же ты хочешь, Иру, такого, что я не могу тебе дать? — прошептала она.

— Викира, ты просто не понимаешь...

— Чего желают все мужчины на свете? — прервала его золотая женщина. — Любви? Молодости? Богатства? Власти? Славы? Знаний? Иру, я предлагаю тебе все это сразу!

— Но...

Викира нетерпеливо пожала плечами:

— Ты говоришь, что я красива. Я готова подарить тебе мою любовь, пронесенную сквозь сотни поколений. Любовь, своей силой воскресившую тебя из мертвых!

Прайс хотел возразить, но понял, что любые его слова только еще больше рассердят Викиру.

— Тебе нужна молодость? Когда твоя кровь станет золотой, ты навечно станешь молодым. Как и я сама. Краткий сон в золотом тумане — и молодость твоя никогда не кончится!

Глаза Викиры горели.

— Богатство? Посмотри кругом. Мой дворец принадлежит тебе. Как и все золото в логове змея. Тебе этого мало?

Слава? Стань самым сильным из людей, самым богатым и к тому же бессмертным, и чего ты не сможешь совершить?

Знания? Разве тебе не хочется узнать древние секреты засыпанного песками Энза? У меня есть книги древних мудрецов. Зал иллюзий. Золотые зеркала. И многое-многое другое. Ты готов отвернуться от всех этих чудес?

— Подожди... — попытался остановить ее Прайс, но Викира ничего не желала слушать.

— И это еще не все! Я дарю тебе то, что мужчины ценят превыше всего остального! То, за что они готовы продать свою душу. Знаешь, о чем я говорю? Власть! Я дам тебе оружие древней земли. Дам власть над тигром и над змеем. Силу, способную завоевать весь мир!

Она сердито хлопнула в ладоши, и в комнату вошла рабыня, неся на красной шелковой подушке усыпанную жемчугом и украшенную крупными, примитивно ограненными, красными и желтыми самоцветами корону из белого металла.

— Это корона Энза! — воскликнула Викира. — Она твоя, Иру. Когда-то она принадлежала тебе. И я ее тебе возвращаю.

Викира взяла корону, и рабыня бесшумно исчезла.

— Мне очень жаль, Викира, — печально сказал Прайс, — но ты должна меня понять. Я не говорю, что ты некрасива, ибо ты воистину прекрасна. И я понимаю, как много ты готова мне дать. Не сомневаюсь, что большинство мужчин на моем месте с радостью приняли бы твое предложение.

Викира вскочила с кушетки, однако Прайс жестом попросил ее сесть обратно.

— Ты должна знать правду, пусть даже эта правда будет тебе неприятна. Я люблю Айсу, хотя бы она и была реинкарнацией убийцы. И я отниму ее у Маликара. Любой ценой.

Если она еще принадлежит человеческому роду — все хорошо. Если же ее кровь уже успела стать золотой, что ж... вот тогда и настанет время подумать о сне в золотом тумане.

Мне жаль, если мои слова причинили тебе боль. Но я не хочу тебе врать.

Тяжело дыша, Викира молча слушала Прайса. Злость исчезла с ее лица, словно отброшенная в сторону маска. Когда Прайс закончил, она обезоруживающе улыбнулась:

— Иру, господин мой, не будем ссориться. Сейчас нас ждет пир.

Викира снова хлопнула в ладоши, и из занавешенного дверного проема появились служанки. На больших блюдах они несли самые разнообразные кушанья. Свежие финики. Алые гранаты без косточек. Огромные грозди пурпурного винограда. Крохотные ароматные орешки, каких Прайсу видеть еще не доводилось. Жареное мясо. Сладкие булочки с пряностями на любой вкус самых различных форм. Несколько сортов сыра. Множество вин в высоких кувшинах, легкие и тягучие, словно патока, сладкие и горькие, красные, и белые, и желтые, и розовые.

Следя за Викирой, Прайс заметил, что она почти ничего не ест. Так, выбирает кусочек-другой с предлагаемого блюда. И вино она едва пригубила. Прайс мог только гадать, требуется ли Викире пища, как обычным людям. Может, ей достаточно всего лишь подышать золотым туманом?

Он решил есть и пить так же мало, как хозяйка дворца. Смутное чувство предостерегало его о каком-то близком испытании, и Прайсу не хотелось подойти к нему

отяжеленным обильной едой и возлиянием. Следуя примеру Викиры, он едва пробовал подаваемые кушанья, и это, похоже, ей совсем не нравилось.

— Пусть звучит музыка, — наконец прошептала Викира и опять хлопнула в ладони.

Тихо заиграли невидимые музыканты — настойчивый ритм, словно гул тамтамов.

— А теперь, когда ты поел, — с еле заметной насмешкой в голосе сказала Викира, — я для тебя станцую.

Она выплыла на середину зала, на темно-синий с красным ковер, и замерла, покачиваясь в такт древнего танца. Ее раскосые, желтовато-зеленые глаза из-под длинных ресниц загадочно глядели на Прайса.

Стараясь взять себя в руки, американец отвел взор. Он чувствовал, как затягивается вокруг сеть злого волшебства.

Вся обстановка, похоже, должна была воздействовать на его чувства. Длинный зал, призрачно озаренный зеленоватым светом факелов. Аромат благовоний. Непривычная, рыдающая музыка и танцующая Викира с распущенными волосами, которые, словно силки, готовы были поймать мужчину в ловушку.

Викира запела. Запела песню странную и простую.

Пляшет алое пламя, пламя джунглей — пляшет и зовет.

Громко бьют барабаны, барабаны джунглей — бьют и зовут.

Белым сияет луна, луна джунглей — сияет и зовет.

Быстро бьется сердце, мое сердце — бьется, как барабан.

Течет горячая кровь, моя кровь — течет, как огонь.

Страсть горит в моей груди — сияет, как луна.

Луна тускнеет, пламя гаснет, барабан умолк.

Но я еще жду — вечно жду — мою любовь.

Проходят века, стареет земля — я все еще жду.

Горящие факелы отбрасывали причудливые тени на мраморные, богато украшенные золотом стены. Таинственный сумрак наполнял углы зала. Стонала музыка, изгибалась в такт песне Викира. Божественно прохладный аромат воздуха пьянил, как лучшее вино.

Внезапно музыка стала быстрее. Викира закружилась, легко и изящно, словно танцующее пламя. И танцуя, она скинула алое платье со своего восхитительного золотого тела.

Смолкли последние аккорды, и Викира, бросившись на кушетку рядом с Прайсом, заключила его в свои объятия.

Желание горячим ураганом вспыхнуло в груди американца. Сам того не желая, он обхватил изящные плечи женщины, крепко прижал к себе горячее тело. Викира подняла к Прайсу лицо, и глаза ее горели страстью и торжеством.

И когда он увидел этот безумный взор, Прайсу внезапно стало страшно. Отвернувшись от ищущих алых губ, он попытался освободиться. Но не тут-то было. Желтые руки Викиры держали его с нечеловеческой силой. Крепко прижимаясь к Прайсу, жрица позвала служанку, мгновением позже прибежавшую с хрустальной чашей вина в руках.

— Выпей, лорд Иру, — прошептала Викира вырывающемуся из ее объятий американцу. — Выпей и забудь обо всем.

Она держала Прайса, а служанка поднесла чашу к его губам.

Прайс не хотел поднимать руку на женщину... но перед ним была не женщина, а золотой вампир.

Высвободив одну руку, он выбил чашу из рук служанки; вино, словно кровь, разлилось по полу. А затем кулаком ударил Викиру в алый хищный рот.

Она отшвырнула Прайса на другой конец кушетки. В глазах ее горела адская злоба.

— Ты ударил Викиру?! Меня? Викиру? Королеву Энза и жрицу змея?
Вскочив, Прайс быстро пошел к выходу.
— Убирайся! — бросила она ему в спину. — Но не проси милости у Викиры. Ни для себя, ни для той жалкой рабыни, которую ты так любишь!
Не оглядываясь, Прайс шел через зал. Он уже коснулся занавеса, когда Викира позвала:
— Иру! Останься, лорд Иру!
Оглянувшись, Прайс увидел бегущую за ним Викиру, бледную и прекрасную в мерцающем свете факелов. Опустив за собой занавес, американец услышал ее сдавленный крик, полный горя и ненависти.
Спеша мимо роскошной колоннады в свои покои, Прайс невольно вспомнил вычитанные когда-то строчки: «В самом аду нет ярости страшнее, чем у отвергнутой женщины».

Глава двадцать шестая МЕСТЬ ВИКИРЫ

Но даже теперь Прайс еще не до конца понимал коварство Викиры. Вернувшись в свои покои, он сменил роскошь церемониальных одежд на привычный костюм, который ему вернули.

Вооруженные служанки застыли у входа в его комнату. Переодевшись и натянув золотую кольчугу Иру, Прайс лег на постель. Топор и щит он положил рядом.

Он не спал, каждую секунду ожидая, что сейчас на него обрушится смертоносный гнев Викиры. Наверняка золотая женщина захочет ему отомстить, но как именно, оставалось только гадать. Может, она придет убить его своими собственными руками? Или pošлет к нему тигра? Или просто отдаст Маликару?

Была полная луна, но в широких, незастекленных, выходящих на юго-запад окнах комнаты Прайса чернело пустое звездное небо.

Серебристый свет луны сюда не проникал. Прайс прислушивался к разговорам стражниц за дверью. Какое-то время они о чем-то тихо беседовали, затем голоса стихли. Зеленоватый свет факела, пробивавшийся в щель, замерцал и потух. Похоже, жрицы уснули.

Прайс не забыл о своем обещании встретиться в полночь с Фархадом. Он не больно-то рассчитывал на успех всей этой затеи, но, во всяком случае, ночь обещала быть интересной. Ну а если им и в самом деле удастся выбраться из замка... Там, если дело до этого дойдет, Прайс с чистой совестью сможет воспользоваться золотым топором.

Девушки у порога даже не шелохнулись, когда американец бесшумно поднялся с постели и на цыпочках подбежал к окну. Перевалив через подоконник, он осторожно спрыгнул вниз, на каменистую тропинку. Первая часть операции прошла на удивление гладко и просто.

Полная луна отражалась в полированном мраморе и блестящем золоте. Ее свет наполнял дворы и колоннады феерическим серебряным великолепием.

Прятаться при таком ярком лунном свете было практически невозможно. Но Вирл был тих и пустынен. Прайс, беспокойно оглядываясь по сторонам, прокрался до условленного места встречи.

Во всем большом дворе ему не встретилось ни одной живой души. Он чувствовал себя последним идиотом из-за того, что поверил словам старого шейха о побеге. Разве можно доверять этому лицемерному бедуину? Прайс не знал, то ли вернуться обратно в свои покои, то ли попробовать в одиночку совершить самоубийственный спуск по отвесной стене высотой в полмили... Он еще не решил, как же ему поступить, когда из густой тени возле кустов услышал глухой шепот.

— Эфенди?! — Это был голос Фархада.

Прайс быстро подошел к кустам. Он увидел шейха, вооруженного коротким метательным копьем. Рядом с ним стояла жрица с кинжалом на поясе и с мотком веревки на

плече.

— Я рад, что вы пришли, — прошептал Фархад. — Плохое это место, особенно в полнолуние. Не нравится мне золотая джиния.

— Идите за мной, — прервала его жрица. — И не шумите.

Она повела Фархада и Прайса по тенистой пальмовой аллее к восточной стене замка. Здесь, чуть севернее одной из башен, со стены свисала веревочная лестница.

— Поднимайтесь, — прошептала женщина. — И ни звука. Ждите меня в тени башни.

Прайс быстро залез наверх. Фархад последовал за ним. Вскоре поднялась и женщина, так и не расставшаяся со своей веревкой. Они оказались на вершине стены в проходе шириной около шести футов.

С одной стороны лежал залитый лунным светом волшебно прекрасный Вирл, с другой, на дне обрыва высотой в полмили, — мрачное запустение лавовой равнины.

Привязав конец веревки к вмурованному в стену металлическому крюку, жрица сбросила веревку вниз.

— Спускайтесь, — прошипела она. — И не мешкайте. Внизу вы найдете вырубленную в скале тропинку. Только не шумите. Давайте побыстрее, пока не проснулась госпожа.

Фархад повернулся к женщине, явно намереваясь ее обнять, но она, нетерпеливо дернув плечом, подтолкнула араба к веревке. Не тратя больше времени, Фархад исчез за парапетом.

Дождавшись, пока веревка ослабла, Прайс полез за ним.

Ему почему-то все это очень не нравилось. Как-то больно просто они убежали из совершенно неприступного замка. Что-то тут было не так. Но вот что именно?.. Этого Прайс понять не мог.

Руки Фархада коснулись ног Прайса и помогли ему встать на узкую полочку, вырубленную в скале. Дюран отпустил веревку, и невидимая в темноте жрица мигом втащила ее обратно на стену.

Полка шириной всего в пару футов, не больше, вела вниз и направо. Не колеблясь, Прайс двинулся вперед. Фархад — за ним.

И все равно легкость, с которой они убежали из замка, не давала американцу покоя. Слишком уж все получилось просто. Только в одном он чувствовал облегчение: никакое обещание не мешало ему теперь в случае необходимости использовать золотой топор Иру.

Тропинка серпантинном вилась по восточному склону горы и после недолгого спуска привела беглецов к крутой каменной осыпи, по которой они наполовину сбежали, наполовину съехали к лавовой равнине.

— Славен Аллах, эфенди, — пропыхтел Фархад. — К рассвету мы будем в Эль-Яриме.

Когда позади осталась первая миля, Прайс обернулся. Грозно и зловеще чернела на фоне серебристой в лунном свете равнины легендарная Скала Ада. В ее нижней части блистал золотой квадрат — ворота, куда недавно тщетно стучался Прайс. Высоко вверху сиял замок.

Прайсу было страшно. Он все еще не мог понять, как им с Фархадом удалось спастись.

— Спаси Аллах! — внезапно воскликнул Фархад, когда они удалились от горы, наверное, уже на пару миль. В голосе араба звучал неподдельный ужас.

Он смотрел назад. Прайс тоже повернулся, и кровь застыла у него в жилах. Золотой квадрат исчез. Это значило, что ворота открыты.

А потом он увидел тигра, золотого монстра, бегущего по лавовой равнине. Тигра с платформой на спине. Можно было даже разглядеть крохотную фигурку Викиры.

Теперь Прайс знал, почему побег оказался так прост. Он понял всю дьявольскую жестокость ее мести. Это все она придумала! Ловушка! Мужские достоинства Фархада произвели на его тюремщицу далеко не столь большое впечатление, как возомнил шейх. Ничего удивительного, что ей не терпелось поскорее отправить в путь надоедливый старика.

Все это было запланировано, и, похоже, еще до того, как Прайс отверг предложение Викиры.

— О Аллах! О горе мне! — причитал Фархад. — Джиния всего лишь играет нами!
А над пустыней сквозь серебро лунных лучей неся протяжный рев тигра, вышедшего на охоту.

Глава двадцать седьмая ЛАГЕРЬ В ДОЛИНЕ

Услышав рев золотого тигра, Прайс и Фархад бросились бежать. Этот рев, пробуждая слепой доисторический страх, в единый миг превратил их из homo sapiens в насмерть перепуганных животных. Спотыкаясь и падая, они мчались по залитой лунным светом равнине, ничего не видя на своем пути.

Когда Прайс наконец пришел в себя, он задыхался. Его легкие готовы были разорваться, и словно раскаленный нож вонзался ему в бок при каждом вдохе. Горячий пот заливал глаза, а руки и ноги налились свинцом.

Усилием воли Прайс заставил себя остановиться. От оазиса их отделяло много десятков миль, так что нечего было и думать добраться туда раньше тигра. А раз так, то бежать не имело ни малейшего смысла. Этим они только доставят удовольствие Викире, придумавшей дьявольскую «охоту».

Тяжело дыша, американец залег за обветренным выступом черной лавы. Фархад между тем бежал дальше, на каждом шагу хрипло призывая на помощь Аллаха и его пророка.

Прайс лежал тихо, легонько поглаживая ладонью рукоять своего топора. Это было чистым безумием — надеяться на победу в схватке с тигром величиной со слона. Но бегство означало верную смерть. А уж если суждено погибнуть, то лучше в бою, с оружием в руках. Так, во всяком случае, казалось Прайсу.

Из своего укрытия он видел, как быстро и легко несется по равнине золотой тигр. Казалось, он буквально летит над черными камнями. Зор бежал прямо на Прайса, однако в последний момент чуть отвернул в сторону. Викира торжествующе закричала, и голос ее прозвенел, будто серебряный колокольчик.

Прайс решил, что его заметили. Но нет, Викира, похоже, увидела Фархада. Впрочем, тигр, без сомнения, найдет и второго беглеца. Найдет, как только подойдет ближе. Если эта громадная кошка не потеряла умения идти по следу...

Раздумья прервал гром выстрелов. Он доносился оттуда, куда сломя голову бежал Фархад. Засвистели пули. Тигр замер. От спрятавшегося за камнем Прайса его отделяло всего несколько сотен ярдов. Даже не высываясь, американец видел застывшую на спине зверя Викиру. Она напряженно глядела вслед Фархаду. А потом, пригнувшись, повернула тигра и помчалась прочь. Еще миг ее желтый «конь» помаячил на дальнем хребте, а затем окончательно растаял в ночи.

Ругаясь от облегчения, Прайс поднялся на ноги. Ему хотелось смеяться. Хитрый план Викиры вышел ей боком. Она стремилась пробудить в своих жертвах надежду на спасение лишь для того, чтобы потом ее растоптать. Поманила их свободой — и в итоге подарила пленникам то, чего совсем не собиралась им давать.

Идя вслед за убежавшим шейхом, Прайс вскоре приблизился к группе вооруженных карабинами людей. Один из них окликнул американца, и он прокричал в ответ свое имя.

— Неужели это вы, мистер Дюран? — выходя ему навстречу, воскликнул Сэм Сорроуз. И, подойдя поближе, вполголоса спросил: — Что здесь вообще происходит?

— Дама на тигре хотела немного поразвлечься. Решила заняться охотой, в которой нам с Фархадом отводилась роль дичи. Хорошо еще, что мы натолкнулись на вас.

— Мистер Дюран, — Сэм говорил теперь совсем тихо, — вы лучше держитесь настороже. И поглядывайте насчет этого полукровки де Кастро. Поганец всегда вас недолюбливал, а с тех пор, как вы отняли у него девушку, он и вовсе взбеленился. Кстати, вам удалось что-нибудь узнать?

— Да, Сэм. Я даже видел ее. Внутри горы. Этот дьявол, Маликар, хочет сделать кровь

Айсы золотой. Но все-таки что там с де Кастро?

— Ну... он не станет целовать песок, по которому вы ходите. И многие в отряде его поддерживают. И видите ли...

Канзасец замялся, нервно перекладывая свой карабин из руки в руку.

— Что еще, Сэм?

— Понимаете, мистер Дюран, мы видели вас... вчера в мираже.

— Ах, это... — Прайс начисто забыл о своем визите в зал иллюзий. — Ну и что?

— Ну, сэр, мне не хочется этого повторять... неочевидно ведь, что вы с золотой женщиной следили за нами. И похоже, отношения у вас самые что ни на есть дружеские. Люди говорят...

— Что они говорят?

— Я, мистер Дюран, разумеется, в вас не сомневаюсь, — заверил Сэм, хотя Прайс заметил в его голосе легкую неуверенность, словно на самом деле канзасец и сам не до конца верил своим словам. — Но люди думают, что вы нас предали. Де Кастро строил тут весьма неутешительные планы на случай, если вы попадете к нему в руки. Я хотел вас просто предупредить.

— Спасибо, Сэм. — Прайс с чувством пожал мозолистую руку канзасца.

— Вам многое придется объяснить, сэр. Вы прибежали к нам, и золотая женщина гналась за вами на тигре — согласитесь, все это выглядит довольно странно. Могут подумать, что вы просто подстроили погоню, чтобы вернуться в лагерь и разведать наши планы.

— Но со мной был Фархад.

— А что это меняет? — пожал плечами Сэм. — Удачи вам, сэр. И помните, я на вашей стороне.

В вади за каменной грядой Прайс обнаружил небольшой лагерь.

Никаких костров. Никаких шатров. Два десятка белых, сидящих среди вьюков. Арабы Фархада, с гомоном окружившие вернувшегося шейха. Лежащие на земле верблюды. И серая громада танка.

Навстречу Прайсу вышел Якоб Гарт.

— Не стоит ему слишком доверять, — шепнул Сэм, проводивший Прайса мимо часовых в центр лагеря. — Он пойдет на что угодно, лишь бы ублажить де Кастро и его людей... во всяком случае, до тех пор, пока не заполучит золото.

Прайс понимал это и без объяснений.

— Значит, ты опять вернулся, Дюран! — прогремел голос Гарта, как всегда спокойный и бесцветный.

— Да.

— А тебе не приходило в голову, что ты как-то слишком часто появляешься и исчезаешь? Твое поведение может показаться несколько подозрительным, как ты думаешь?

— Я могу все объяснить.

— Ты можешь объяснить, почему вчера утром мы видели тебя в мираже? И явно на короткой ноге с золотой женщиной... той самой, от которой ты сегодня якобы спаслся бегством.

— Да.

— Ну попробуй.

— Послушай, Гарт. Ты считаешь меня предателем. Я признаю, что у меня действительно был шанс, даже два шанса заключить с ней сделку. Но мне потому и пришлось бежать от Викиры, что я не предатель. Гарт, я побывал внутри горы и теперь кое-что знаю. Мне кажется, если ты планируешь взять гору штурмом, я вполне мог бы оказаться вам полезным. А ведь ты собираешься ее штурмовать, не так ли?

— Что, играешь два края против центра, так я понимаю?

Вспыхнув, Прайс лишь с большим трудом заставил себя говорить спокойно:

— Гарт, я, кажется, не давал тебе оснований сомневаться в своем слове. И я готов честно рассказать тебе все, что узнал о наших врагах. Но прежде я должен получить гарантии, что ты... и твои люди... не будете покушаться на мою жизнь и свободу.

Одутловатое лицо Гарта блестело в лунном свете, словно высеченное из холодного мрамора. Его глаза блестели.

— Ну ладно, Дюран. — наконец кивнул он. — Я согласен. Мы атакуем на рассвете. Через несколько минут Сэм Сорроуз поедет обратно в Эль-Ярим распорядиться насчет аэропланов. Им предстоит сбросить на замок бомбы. Как, это покончит с проклятым миражом или нет?

— Если удастся попасть в зал иллюзий. Он расположен под куполом самой высокой башни.

— Хорошо. Может быть, твоя информация действительно чего-нибудь стоит. С аэропланами, танком, карабинами, пушками и пулеметами мы справимся с любым противником. Динамитом мы пробьем себе путь внутрь горы. Ты расскажешь нам все, что знаешь. Вместе со мной заново проработаем план штурма. Я обещаю тебе безопасность. Но до окончания битвы я буду держать тебя под стражей.

— Еще один вопрос... — начал Прайс.

— Ты думаешь о той девушке? Вот что, Дюран, ты должен понять, что я обещал ее де Кастро. Если он, конечно, сумеет ее найти. Тебе лучше о ней забыть.

— Но это несправедливо...

— Справедливость меня не волнует. Мне нужно золото. Хочешь — выкладывай, что знаешь, и я гарантирую тебе жизнь и свободу. Нет — я отдам тебя де Кастро, и пусть он делает с тобой что захочет. Сейчас Жоао спит. Может, за ним послать?

Спорить было бесполезно, и Прайс сдался. Он еще рассказывал о своих приключениях, описывая проходы внутри горы, когда послышался какой-то шум. Часовые подняли тревогу. Прогремел предупредительный выстрел, и хорошо знакомый Прайсу серебристый голосок пропел:

— Якоб Гарт! Якоб Гарт! Якоб Гарт!

Это был, конечно, голос Викиры. Прайс невольно вздрогнул. Зачем она пожаловала?

— Пошли, — решил Гарт, беря американца за руку.

Вместе они поднялись к часовым на замыкавшую долинку гряды. Впереди, в двух сотнях ярдов, стояла Викира. Тигра нигде не было видно.

— Это она? — спросил Гарт, вглядываясь в призрачную фигуру.

— Да, — кивнул Прайс. — Золотая женщина. Зовут ее Викира.

— Что тебе надо? — по-арабски прокричал Гарт.

— Якоб Гарт! Якоб Гарт! — прозвенел в ночи серебристый голос.

Гарт заколебался. Оглянулся на разбуженный лагерь, потом осмотрел залитую лунным светом пустыню. Когда он повернулся к часовым, голос его звучал, как всегда, спокойно и неторопливо.

— Пойду с ней поговорю. Если со мной что-то случится, стреляйте. И пусть он, — Гарт кивнул на Прайса, — ждет меня здесь. Присмотрите за ним. Он нам еще может пригодиться.

И с этими словами Якоб Гарт пошел навстречу Викире. Прайс увидел, как англичанин остановился около золотой женщины, услышал слабое эхо их голосов. Вскоре они уселись на камни лицом друг к другу. Беседа, похоже, предстояла долгая.

Гарт и Викира разговаривали почти час. Потом золотая женщина легко убежала прочь, растаяв в ночном полумраке, а Гарт неторопливо вернулся к застывшей на вершине гряды цепочке часовых. Всем не терпелось узнать, о чем он беседовал с Викирой, но, несмотря на любопытство, спросить об этом впрямую никто не решался.

— Теперь ты удостоверился, что я не заодно с этой женщиной? — прервал молчание Прайс.

— Да, Дюран, — медленно кивнул Гарт. — Похоже, ты вел себя с ней как последний дурак. Иди сюда.

Отведя Прайса в сторону от часовых, он продолжал вполголоса:

— Дюран, больше ты мне не понадобишься. И я убежден... по тому, о чем мне рассказала эта женщина, что ты не станешь, да и не сумеешь ничем нам помешать. Ты можешь идти.

— Идти? — непонимающе переспросил Прайс.

— Убирайся из лагеря. Уходи так же, как ты в него пришел. И чем быстрее, тем лучше. Ты здорово не нравишься Жоао де Кастро. И этой женщине тоже. Так что не стоит тебе здесь задерживаться.

Повернувшись к часовым, Гарт прогремел:

— Мистер Дюран от нас уходит. Дайте ему десять минут, чтобы выйти за пределы ружейного выстрела.

Глава двадцать восьмая В ЛОГОВЕ ЗМЕЯ

— Мне очень жаль, что все так вышло, мистер Дюран, — улыбнулся Сэм Сорроуз, — но, поверьте, могло бы быть и хуже.

Он склонился над своим лежащим на земле верблюдом.

Сэм привез Прайсу канистру воды и немного сушеных фиников, вяленого мяса и галет.

— Этого вам хватит, чтобы добраться до оазиса. Удачи, сэр.

Прайс чуть не расплакался, пожимая руку своего друга. Рассовав по карманам привезенные канзасцем продукты, он под наведенными на него дулами карабинов пошел прочь, в пустыню.

Прайс задумчиво брел по залитой лунным светом равнине. Все пропало. Последний шанс испарился. Но не в привычках Дюранов было опускать руки перед трудностями. Ни в один момент он не собирался покорно возвращаться в оазис. Ему в голову пришел отчаянный и дерзкий план.

Прайс знал путь внутрь горы. Тот самый путь, которым его провел Криор. Прайс хорошо запомнил дорогу и в случае необходимости мог бы найти ее самостоятельно. Возможно, теперь жрецы выставили там охрану, приходилось рисковать.

В горе тоже ждало множество опасностей. Фанатичные слуги Маликара. Сам золотой человек. Желтый змей, мимо которого надо пройти по пути к Айсе. Прайс содрогался при одной мысли о холодном, древнем зле, горевшем в гипнотизирующих глазах бессмертной рептилии.

Однако больше всего американец боялся золотого тумана. Неодолимый сон однажды уже одолел его в самый неподходящий момент. Даже если он избежит всех других опасностей, Прайс просто-напросто не успеет добраться до Айсы и вынести ее на свежий воздух.

Но, быть может, найдется способ как-то защититься от золотого тумана? Что, если сделать примитивную газовую маску? Прайс вспомнил все, что только знал о подобных вещах. Первые маски, применявшиеся во время немецких газовых атак, представляли собой просто смоченную водой ткань. Возможно, это поможет и здесь? Если желтый газ связывается водой или заменяет воду в человеческом теле, значит, он обладает с ней высоким сродством. А раз так, то мокрая тряпка, закрывающая рот и нос, должна помочь очистить вдыхаемый воздух от усыпляющей золотой отравы.

Окрыленный новой надеждой, Прайс заторопился на запад, огибая гору. Утомленный тяжелой ночью, он решил немного передохнуть там, где они с Криором начали подъем по отвесной северной стене. Уснуть Прайс не решился, но полежать часок — полежал.

Рассвет застал его упорно карабкающимся по скалам. Вскоре раздалась глухие разрывы бомб и гул самолетных моторов. Очевидно, Гарт пошел в атаку. И вполне вероятно, что Викира стала его союзницей. Прайс даже похолодел, представив, что будет, если они попадут в подземный храм раньше его. Айсу, попавшую в руки Викиры, без сомнения, ждала

участь неизмеримо худшая, нежели похотливые объятия де Кастро.

И вот наконец Прайс добрался до заветной трещины и благодарно проскользнул в темноту, в уходящие в глубь горы пещеры. Вскоре свет остался далеко позади; дорогу приходилось искать на ощупь, считая шаги и по мере возможности выдерживая направление. Не раз и не два американец налетал на камни и сталактиты, но под конец все-таки выбрался в большую пещеру, а из нее — в первый высеченный в скале проход.

Дальше найти дорогу не представляло особого труда. Точно повторяя пройденный ранее путь, Прайс дошел до наклонного спирального туннеля. Раз за разом гора вздрагивала от тяжелых бомбовых ударов. В какой-то момент слышались суматошные крики и далекий треск карабинов.

Он ожидал встретить часовых, но, похоже, Маликар все свои силы бросил на отражение атаки Гарта. Впрочем, как Прайсу вскоре предстояло узнать, Маликар оставил возле Айсы стража пострашнее любого вооруженного жреца.

Понемногу звуки боя стихли.

Воздух в туннеле начал едва заметно светиться. Желтое сияние делалось все ярче и ярче, а на стенах вскоре появился золотой иней.

Наконец проход стал более пологим, и вскоре Прайс очутился на пороге громадного подземного храма. Он только-только шагнул в заполненный золотым туманом зал, когда услышал сердитое шипение.

Впереди, между выходом из туннеля и мостом, ведущим к нише, где спала Айса, лежал змей, свернувшийся тугими кольцами. Прайс невольно отступил.

Толстое тело змея сверкало крупной золотой чешуей. Длинная шея поднялась на десять футов в воздух. Плоская широкая голова медленно покачивалась из стороны в сторону. Холодным пламенем горели черные, не знающие жалости глаза. В раскрытой шипящей пасти сверкали длинные золотые клыки.

Взор змея приковал Прайса к полу. Ничуть того не желая, он обнаружил, что покачивается вместе с головой змея, почувствовал, как холод поднимается по позвоночнику, ледяными пальцами берет за сердце. Прайс отчаянно боролся против гипнотической силы змея. В прошлый раз, столкнувшись с этой рептилией в мираже, он сумел освободиться. Если смог тогда, должен справиться и теперь! Он же видел, как Маликар победил эту тварь, подчинил ее себе. Змей явно знал, что такое страх.

По крупичам собрав всю силу воли, Прайс заставил себя переставить одну ногу. Потом — вторую. Он шел, шел к змею. Пусть медленно и шатаясь, словно механическая игрушка, но шел. Сделав над собой невероятное усилие, Прайс поднял золотой топор.

Маликар, внезапно вспомнилось ему, кричал на змея.

В горле у Прайса пересохло, голос его звучал хрипло. Но он, как мог, запел древнюю боевую песнь короля Иру. Точнее, даже не запел, а начал выкрикивать короткими рублеными строфами.

Змей перестал покачиваться. Не прекращая шипеть, он отвел голову как для удара, и Прайс заставил свои онемевшие руки поднять овальный щит.

Но желтая голова не долетела до цели. Остановившись на полпути, она вернулась в прежнее положение. Змей не привык к сопротивлению и потому, похоже, растерялся.

Радость победы горячей волной прокатилась по телу Прайса. Громче выводя песню топора, он уже более решительно продолжал наступать на ползучего стража.

Змей втянул голову и замер, положив ее на туго скрученные кольца. Сверкали черные глаза — холодные, бездонные и напуганные.

Ноги сами собой донесли Прайса до внешнего, холодного и гладкого золотого кольца. Черные глаза глядели на врага со странным недоумением и пониманием. Прайс, подражая Маликару, ладонью ударил змея по голове. Его ноги подкашивались от ужаса. Всеми фибрами своей души ему хотелось броситься наутек, прочь, подальше от этого страшного, смертоносного золотого чудовища. Однако Прайс не мог позволить себе слабости. Ему хотелось бежать, но он не мог позволить себе не ударить змея.

Со всей своей недюжинной силой Прайс несколько раз ударил змея по морде. Он бил так крепко, что у него самого заболела ладонь. И все это время он громко распевал боевую песню Иру.

А потом, отвернувшись, Прайс неторопливо пошел к мосту. Он намеренно не оглядывался, стараясь ничем не выказать страха или неуверенности. Еще миг, и американец уже ступил на узкую полоску камня, протянувшуюся над бездонной пропастью к нише, где покоилась спящая Айса.

Глава двадцать девятая ЗОЛОТАЯ КРОВЬ

Как ни странно, на сей раз Прайс не испытывал никакого головокружения. Спокойно и не глядя под ноги, в полную клубящегося зеленовато-желтого тумана пропасть, он шел по узкому каменному мостику. Озабоченный судьбой спящей девушки, он и думать забыл об опасности.

А еще он совершенно забыл о маске, которой предстояло защитить его от снотворного влияния желтого пара. Прайс добрался уже до середины моста, когда легкое головокружение и вялость напомнили ему об этом упущении.

Задержав дыхание, американец почти бегом преодолел последнюю сотню футов до ниши с четырьмя каменными столами. Останавливаться над пропастью он не решился. Но теперь, добравшись до безопасного места, Прайс вытащил из кармана носовой платок, смочил его водой из канистры и завязал на голове, старательно закрыв мокрой тканью и рот, и нос.

Айса все так же лежала на желтом камне. Лежала совершенно неподвижно. Погруженная в глубокий сон, она мерно и глубоко дышала. И снова ее милое лицо было покрыто легким золотым инеем.

С дрожью в сердце Прайс стер иней с чела девушки, с ее губ, с маленьких изящных рук и не удержался от радостного крика. Под золотым инеем кожа Айсы оставалась чистой и белой. Страшившее Прайса замещение воды соединением золота еще не произошло. Наверное, для этого требовались месяцы. Может быть, даже многие годы.

Прайс попытался разбудить девушку. Тряс ее за плечи, звал по имени... Она не открывала глаз.

И вдруг установившуюся было тишину вновь нарушило сердитое шипение. Змей, свернувшийся у входа в громадный подземный зал, преграждал путь Викире, въехавшей сюда на своем тигре.

Змей яростно бросился на пришельцев, но Викира, легко соскочив с укрепленной на спине тигра платформы, кинулась ему навстречу. Она что-то говорила — странные, мелодичные звуки, и под их влиянием шипение начало понемногу стихать. Викира бесстрашно приблизилась к змею, а за ее спиной тигр, оскалив громадные клыки и грозно рыча, изготовился к прыжку. Но рептилия не ударила золотую женщину. Опустив голову, она покорно свернулась у ее ног.

Не переставая говорить, Викира погладила плоскую длинную чешуйчатую шею. Ее голос опустился до шепота. Тигр все еще рычал, но жрица одним словом заставила зверя замолчать.

Отвернувшись от успокоившегося змея, она двинулась к мосту через пропасть. Из-за пояса Викира достала сверкающий золотой клинок, длинный и узкий, как стилет. Теперь Прайс не сомневался: Викира пришла убить Айсу. Пришла убить несчастную, ни в чем не повинную девушку, которую возненавидела волею слепой судьбы.

Схватив золотой топор, Прайс двинулся навстречу жрице. Он знал, что страсть золотой женщины сменилась ненавистью. Он знал, что ему сейчас придется сражаться насмерть. И речь пойдет не только о его собственной жизни, но и о жизни его возлюбленной.

При виде Прайса торжество на лице Викиры сменилось безграничным удивлением.

Потом на смену удивлению пришла зловещая радость.

Они сошлись в сотне футов от выхода с моста. Не дойдя до Прайса дюжины шагов, Викира остановилась и приветствовала своего недавнего пленника насмешливой улыбкой, хотя глаза ее горели злобой.

— Мир тебе, Иру, — с откровенной издевкой в голосе сказала Викира. — Мир тебе, если ты этого хочешь.

— И тебе мир, Викира, — серьезно ответил Прайс. — Если ты уйдешь.

— Но, Иру! Может быть, ты передумал? Ты же знаешь, что вчера вечером я говорила с Якобом Гартом. Я обещала ему то же самое, что и тебе. В отличие от тебя, он принял мое предложение, и мы вместе вошли в гору. Как раз сейчас он сражается с Маликаром в верхних залах. Что касается меня, то я прорвалась сюда. Ты спросишь зачем? Лишь для того, чтобы на кусочки разрезать эту проклятую рабыню. Разрезать на куски и побросать в пропасть. Тогда наконец с ней больше не будет никаких хлопот.

Дрожа от ярости, Прайс выругался.

— Итак, Иру, — загадочно улыбнулась Викира, — ты все еще не передумал? Может, ты забудешь рабыню и примешь корону Энза?

— Ничего не выйдет! — отрезал Прайс. — Убирайся отсюда... или сражайся со мной!

Викира засмеялась. Своим похожим на рапиру золотым клинком она показала на кошмарный провал у них под ногами. Прайс невольно опустил взор, и голова у него закружилась при виде этой зелено-желтой бездны.

— Как хочешь, — улыбнулась Викира, — но тогда и ты сам, и твоя девка будете вечно лежать там, внизу...

Она легко скользнула вперед.

Прайс принял удар ее клинка на щит и взмахнул древним топором. Викира без труда отступила, и тяжелое золотое лезвие рассекло один лишь желтый туман. Прайс едва не свалился с моста.

Пока он отчаянно пытался восстановить утраченное равновесие, Викира снова устремилась в атаку. На сей раз тонкое лезвие было нацелено точно в горло Прайса.

Спасаясь от смертоносного выпада, американец отступил. Однако чуть-чуть не рассчитал и одной ногой заступил за край.

При виде отчаяния, отразившегося на лице врага, Викира не удержалась от смеха.

— Не забудь, Иру, золотые люди не могут умереть, — издевательски сказала она. — А ты вот очень даже смертен... хотя и способен родиться еще раз, чтобы я снова тебя убила.

Викира сделала новый выпад, быстрый укол и вновь ускользнула за пределы досягаемости. Древняя кольчуга защитила Прайса, но теперь американец понял, что ввязался в бой с весьма серьезным противником.

Кольчуга и щит давали ему некоторое преимущество, хотя, с другой стороны, затрудняли его движения и мешали удерживать равновесие на узком мостике. А еще Прайс не мог в полную силу бить топором — в случае промаха он сам свалился бы с моста.

Что касается Викиры, то у нее, похоже, с равновесием все было в полном порядке. Она буквально танцевала на тонкой ниточке покрытого золотым инеем камня, молниеносно атакуя и без труда уклоняясь от неуклюжих ударов противника.

Снова и снова Прайсу приходилось отступать. Он от души сожалел, что, поддавшись порыву, выбежал на мостик, однако пропустить Викиру в нишу не решался. Проскользнув мимо, жрица могла заколоть Айсу.

Оставался последний шанс. Отступить до конца моста и остановить золотую женщину там, на краю, где сам он сможет двигаться и бить без боязни упасть в пропасть. Главное при этом — не дать Викире сойти с моста.

Отражая молниеносные выпады, Прайс мало-помалу добрался до спасительного края. Золотая ведьма все еще плясала на мостике. Ее выпады оставались такими же быстрыми, но теперь Прайс мог наконец сражаться в полную силу.

Уклонившись от нацелившегося ему в горло тонкого золотого клинка, американец

яростно взмахнул топором.

Удар пришелся Викире в плечо. Ее правая рука бессильно повисла. Золотой клинок со звоном упал на мост и, покотившись по камню, упал в клубящуюся туманом пропасть.

Вскрикнув от боли и зажав рукой рану на плече, жрица поспешно отступила. Рана была неглубокой, но из нее, ручейком стекая на мост, сочилась кровь. Золотая кровь. Желтая и блестящая, словно расплавленный металл.

Несколько секунд Викира стояла неподвижно, сверкая раскосыми глазами. А потом, с яростью тигрицы, бросилась на Прайса, будто намереваясь разорвать его на клочки голыми руками.

Подняв над головой топор, Прайс хотел ударить Викиру — и не смог. Не поднималась у него рука вот так просто взять и зарубить безоружную женщину. Даже такую, — как Викира.

Отбросив оружие в сторону, Прайс сжал кулаки.

С легкостью увернувшись от его ударов, жрица прыгнула на врага. Она, казалось, уже совершенно оправилась от своей явно не слишком серьезной раны. Викира набросилась на американца, кусаясь и царапаясь, будто дикий зверь, и Прайс быстро пожалел о своем бездумном джентльменстве. Зря он бросил топор. Это не женщина, это золотая ведьма.

Враги столкнулись, и Прайс, зашатавшись, не удержался на ногах. Вместе они покатались по усеянному золотыми кристалликами полу. Покатались и тут же снова вскочили на ноги.

Викира была нечеловечески сильна. Она дралась с дьявольской, звериной яростью. Прайс знал кое-какие приемы борьбы, но этого было мало, чтобы совладать с безумным натиском золотой женщины.

Он задыхался, судорожно лоя ртом воздух. Проклятая тряпка на лице не давала ему вздохнуть. Впрочем, без нее он бы давно уже уснул.

Викире тоже приходилось нелегко. Тело ее покрывала золотая кровь, вытекшая из раны. Она тяжело дышала, однако раз за разом уходила из самых хитрых захватов Прайса.

Медленно и неотвратно жрица тащила его к краю пропасти. И тут американцу удалось, пусть и не лучшим образом, провести подсечку. Они упали. Острый край больно врезался Прайсу в плечо. Под собой он видел бездну, полную зелено-желтого клубящегося тумана.

И невольно еще крепче вцепился в Викиру. Если уж ему суждено погибнуть, то умрет он не один.

Викира испуганно закричала. Она отчаянно пыталась освободиться... Все напрасно. Еще миг, и враги вместе полетели вниз.

Жрица попыталась схватиться за скалу, но Прайс видел, что это ей не удастся. И тогда, в самый последний момент, он отпустил женщину. Его пальцы уцепились за каменный край, и он повис над пропастью. Над пропастью, куда упала Викира. Лишь один короткий, полный беспредельного ужаса крик донесся из непроницаемого тумана, и женщина исчезла, словно ее тут никогда и не было.

Прайсу просто повезло, что в решающую секунду из них двоих ближе к скале оказался он.

Медленно, напрягая и без того гудящие от усталости мускулы, американец выбрался наверх. Перевалил через край и блаженно растянулся на покрытых желтым инеем камнях. Затем с трудом поднялся на ноги.

Прайс стоял, дрожа от изнеможения, пытаясь хоть немного прийти в себя. И тут раздались выстрелы и рев танкового мотора. Подняв глаза, он увидел на другой стороне провала, в основном зале подземного храма, небольшую группу одетых в синее жрецов.

Вооруженные копьями и ятаганами, они выбежали из туннеля, отступая перед смертоносным ружейным огнем.

Глава тридцатая

ЗОЛОТО И СТАЛЬ

Похолодев, Прайс наблюдал за разгоревшейся у входа в зал битвой. Ему было все равно, как она закончится. Если победят жрецы, они с Айсой снова попадут в руки безжалостного Маликара. Если же победа останется за пришельцами, то жди неприятностей от злопамятного и жестокого Жоао де Кастро.

Впрочем, исход сражения был предreshен. Лишь быстро тающая горстка жрецов с копьями в руках еще защищала вход в подземный храм. Пули валили их одного за другим. А потом в зал с ревом ворвалась серая махина танка, и треск пулеметов похоронным маршем отозвался под высокими сводами.

Но до победы чужеземцам было еще далеко. Навстречу железному монстру со злобным шипением поднялся громадный золотой змей. Танк замер, следовавший за ним небольшой отряд белых — тоже.

Прайс видел, как мерно покачивается из стороны в сторону голова змея, и знал, что его бывшие союзники попали под колдовское влияние змеиного гипноза.

Отвернувшись, американец вновь попытался разбудить Айсу. Импровизированная газовая маска, похоже, вполне успешно защищала его от усыпляющего влияния золотого пара. Возможно, если надеть девушке такую же, она и очнется. Быть может, им удастся провести вместе хотя бы несколько минут перед тем, как расстаться навек.

Сняв с головы Айсы накидку, Прайс стряхнул осевший иней и смочил ткань водой из фляги. Затем осторожно прикрыл этой «газовой маской» лицо девушки. На всякий случай он еще раз намочил и свой собственный платок.

Прайс как раз закончил эту операцию, когда его внимание привлекли яростный рев и сердитое шипение, раздавшиеся с другой стороны провала.

Тигр Викиры напал на змея. Два золотых чудовища сошлись в потрясающей воображение битве. Тигр, более крупный и тяжелый, рвал змея своими когтями. Но он имел дело с достойным противником.

Прямо на глазах у Прайса змей обвил тигра кольцом, потом вторым и третьим, а длинные змеиные клыки раз за разом вонзались в шею ревушей от боли и ярости кошки.

Настоящая битва титанов. Схватка полуметаллических, сверхъестественно сильных, практически неуязвимых и бессмертных существ. Крохотные людишки, очнувшись от сковывавшего их паралича, испуганно жались к стенам зала.

И тут, словно разбуженный бушующей в подземном храме схваткой, вернулся к жизни танк. Лязгая гусеницами, он завертелся на месте. Затрещали пулеметы, кося последних оставшихся в живых жрецов, что завороченно глядели на битву своих богов.

А силы противников, похоже, были примерно равны. Занятые друг другом, чудища не обращали внимания ни на что вокруг, и бывшие спутники Прайса временно остались хозяевами положения. Они собрались вокруг танка. Прайс без труда мог различить Якоба Гарта и Жоао де Кастро, о чем-то горячо споривших с выглядывающим из люка машины Миллером. Сэма, верного друга и союзника, с ними не было. Его отправили в оазис обеспечивать воздушную поддержку штурма.

Пару минут спустя спор, похоже, закончился. Пожав плечами, Миллер скрылся под серой броней. Взревел мотор, и танк пополз в сторону дерущихся чудовищ.

А до конца схватки было еще очень и очень далеко. Змей тугими кольцами сжимал гигантское полосатое тело. Шипеть он перестал, но длинные клыки его не оставались без дела.

Однако и тигр не оставался в долгу. Длинные рваные раны вспороли золотую чешую рептилии. Золотая кровь ручьями текла по полу.

Явно встревоженный грохотом надвигающегося танка, тигр повернулся в его сторону. Но танк врезался в него прежде, чем тот успел отпрыгнуть в сторону. Удар многотонной стальной машины сбил опутанного змеиными кольцами тигра с ног, отбросив зверя на самый край бездонной пропасти.

Похоже, тигр осознал нависшую над ним опасность. Во всяком случае, оставив попытки высвободиться из змеиных объятий, он начал отползать от смертоносного провала.

Мотор танка заглох. Прайс уже думал, что тигру и змею удастся спастись, но тут двигатель ожил, и серая бронированная машина вновь устремилась на золотых чудовищ.

Новый удар опять отшвырнул поднявшегося было на ноги тигра на край пропасти. Танк продолжал атаку.

Возможно, Миллер просто не рассчитал, а может, за круговертью золотых тел он и не видел, где кончается пол. Как бы там ни было, танк, тигр и змей единым клубком рухнули в бездонный, клубящийся желтым туманом провал. Секунда — и они исчезли из виду...

Стих тигриный рев и вой мотора. Бывшие союзники Прайса вышли из битвы победителями. Вот оно, перед ними — то богатство, ради которого они пришли в эти далекие земли. Прайс слышал суматошные, возбужденные голоса людей, похоже только сейчас осознавших, что находится вокруг них, что лежит у них под ногами. Золото. Золото повсюду.

На глазах у Прайса Жоао де Кастро и Пашич, упав на колени, в судорожной спешке наполняли мешочек для еды золотыми кристаллами. Когда мешок был полон, они схватились за него сразу вдвоем. Дюжий черноморец без труда вырвал добычу из рук тщедушного азиата, и тогда Жоао схватился за свой длинный нож. Завязалась драка, и забытое золото посыпалось обратно на пол. Вытащив из-за пояса пистолет, Якоб Гарт спокойно пристрелил обоих.

И никто не обратил на это внимания. Охваченные золотой лихорадкой, люди не могли думать ни о чем другом. Они собирали и собирали золото, пока их не сморил сон, навеянный желтым туманом. В последний миг Якоб Гарт понял грозящую им опасность. Шатаясь, он бросился к выходу, но было поздно...

Нет, людям не удалось победить золото. В итоге оно разгромило их наголову. Искатели сказочных сокровищ валялись на полу, охваченные сном, которому суждено было продлиться до тех пор, пока в их жилах не потечет золотая кровь.

Поняв, что произошло, Прайс радостно и облегченно вздохнул. Путь свободен! Теперь он может без преград вынести Айсу на поверхность. А когда девушка будет в безопасности, он вернется и окажет этим людям помощь. Какую сможет.

В следующий миг все надежды Прайса на спасение обратились в прах.

В зал вошел Маликар с тяжелой золотой палицей на плече. С дьявольской хитростью верховный жрец держался в стороне от схватки до тех пор, пока все его противники не заснули. Теперь, переходя от одного спящего к другому, он безжалостно и методично отправлял их в путь, из которого уже не было возврата. Когда последний пришелец уснул вечным сном, Маликар еще немного постоял посреди усеянного мертвыми телами зала. Его золотая палица больше не была желтой. Она алела кровью.

Затем, вновь положив свое оружие на плечо, он двинулся через мост.

Глава тридцать первая

СУДЬБА

Пытаясь остановить Викиру на мосту, Прайс совершил тактическую ошибку. Золотая женщина была и быстрее, и подвижнее. Но в случае с Маликаром все обстояло совсем иначе. Викира оказалась необыкновенно сильной; Маликар наверняка еще сильнее. В любой схватке, где исход боя решала сила, Прайс вряд ли мог рассчитывать на победу. А раз так, то следовало вести бой так и там, где главным становились ловкость и мастерство. Например, на узком мосту через бездонную пропасть.

Прайс чувствовал себя обреченным. Три раза сражался он с Маликаром и трижды оказывался побежденным.

Наклонившись, он стер губами золотую пыль с губ Айсы. На счастье... Несколько минут назад ему уже виделось, как он выносит девушку из этих зловещих подземелий.

Выносит наверх, на солнечный свет и свежий воздух. Теперь же будущее рисовалось Прайсу в самом черном цвете Маликар, расправившийся с врагами, стал вдвое опаснее, чем прежде.

Тем временем золотой человек медленно шел через мост. И вдруг вскрикнул сердито и удивленно. Похоже, он только сейчас заметил стоящего в нише скалы американца. Размахивая окровавленной палицей, Маликар побежал навстречу надоедливому чужеземцу.

Поправив мокрую ткань на лице Айсы, Прайс подхватил золотой топор и устремился навстречу противнику.

Они сошлись на середине моста. Маликар остановился, опершись на палицу.

— Снова ты, Иру? — гулко рассмеялся жрец, и в его смехе звучала откровенная насмешка. — Глупец, разве ты еще не понял, что я бог и неподвластен смерти.

— Нет, не понял, — покачал головой Прайс.

— Тебе никогда не победить судьбу! — еще громче захохотал золотой жрец. — Три раза мы встречались с тобой в бою, и все три раза удача поворачивалась к тебе спиной.

В катакомбах Энза по воле судьбы древко твоего топора сломалось пополам. Когда мы сражались на дне вад, судьбе было угодно, чтобы ты поскользнулся. Потом мы встретились в этом зале, и судьба наслала на тебя непреодолимый сон.

Ты сражаешься не со мной одним, Иру. Судьба против тебя.

Прайс понимал, что Маликар говорит все это для того, чтобы лишить его уверенности в себе. И потому, не желая зря болтать, Дюран устремился в атаку. Впрочем, хитрые слова жреца все же сделали свое черное дело. Прайсу вдруг подумалось, что все его путешествие — всего лишь игра. Игра богов, словно марионетками распоряжающихся действиями простых смертных. А если и не богов, то каких-то невидимых сил, жестоко и непостижимо играющих с людьми.

Раскрутив палицу над головой, Маликар обрушил ее на подошедшего слишком близко Прайса. Тот принял удар на щит. Левая рука и плечо американца сразу же онемели — такой невероятной силы был этот удар. На мгновение американец зашатался над клубящейся туманом бездной. Потом, встряхнув головой, поднял Корлу, свой боевой топор. Быстрее, пока Маликар не успел вернуть тяжелую палицу в положение для защиты.

Прайс вложил в замах всю свою силу. Он целил жрецу в голову, но тот уклонился, чуть отступив, и удар пришелся в плечо.

Обычного человека топор разрубил бы до пояса, однако Маликар был наполовину из металла. Его золотое тело рассечь было далеко не просто. По плечу заструилась желтая кровь, но рана была не слишком серьезной.

А Маликар, не теряя времени, снова поднимал свою шипастую палицу. Поспешно отступив, Прайс пропустил удар перед собой.

Надеясь, что жрец потеряет равновесие, он атаковал. Маликар быстро оправился и легко уклонился от удара.

Черное отчаяние поднималось в душе Прайса. Силы человеческого организма не беспредельны. Ему не отразить много таких ударов, какими осыпал его Маликар. Кроме того, удар боевого топора, удар, в который он вложил все свои силы, всего лишь ранил жреца. Прайс понял, что шансов на спасение у него почти нет. Оставалось только одно. Подловить Маликара. Поймать момент, когда жрец хоть на миг потеряет равновесие, и тогда ловким ударом скинуть его с моста.

Но жрец был осторожен и двигался с грацией и ловкостью дикой кошки.

Прайс изменил тактику. Он больше не атаковал, он старался держаться на расстоянии, уклоняясь, насколько возможно, от тяжелых ударов разящей палицы.

А желтый великан продолжал наступать. Прайс отступал шаг за шагом. С каждым ударом Маликара Прайс все ближе подходил к концу моста и нише, в которой спала Айса. А там все будет кончено.

Стоит только Маликару достигнуть ниши, как он в два счета покончит с врагом.

Еще дважды американцу удавалось достать жреца топором. Текла золотая кровь... Но раны, похоже, ничуть не беспокоили бога Золотой Земли.

Несколько раз Прайс не успевал отступить, и ему приходилось прикрываться щитом. Рука Прайса только что не отваливалась. Плечо совершенно онемело. В голове гудело, как в пустом котле. Перед глазами плыли красные круги.

Сил оставалось совсем немного. Усталость, накопившаяся за последние дни, давала о себе знать...

Прайс не решался оглядываться. Он мог только гадать, сколько еще ему осталось пройти по узкому мосту. А потом он заметил у себя под ногами лужицу желтой крови. Здесь была ранена Викира. Но это значит, что до края всего несколько футов!..

Охваченный отчаянием, Прайс понял, что дальше отступать некуда. Взметнувшись палица, и ему пришлось вновь загородиться щитом. Рука не выдержала страшного удара. Прайс дрогнул, и ответный удар топором вышел у него не таким сильным и точным, как он рассчитывал. Маликар вовремя отшатнулся, и золотое лезвие, не причинив вреда, прошелестело перед его лицом.

Инерция тяжелого топора увлекла наполовину оглушенного американца к самому краю моста. Он зашатался, и прежде, чем ему удалось восстановить равновесие, Маликар ударил снова.

Поспешный удар, не слишком сильный, но его хватило. Палица угодила Прайсу в правое плечо. Она не пробила золотую кольчугу, однако топор выскользнул из внезапно обессилевшей руки. Онемевшие пальцы не удержали рукоять, и, кружась, древнее оружие королей Энза полетело в бездонную пропасть. Сверкнув на прощание, Корлу скрылся в желто-зеленом тумане.

Казалось, судьба снова была на стороне Маликара.

Торжествующе улыбаясь, жрец быстро двинулся вперед.

И шагнул, не заметив, в лужу золотой крови. Тяжелая и густая, она расплавленным металлом покрывала древние камни моста.

Маликар не смотрел под ноги. Он видел перед собой только беспомощного, безоружного врага, которого можно и нужно быстро прикончить. И в этот самый последний миг судьба сказала свое решающее слово. Казалось, рука мстительной Викиры схватила Маликара за ногу. Поскользнувшись, он неуклюже качнулся вперед. Стараясь удержать равновесие, жрец инстинктивно махнул палицей в сторону.

Вот он — тот момент, которого так долго ждал Прайс. Дрожа от боли и изнеможения, американец вскочил на ноги и что было сил двинул Маликара кулаком в ухо.

Он вложил в этот удар все, что у него еще оставалось: и силы, и волю, и душу. Его кулак словно врезался в каменную стену. От нестерпимой боли у Прайса даже искры посыпались из глаз. Все вокруг стало красным, а потом наступила темнота.

Ничком рухнув на узкий мостик, Прайс, уже теряя сознание, судорожно вцепился в припорошенные золотым инеем камни...

Глава тридцать вторая АЙСА ИЗ ДРЕВНОСТИ

— М'альме! М'альме!

Нежный, до боли знакомый голос словно на серебряных крыльях мечты прорвался сквозь сгустившиеся багровые облака боли. Память исчезла. Мозг, как и все тело, объявил забастовку.

— Хозяин! Хозяин! — настойчиво звали по-арабски.

Смутно чувствуя, что над ним нависло какое-то непоправимое несчастье, Прайс заставил себя открыть глаза.

Он лежал на широком ровном каменном столе, покрытом густым инеем из крохотных золотых кристалликов. В воздухе перед глазами плясала и кружилась мельчайшая золотая пыль, настоящий золотой туман... и в тумане этом, как припоминалось Прайсу, таилась какая-то опасность.

Рядом стояла на коленях девушка. С трудом повернув голову, американец посмотрел на нее. Красивая. Темные волнистые волосы. Нежная смуглая кожа. Полные изящно очерченные гранатово-красные губы. И совершенно удивительные глаза под длинными-длинными ресницами.

Почему-то Прайсу казалось, что он должен их узнать. Фиолетовые, глубокие, загадочные. А в их глубине — сострадание и печаль.

Как и все кругом, одежда девушки сверкала золотыми кристалликами инея. Пятна золотой пыли покрывали ее лицо.

И она почему-то обращалась к нему по-арабски. И называла «хозяин». Не может же он и в самом деле быть хозяином такого очаровательного существа. Но если все-таки это так, то, значит, ему сказочно, баснословно повезло.

Закрыв глаза, Прайс покопался в памяти. Это невероятное место, полное золотого тумана, каким бы невозможным оно ни казалось на первый взгляд, выглядело странно знакомым. И теперь Прайс уже не сомневался, что девушку он тоже раньше где-то видел.

Он даже знал ее имя. Ее зовут... зовут... зовут... Айса!

Айса! Он прошептал имя вслух, и, услышав его голос, девушка радостно вскрикнула. Наклонившись над Прайсом, она крепко его обняла. Как приятно было это объятие! Восхитительная девушка! Прайсу хотелось, чтобы она никуда не уходила, чтобы она все время оставалась рядом с ним.

Какое блаженство — вот так лежать в кольце мягких девичьих рук. Но долго лежать нельзя. Была какая-то опасность... Желтый туман...

Прайс попытался сосредоточиться. Золотой туман... Да, именно так. Туман превратит в живое золото и его самого, и милую девушку. Прайсу совсем этого не хотелось.

Пошарив, он нащупал лежавшую у него на лбу мокрую ткань и знаками показал, что надо завязать ею лицо. Айса мигом сообразила, в чем дело. Вскоре они оба уже щеголяли в импровизированных газовых масках.

От движения все тело у Прайса разболелось. Похоже, он недавно с кем-то сражался — иначе откуда столько синяков и ссадин?.. Да-да, теперь он начинал припоминать схватку с каким-то желтым человеком на узком мостике через пропасть.

Закрыв глаза, Прайс упорно вспоминал. Желтый человек... золотой великан с окровавленной шипастой палицей... Как можно забыть его имя?.. Маликар! Надо спросить о нем у девушки.

— Где Маликар? — прошептал американец.

Айса показала на клубящийся в бездонном провале туман.

— Я проснулась, и на моем лице лежала мокрая ткань, а ты сражался на мосту. Маликар ударил тебя своей страшной палицей. А ты ударил его кулаком, и он рухнул в пропасть. А потом ты упал на мост, и я притащила тебя сюда.

Прайс дышал через мокрую ткань, и в голове у него понемногу прояснялось.

— Но, м'альме, как ты сумел так быстро сюда добраться? Ты же остался в Энзе. Только прошлой ночью Маликар запер тебя в гробнице великого Иру. Он, кстати, думал, что ты умер.

И тут Прайс наконец-то все понял. Нахлынувшие воспоминания разогнали серый туман забвения, затянувший его разум. Все стало кристально ясным. Он победил, и Айса, прекрасная Айса, теперь рядом с ним. Свободная и совсем не золотая. А в катакомбах Энза Маликар запер его совсем не прошлой ночью, а много-много дней тому назад.

Впрочем, об этом Айсе можно будет рассказать и чуть позже.

Ноющей от каждого движения рукой Прайс обнял девушку за плечи. Она прижалась к нему, поднимая на влюбленного горящие радостью глаза...

Однако здесь оставаться нельзя — может сразить навеваемый золотым паром сон. Тогда все пропало. Айса измениться не успела, но лучше все-таки поторопиться...

— Ты устал, м'альме, — прошептала Айса. — Давай отдохнем тут.

Солнце уже клонилось к горизонту, и от черной базальтовой громады Хаджар-Джеханнума путников отделяли добрых три мили. На верху горы по-прежнему золотом и снежно-белым мрамором сверкал волшебный дворец Вирл. Два часа тому назад Прайс и Айса выбрались через взорванные Якобом Гартон ворота и двинулись в далекий и трудный путь через мертвые лавовые поля назад в оазис.

— Не называй меня хозяином, — сказал ей Прайс, когда они уселись на камнях перекусить подаренными когда-то Сэмом Сорроузом галетами, финиками и сушеным мясом.

— Почему нет? Разве я не принадлежу тебе? И разве ты однажды не купил меня за половину моего веса золотом? — Айса рассмеялась. — И разве я хочу еще чего-нибудь, кроме как принадлежать тебе?

— Что ты имеешь в виду, дорогая? Я купил тебя?

— Неужели ты не помнишь древнюю историю Айсы и Иру? Ах да, ты же никогда ее не слышал! Я обязательно должна тебе ее рассказать!

— Значит, в Энзе во времена царствования короля Иру действительно была девушка по имени Айса?

— Ну конечно, м'альме. Меня и называли-то в ее честь потому, что у меня голубые глаза. Точь-в-точь такие были у нее. Среди людей Бени-Энз, если ты не знаешь, такой цвет глаз встречается крайне редко.

Итак, в древности Айса была рабыней. Иру купил ее у какого-то торговца из далекой северной страны.

Прайсу стало как-то не по себе. Неужели странная история Викиры на поверку оказывалась правдой? Неужели Айса, его милая Айса, если и не аватара, то, во всяком случае, названа в честь убийцы?

— Не волнуйся, любимая, — поспешил прервать рассказ девушки Прайс и крепко прижал ее к себе.

Айса рассмеялась легко и беззаботно, как ребенок. Ее фиолетовые глаза светились озорством.

Нет, Прайс не даст ничему и никому разлучить его с ней. Он забудет глупые байки Викиры. Он не верит ни в какую реинкарнацию... почти совсем не верит...

— Я все равно хочу рассказать тебе эту историю, м'альме, — прошептала девушка.

— Забудь о ней. Что в ней особенного? Мы счастливы, и ничто не должно омрачать...

— Но, м'альме, моя история вовсе не омрачит нашего счастья.

— Тогда, конечно, расскажи ее.

— По воле своей матери король Иру с раннего детства был обручен с Викирой, дочерью одного влиятельного принца. Тогда она еще не была золотой.

Если верить легендам, Иру полюбил девушку-рабыню по имени Айса. Викира приревновала его к сопернице. И вот однажды ночью она подпоила короля и выиграла у него рабыню в кости.

— Могу себе представить, как она это сделала, — прошептал Прайс, припоминая свои собственные приключения в замке Вирл.

— Когда Иру протрезвел, он потребовал вернуть ему девушку. Викира не смела отказаться, но в обмен потребовала самую дорогую цену, какую только могла придумать. Она ответила Иру, что отдаст ему Айсу только в обмен на ручного тигра. Причем такого, на котором можно будет ездить верхом.

И вот Иру отправился в горы, поймал там тигренка, приручил его, а потом отдал Викире. Той не оставалось ничего другого, как вернуть Айсу, которую она ненавидела лютой ненавистью.

Прайс снова почувствовал некоторое беспокойство. Эта история как две капли воды походила на ту, что ему рассказала Викира. Он помнил, чем все это кончилось, — любимая рабыня коварно убила своего благодетеля.

Прайс хотел опять остановить Айсу, но все-таки решил промолчать. В конце концов, какая разница, что там и как было двадцать веков назад. События седой старины не могли

встать между ним и его любовью.

— Королю Иру очень не нравился жестокий культ змея. Он уничтожил храм змея и в яростной битве перебил всех жрецов. Но Маликар, которого все считали погибшим, вернулся отомстить за разрушение храма. И вернулся он существом из живого золота. Были жаркие битвы, и тщетно пытался Маликар одолеть короля Иру. Тогда, переодевшись, Маликар тайком пробрался в Энз, решив убить Иру.

И нашел женщину, согласившуюся сделать для него это черное дело.

Прайс вздрогнул. Он уже один раз слышал эту проклятую историю.

— Я не знаю, что Маликар сказал Викире. Наверно, он обещал ей бессмертие золотой крови — награду, которая впоследствии ей и досталась. Бессмертие и власть над Энзом. К тому же Викира ненавидела Иру из-за его привязанности к рабыне.

А потом Викира отравила вино короля...

Радость весенним цветком распустилась в сердце Прайса. Прижав Айсу к себе, он поцелуями заставил ее прервать свой рассказ.

— Чему ты так радуешься? — невинно удивилась Айса. — Тому, что Викира отравила Иру?

— Не важно, дорогая. Рассказывай дальше.

— Викира своими руками поднесла Иру кубок. А рабыня тогда была рядом. Заметив злорадное торжество на лице Викиры, девушка крикнула, что вино отравлено, и попросила короля его не пить.

И тогда Викира, чтобы ее не заподозрили, изобразила страшный гнев. Она обругала рабыню и сказала, что сама выпьет вино, если король взамен отдаст ей Айсу.

Однако Иру отказался. Он был слишком смел и благороден и не мог представить себе, что другие способны на подлость. Король поднес вино к губам. Айса попыталась выбить кубок у него из рук, но Иру остановил девушку.

Айса умоляла короля отдать вино ей... Иру ее не послушал. Он осушил кубок и тут же упал замертво. С последним вздохом он пообещал, что вернется и отомстит Викире за предательство. Вне себя от горя, Айса бросилась на тело мертвого короля, а Викира, пользуясь удобным моментом, заколола ее кинжалом, который она взяла с собой на случай, если яд не сработает. Оставив короля и его рабыню бездыханными лежать на полу, она поспешила к Маликару за обещанной наградой.

Прайс не знал, что и сказать.

Рассказ Айсы рассеял последние мучившие его сомнения. Он стер все преграды, какие еще могли стоять между ним и этой изумительной девушкой. Они были одним целым. Прайсу казалось, что свершилось то, чему было предначертано свершиться еще на заре времен. Из смуты и болезненной сумятицы его прошлой жизни выросло нечто новое, цельное и волшебно прекрасное. Прайс знал, что во всех своих бесконечных путешествиях по миру он бессознательно искал именно эту девушку. Все годы он шел к этому мигу посреди пустыни наедине с Айсой.

Алое солнце медленно опускалось за горизонт. Яростное безумие дневного жара уступало место блаженной прохладе вечерних сумерек.

Умиротворенно вздохнув, Айса поудобнее устроилась в объятиях любимого. Ее голова доверчиво покоилась на его плече. И пустыня вокруг окутывала их покоем, равного которому Прайс еще никогда в жизни не испытывал. Покоем и тихим счастьем, вечным и неменяющимся, как и весь этот суровый край.

Ощущение счастья и покоя не исчезло даже тогда, когда Айса встрепелась, с тревогой подняв глаза к небу.

— Что это там гудит, словно рассерженная пчела? — с беспокойством в голосе спросила она.

Прайс тоже услышал далекое гудение. Поискав, он указал девушке на маленькое серое пятнышко, неторопливо ползущее по алеющему небосводу, — один из самолетов,

вызванных Якобом Гартон по радио.

Когда биплан подлетел уже совсем близко, Прайс и Айса встали.

Сняв рубашку, американец замахал ею над головой. Серый самолет спикировал и, ревя мотором, на бреющем полете прошел над самой землей. В его кабине Прайс разглядел Сэма Сорроуза без шлема и очков, небрежно высунувшегося за борт и махающего ему рукой. Прайс помахал в ответ, и самолет, развернувшись, взял курс обратно на оазис.

— Это воздушный корабль моего народа, — объяснил Прайс. — На нем, если ты захочешь, мы сможем улететь в мою страну. Человек, который в нем сидел, — мой друг. Здесь много камней, и он не мог приземлиться тут в темноте. Но завтра он вернется.

Широко раскрыв от удивления глаза, Айса задавала возлюбленному множество вопросов, и Прайс отвечал на них, как мог. Стих вдали гул мотора, в пустыню вернулась тишина, из-за далеких гор выглянул бронзовый диск луны.

Айсе не терпелось все поскорее узнать, но для Прайса его новое счастье жило в мире серебряного света и пурпурного полумрака, в краю тайн, насчитывающих миллионы и миллионы лет. Оно сидело рядом с ним, и Прайсу ничего больше не было нужно.